ОРЛОВСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

С. Д. Краснощекова Л. Н. Красницкий

АРХЕОЛОГИЯ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Орел
2006

ОРЛОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

«ОРЛОВСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Выпуск пятый

С. Д. Краснощекова
Л. Н. Красницкий

АРХЕОЛОГИЯ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ОРЕЛ
«ВЕШНИЕ ВОДЫ»
2006

ББК 26.891
К 78

Орловский краеведческий музей выражает благодарность за поддержку издания и личное участие в подготовке выпуска академику РАЕН, доктору медицинских наук Владимиру Ивановичу Ноздрину, депутату Государственной Думы РФ, кандидату исторических наук Ивану Яковлевичу Мосякину и индивидуальному предпринимателю Владимиру Николаевичу Казакову.

Редакционная группа:
В. В. Титова — директор ОГУК «Орловский краеведческий музей », кандидат исторических наук, Заслуженный работник культуры РФ
В. А. Ермаков — старший научный сотрудник **ОГУК ОКМ,** Заслуженный работник культуры **РФ**
Л. В. Миндыбаева — старший научный сотрудник **ОГУК ОКМ**

В оформлении обложки использована работа В. М. Неделина «Городище Радовище». 2004.

К 78 Краеведческие записки, вып. **5** (тематический).
Краснощекова С. Д., Красницкий Л. Н. Археология Орловской области. — Орел: издательство «Вешние воды», 2006. — с. 320, илл.
ISBN 5-87295-ООО-О

5-й выпуск издания «Краеведческие записки» содержит монографию С. Д. Краснощековой и Л. Н. Красницкого «Археология Орловской области ». В этой совместной работе преподавателя Орловского Государственного университета и научного сотрудника Орловского краеведческого музея впервые представлена полная археологическая панорама Орловского края, изучены материалы исследований XIX-XX вв. и суммированы результаты собственного опыта авторов — профессиональных археологов. Книга является незаменимым пособием по истории региона и заполняет существующий пробел в отечественном краеведении.

ББК 26.891
ISBN 5-87295-ООО-О

© ОГУК ОКМ, 2006
© Краснощекова С. Д., 2006
© Красницкий Л. Н., 2006
© «Вешние воды», 2006

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

Земля Орловская, земля вятичей, сокровенно хранит многие и многие тайны незапамятной древности. В этом еще раз убеждаешься, когда знакомишься с книгой С. Д. Краснощековой и Л. Н. Красницкого «Археология Орловской области». Крупицы далекой местной истории являются частью культурного наследия народов России и всего мира, имеют огромную научную ценность.

В начале третьего тысячелетия нам важно понять, кто же были наши предшественники — древние обитатели просторов Среднерусской возвышенности. Понять, что составляло основу их жизни, как был устроен быт, во что верили, к чему стремились. Их опыт — это и часть нашей цивилизации, кладезь мудрости, и горький осадок «ошибок трудных».

Книга об археологии края издается в Орле впервые. Однако ее выход по-своему закономерен — в последние годы вниманию читателей были представлены иллюстрированный альбом «Века над Окой», фундаментальные работы В. М. Неделина «Орел изначальный » и «Архитектурные древности Орловщины» (совместно с художником В. М. Ромашовым), многие другие издания краеведческой тематики. Даже в нагие трудное время не перестает биться пытливая мысль исследователей, проникающих в тайны ушедших столетий. В новой книге сделан еще один шаг к познанию прогилого Орловщины, к тому, чтобы белых пятен в ее истории оставалось как можно меньше.

Авторы обобщили итоги многолетних археологических раскопок и кропотливой научно-исследовательской рабо-

ты в архивах, а также собрали воедино практически все, что было прежде опубликовано о местной археологии. Получилась своеобразная энциклопедия, которая детально показывает неповторимый мир древностей, историю их открытия и изучения. Страницы книги позволяют совершить своеобразное путешествие в далекое прошлое, пройти по дорогам минувших столетий, мысленно увидеть, как жили древние люди, какими были первые поселения, давно исчезнувшие крепости, города...

Энтузиазм и подвижнический труд авторов книги можно только приветствовать. Хотелось бы надеяться, что археология перестанет быть на Орловщине уделом энтузиастов, что наши вузы обратят более пристальное внимание на разработку этих проблем, будут способствовать рождению в Орле полнокровной научной школы по археологии. Уверен, что благородное дело исследования глубокой древности поможет донести до сегодняшних и будущих поколений правду о наших предках, укрепить в душах людей духовность, веру в добро и человечность...

Е. С. СТРОЕВ
Губернатор Орловской области

ВВЕДЕНИЕ

Книга «Археология Орловской области» подводит итоги работы авторов на протяжении последних десятилетий XX века по древней истории региона. Привлечены практически все археологические, исторические и краеведческие данные по Орловской области как в современных границах, так и в границах конца XIX — начала XX века. Архитектоника работы, помимо научного аппарата, предусматривает краткое введение в археологию, что дает возможность использовать книгу как учебно-методическое пособие в школах и вузах при изучении курсов по историческому краеведению и археологии.

Работа состоит из четырех частей с различным числом глав и разделов.

Часть I «Краткое введение в археологию» предназначена читателю, начинающему знакомиться с основами археологической науки и методикой археологических исследований. Приводится археологическая периодизация,подчеркивается ее тесная связь с общеисторической периодизацией человечества. Дается разъяснение научных понятий, таких как «археологические источники и памятники», «археологическая культура» и т.п. с примерами по Орловской области. В разделе «Археология и антропогенез» кратко излагается сущность научных гипотез последних лет о зарождении и развитии человека. Раздел «Археология в России» сжато освещает основные этапы развития данной науки в России с летописных времен до начала XX века.

Часть II «Географическое положение и природные условия Орловской области» состоит из двух глав. В первой главе авторы кратко разъясняют территориальное разли-

чие понятий «Орловский край» и «Орловщина» в границах конца XVIII — первой половины XX века. Вторая глава отведена природным условиям современной Орловской области, их сложению в периоды оледенения — плейстоцена и современного голоцена. Разъясняются природные особенности региона на границе лесной и лесостепной полос центра Европейской части РФ. Наиболее интересны в данной главе сведения о предположениях калужских и курских краеведов о первоначальном впадении Оки в Десну примерно 8-10 тысяч лет назад и ее истоках из Самодуровского, ныне пересохшего озера. Эти гипотезы, меняющие картину речных связей Орловщины в древности, практически не рассматривались орловскими краеведами.

Часть III «История археологического изучения территории Орловского края» содержит обзор и характеристики исследований края с середины XIX века. В первых шести главах С. Д. Краснощекова приводит почти забытые факты начала деятельности орловских краеведов-археологов, особенно А. Г. Пупарева, чьи данные о наличии городищ и курганов в Орловской губернии не устарели и сегодня. Освещается археологическая деятельность Орловской ученой архивной комиссии, публиковавшей в своих «Трудах» статьи по данной тематике. Анализируются труды А. Н. Шульгина, П. М. Еременко, А. С.Чуева, В. Р. Апухтина и других, с чьими именами связано начало полевых исследований на Орловщине. Отмечается, что созданный в 1897 году Орловский губернский музей остается центром археологических исследований и в наши дни. Рассматривается деятельность Орловского церковного историко-археологического общества, способствовавшего через работы И. Е. Евсеева изучению археологического прошлого Орловщины на профессиональной основе. В последних трех главах автором рассматривается деятельность Орловского губернского краеведческого общества и Орловского краеведческого музея в 1920-1940-е годы. Большое внимание уделено работам П. С. Ткачевского, чья деятельность была прервана репрессиями в начале 1930-х годов. Исчерпывающе представлены резуль-

тэты экспедиций Института археологии АН СССР в 1950-1980-е годы, а также первые шаги Орловского археологического отряда под руководством Л. Н. Красницкого. Последняя глава повествует о деятельности археологической экспедиции Орловского краеведческого музея под руководством С. Д. Краснощековой. Открытия экспедиции в Ливенском районе вывели его на первое место в области по числу выявленных археологических памятников.

Часть IV «Археологическое прошлое Орловской области » освещает в хронологическом порядке археологическую историю в современных границах. В связи с крайне слабой изученностью каменного века и эпохи раннего металла, авторам приходится привлекать известные данные по соседним регионам «орловского квадрата », ограниченного реками Десной, Угрой, Доном и Сеймом.

Эпоха раннего железного века (вторая половина I тысячелетия до н.э. — первая половина I тысячелетия н. э.) — наиболее изученный археологический дописьменный период региональной истории. Авторы отмечают как обследованность, в основном, левобережья Оки, так и спорность вопросов взаимоотношений лесостепного и степного населения, что накладывает отпечаток на изучение ранней этнической истории края.

Археологическое прошлое Орловщины в IX—XIII веках неразрывно связано со спорными и сложными вопросами истории Древнерусского государства, которое принято называть Древняя Русь. Возможно, авторы слишком смело становятся на сторону мнения академика В. В. Седова о существовании Русского (южного) каганата первой половины IX века н.э., в границы которого входила и Верхняя Ока. Уделив внимание памятникам ранних вятичей VIII—X веков, авторы рассматривают пути походов киевских князей на «лесную землю», вслед за которыми туда направлялись киевская администрация и караваны купцов. Интересны сведения о первых городах на территории Орловщины, названия которых, за исключением Кром, Мценска и Новосиля, спорны или неизвестны.

Новым в орловском краеведении является предположение о формировании в пределах региона в XI—XIII веках системы погранично-сторожевой службы, легшей в основу обороны Русского государства в XVI—XVII веках.

Дан краткий обзор Орловского края в XIV-XVI веках, прошлое которого известно почти полностью по письменным источникам. Последняя глава предлагает впервые разработанную региональную археологическую периодизацию Орловской области в современных границах.

Большой интерес вызывает заключение, подготовленное деканом исторического факультета Орловского Государственного университета, доктором исторических наук С. Т. Минаковым. Это фактически отдельная научно-исследовательская статья по ранней истории восточных славян в период сложения древнерусской государственности и деятельности знаменитого князя Святослава Игоревича, разгромившего Хазарский каганат и включившего вятичей Верхней Оки в состав Русского государства. Автор «Заключения» подчеркивает, что редактируемая им книга — «успешная попытка представить фундаментальные основания для определения культурно-исторического ареала, культурно-исторических границ понятия «Орловщина».

В. В. ТИТОВА
кандидат исторических наук,
директор Орловского краеведческого музея

Часть I

КРАТКОЕ ВВЕДЕНИЕ В АРХЕОЛОГИЮ

Археология — отдел исторической науки, изучающий прошлое человечества по вещественным источникам и памятникам. К ним относятся остатки жизнедеятельности людей, обнаруженные на древних стоянках, поселениях, городищах, в курганах и могильниках разных эпох: орудия труда, оружие, предметы быта, украшения, предметы культа.

Археология — это интересная область проникновения в прошлое, это романтика поиска и радость открытия при соприкосновении с подлинными древними вещами. Археолог как бы реконструирует социально-экономическую историю различных эпох, которые мало или совсем не освещены письменными источниками.

Год рождения этой науки назвать сложно. Термин «археология» впервые ввел в оборот греческий философ Платон в IV в. до н. э. (диалог «Гиппий Больший»). Под этим термином Платон разумел «науку о древностях»[1]. У римлян для обозначения древней истории употреблялось слово «антиквариат». Оба слова получили «права на гражданство» во всех языках. Однако с римского времени и вплоть до конца XVIII в. господствовал латинский термин antiquitates ■— древности. Только после того, как в 1767 г. профессор Христиан Готлиб Гейне прочел в Геттингенском университете курс «Археология искусства древности, преимущественно греков и римлян», старое название возродилось. В России в 1803 г. «Новый словотолкователь» Н. М. Яновского уже разъяснял читателям, что археология — это «описание

древностей»[2]. В широкое употребление это слово вошло в 1820-е гг.

Как наука археология оформилась в середине XIX в., когда выделились основные ее направления: первобытная, античная (классическая), восточная (Египет, Передняя Азия и др.) и средневековая. В дальнейшем специализация археологии углубляется как территориально по странам и регионам, так и по временным факторам (палеолит, ранний железный век и др.). Выделяются современные направления: историческое, этнологическое, экономическое и др.

Работа археолога заключается в поиске археологических памятников, их исследовании, изучении находок, научном оформлении итогов исследований.

Поиск памятников археологии — археологическая разведка — может быть предварительной рекогносцировкой или детальной разведкой с закладыванием шурфов для выявления наличия культурного слоя и съемкой плана объекта.

Исследование памятника заключается в его раскопках — «научном разрушении объекта», что требует значительного опыта проведения подобных работ. Раскопки ведутся стратиграфическим методом — по слоям и пластам. Этим методом устанавливается относительная хронология разных этапов жизни на поселении. По находкам вскрытых раскопками элементов сооружения памятника, остаткам жилищ и прочему устанавливается относительная хронология памятников одной культуры или региона. Самая сложная часть археологических исследований — установление абсолютной хронологии: датировка памятника, привязанная к нашему времени. Здесь, помимо археологических методов (сравнительно-типологическое изучение находок, начинающееся еще в ходе раскопок и разведок, перекрестная датировка и др.), широко применяются естественно-научные методы датировок в лабораторных условиях (дендрологический — по годичным кольцам деревьев, спорово-пыльцевой — по содержанию углерода С-14 и пр.), позволяющие уточнить датировку памятника по почве культурного слоя, находкам костей, обожженной глине и т. п. в

пределах от нескольких сотен до нескольких миллионов лет.

Археологическая периодизация истории человечества — одно из важнейших достижений археологической науки. Археологическая периодизация основана на материале изготовления основных орудий труда и оружия (камень, медь, бронза, железо) и охватывает историю человечества от первых предков человека, изготовлявших орудия два и более миллионов лет тому назад, до XIII—XIV вв. н. э.

В настоящее время для Евразии и Африки применима следующая общая археологическая периодизация:

Каменный век

I. Палеолит (древнекаменный век): 3/2 млн. — 12/10 тыс. лет до н. э.

1. Ранний палеолит: 3/2 млн. — 50/40 тыс. лет до н. э.

а) Олдувай: 3/2 млн. — 900/700 тыс. лет до н. э.

б) Ашель: 900/700 — 150/120 тыс. лет до н. э.

в) Мустье: 150/80 — 45/40 тыс. лет до н. э.

2. Поздний палеолит: 45/40 — 12/8 тыс. лет до н. э.

II. Мезолит (среднекаменный век): 12/8—7/6 тыс. лет до н. э.

III. Неолит (новокаменный век): б/ 5 — 3/2 тыс. лет до н. э.

Эпоха раннего металла

I. Энеолит (меднокаменный век): 6 — 4 тыс. лет до н. э.

II. Бронзовый век: 3-2 тыс. лет до н. э.

Железный век с рубежа 2-1 тысячелетий до н. э.

Ранее палеолит делили на три периода: нижний (ранний), средний и верхний (поздний), относя к периоду среднего палеолита эпоху мустье. Энеолит часто определяют отдельной археологической эпохой — веком. По мере изученности по региону каждый период подразделяют на ряд более кратких периодов. Не для всех регионов ойкумены характерно прохождение всех этапов вышеназванной периодизации. Различаются по регионам начало и протяженность отдельных периодов. Заметна синхронность эпох с конца позднего палеолита.

Археологическая периодизация тесно связана с исторической, согласно которой историю человечества принято разбивать на три периода.

Разделение относительно условно, ибо в древности часто археологические источники носили универсальный характер (особенно первых трех типов). Обычно вещественные находки добываются археологами при раскопках археологических памятников. Вещи, найденные на объекте без раскопок, называются подъемным материалом, вне территории объектов — случайными находками.

Археологические памятники — объекты исследований, связанные с жизнью, деятельностью и смертью человека, которые, как и находки на них, являются археологическими источниками. Выделяют более 20 типов и видов археологических памятников, основными и наиболее изученными из которых являются поселения и погребения.

Поселения, помимо временных показателей, разделяются на два вида: неукрепленные и укрепленные. К неукрепленным относятся по центру европейской части Российской Федерации: стоянки каменного века, поселения эпохи раннего металла, селища эпохи железного века и местонахождения археологических находок всех трех эпох.

Укрепленные поселения, городища, имеют обычно фортификационные сооружения — валы и рвы перед ними. По лесной полосе европейской России городища появляются в эпоху раннего железного века. С эпохи Киевской Руси известны города.

Древние фортификаторы всегда использовали особенности рельефа в системе обороны городищ. Так, наиболее распространенные приречные городища расположены на мысах рек, образованных при впадении в них более мелких рек или ручьев по глубоким оврагам, т. е. «на устьях». Таковы по месторасположению не только более ранние орловские города — Мценск (Зуша — Мценя), Кромы (Крома — Недна), но и города — крепости второй половины XVI в. — Орел (Ока — Орлик), Ливны (Сосна — Ливенка).

По системе оборонительных сооружений выделяют 4 основных типа городищ:

I тип. Оборонительные сооружения полностью повторяют особенности рельефа местности. Это городища на «ос-

танцах» и отдельных холмах в поймах рек, а также островах — речных *и* болотных. Обычно они имеют укрепления по всему периметру занимаемой площади. Форма площадок данных городищ обычно округлая или овально-вытянутая.

II тип. Планировка оборонительных сооружений частично использует защитные свойства рельефа местности. Наиболее характерны городища на мысах рек и оврагов, защищенные с одной, «напольной», стороны валами со рвами.

III тип. Поселения имеют оборонительные сооружения более или менее правильной геометрической формы: круг, полукруг, прямоугольник и т. п. — вне зависимости от рельефа местности. Но одной стороной городища данного типа, как правило, опираются на крутой берег реки или оврага.

IV тип. Поселения со сложным планом оборонительных сооружений и эшелонированной системой обороны с учетом защитных свойств рельефа. Обычно это городища городов.

Среди городищ раннего железного века по Русской равнине выделяют городища-убежища, к валам которых вплотную примыкали селища, где проживала основная часть населения. Наиболее крупные городища эпохи Киевской Руси, выделяющиеся спецификой находок, относятся к поселениям городского типа. Древнерусские города имели, как правило, внутреннюю крепость, включающую детинец, кром (кремль) и окруженную укрепленным «окольным городом». Важным элементом города была торговая площадь — «торжище». В крупных городах таких площадей было несколько. «Торжище» находилось в «окольном городе» и являлось центром не только торгово-ремесленной, но и политической жизни населения не только города, но и его округи. Третьим элементом древнерусского города были примыкающие к «окольному городу» посады, площадь которых обычно значительно превосходила первые две части. Посады, как правило, были не укреплены и часто сжигались самими жителями перед осадой, чтобы ими не воспользова-

лись осаждавшие. Города-крепости, характерные для южных границ Киевской Руси, обычно не имели посадов.

Очень характерны с данного времени укрепленные феодальные усадьбы. Чаще всего они занимали городища предыдущих эпох, но иногда возводился сильно укрепленный, обычно округлый в плане детинец, окруженный посадом без окольного города.

Промежуточный между селищем и городищем тип укрепленного поселения представлен так называемыми «протогородищами ». Это мысовые поселения, защищенные рельефом местности с двух-трех сторон. С напольной стороны поселения ограничивались только рвом и бревенчатым частоколом, следы которых в наше время не просматриваются и выявляются лишь при больших площадных раскопках. На Орловщине это исторически известные «городки», сооруженные местными жителями в эпоху Смутного времени для защиты от разбоя польско-литовских интервентов и «гулящих людей», и пограничные посты сторожевой службы XIII — начала XVII в.

Основное отличие поселений от погребений — наличие т. н. «культурного слоя», образующегося на месте поселения вследствие деятельности человека и ветровых наносов. Толщина или «мощность» культурного слоя зависит от времени функционирования поселения и может быть от нескольких сантиметров до нескольких метров (в Средней Азии ■— до 30 м). Культурный слой является основным объектом археологических раскопок поселений, которые могут быть как однослойными, т. е. жизнь на них продолжалась лишь в определенный период времени, так и многослойными: содержать слои разного времени, с перерывами жизни на данном месте, или без перерывов.

В настоящее время как отдельный тип археологических памятников выделяют «культурный слой» летописных и исторических городов, существующих как поселения и в наши дни, но утративших следы укреплений (в Орловской области — Орел, Волхов и Ливны).

Погребения разделяются на две основные группы: грун-

товые могилы и курганы. Грунтовые могилы не имеют в наше время внешних признаков. Курганы отличаются внешним архитектурным завершением в виде обычно земляной насыпи полусферической формы различной высоты. Группу из двух и более погребений называют могильником. Выделяют так называемые «пустые курганы» — кенотафы, воздвигнутые в память о погибших далеко от родины. Крайне разнообразен погребальный обряд захоронения: от ингумации (трупоположения) и кремации (трупосожжения с захоронением праха) до обрядов, не оставляющих археологических следов погребений — захоронение в воде, развеивание праха и др. Вещи, сопровождавшие покойного, входят в погребальный инвентарь, который часто отсутствует, особенно при кремации. Находки на месте полностью разрушенных погребений также относят к разряду местонахождений. Погребения не имеют культурного слоя, но могут быть совершены на месте поселения более ранней эпохи. В таких случаях памятники носят комплексный характер.

Из других видов археологических памятников на территории Орловской области известны:

1. Производственные комплексы — стоянки-мастерские каменного века, карьеры последующих эпох.
2. Культовые камни — «каменные бабы», «следовики».
3. Клады — намеренно скрытые предметы обычно одной эпохи,начиная с бронзового века.
4. Остатки древних дорог и оборонительных сооружений — «засек».

Группу памятников, объединенных сравнительно общей территорией, близким временем, общими культурными признаками, называют археологической культурой.

Наименование археологические культуры получают:

— по названию первого открытого памятника данной культуры (белевская по стоянке у г. Белев; фатьяновская — по могильнику у с. Фатьяново и т. п.);

— по географическому местонахождению (среднеднепровская, верхнеокская, днепро-донецкая и т. п.);

— по характерным археологическим находкам (культуры ямочно-гребенчатой керамики, культуры шнуровой керамики и боевых топоров и т. п.);
— по системе сооружения погребальных памятников (катакомбная, срубная и т. п.).

Археология и антропогенез. Современный геологический четвертичный период кайнозойской эры планеты в настоящее время принято называть антропогенезом (с древнегреческого: антропос — человек, генезис — рождение). Связано это с тем, что в данный период появился человек, прошло его развитие от ранних типов до человека современного биологического облика. Новые открытия постоянно отодвигают вглубь начало антропогенеза, связанное с появлением человека. До середины XX в. появление человека относили ко времени 900-800 тысяч лет назад. Считалось, что развитие человека прошло три стадии: архантропы — до 150-120 тысяч лет назад (питекантроп, синантроп и др.); палеантроп — 150/120 — 40 тысяч лет назад (неандерталец эпохи мустье); неантроп — 40 тысяч лет назад (человек современного типа).

Уже архантропы обладали прямохождением, изготовляли примитивные каменные орудия, а синантропы 500 тысяч лет назад использовали пещеры как жилища и владели искусством применения огня.

В настоящее время установлено, что гоминиды — ископаемые и современные виды человека — появились около 6 миллионов лет назад и более 2 миллионов лет назад изготовляли каменные орудия. Архантропам, называемым и «хомо эректус» (человек выпрямленный, прямоходящий), предшествовал более ранний — человек умелый («хомо хабилис»), изготовлявший каменные орудия. Слой с находками «хомо хабилис» в ущелье Олдувай (Восточная Африка, Танзания) датирован временем 1 миллион 650 тысяч лет назад. Человеку умелому предшествовали еще более ранние прямоходящие гоминиды, еще не изготовлявшие каменные орудия.

Много споров вызывает отношение к формированию

2 Заказ № 3877

современного человека — палеантропа — неандертальца, которому отводят время 100/80 — 40/35 тысяч лет назад. Утверждается, что часть неандертальцев относится к тупиковым ветвям человечества. Некоторые исследователи (Г. Н. Матюшин и др.) выдвигают гипотезу, что неантропы — «хомо сапиенс » (человек разумный) прошли три стадии биологического развития:

— 300 тысяч лет назад архаичный предок неантропа сменил «человека прямоходящего»;

■— 100-40 тысяч лет назад в Европе и Азии жил палеантроп — неандерталец «прогрессивного вида» (хомо сапиенс неандерталис);

— 50-40 тысяч лет назад закончилось биологическое формирование человека современного типа (хомо сапиенс сапиенс).

Далее ход истории ускоряется с нарастающей быстротой по сравнению с предыдущими периодами и заканчивается в последние тысячелетия созданием цивилизации человечества.

Основы цивилизации закладываются в дописьменный период, но обычно их связывают с появлением письменности, подразумевая под понятием «цивилизация» совокупность материальных и духовных достижений общества в его историческом развитии в рамках той или иной общественно-экономической формации.

АРХЕОЛОГИЯ В РОССИИ

Территория нашей страны довольно густо насыщена археологическими памятниками.

Сотни лет городища и курганы служили своеобразными, хорошими ориентирами. Например, в дарственной грамоте Киево-Печерскому монастырю, приписывавшейся Андрею Боголюбскому, границы угодий проведены через два городища и четыре кургана.[3] Повесть временных лет неоднократно упоминает о длинных валах, расположенных к югу от Киева/ Интересна легенда об этих валах: оказыва-

ется, это — отвал борозды, проведенной плугом, в который запряг грозившего Киеву дракона — Змия — богатырь Кирило Кожемяка. В качестве ориентиров использовались и «каменные бабы» — половецкие каменные изваяния в причерноморских степях[5].

В Ипатьевской летописи говорится, что в Ладоге бывает «туча велика и находят дети наши глазкы стекляныи и малый и великыи, провертаны, а другые подле Волхова беруть, еже выполоскываеть вода»[6]. Летописец встретился с явлением, хорошо знакомым археологам: дожди и реки часто вымывают различные вещи из так называемого культурного слоя, в данном случае — из мощных отложений Ладожского городища.

В средневековье находка «каменной громовой стрелы» считалась большой удачей, приносящей здоровье, богатство и власть[7]. Верили, что каменные наконечники копий и каменные молотки образуются при ударе молнии о землю. В рукописном «Травнике» из собрания И. Е. Забелина сообщается: «А тот камень падает и стреляет сверху от грома... Он же и громовая стрела называем... Того же камня демони боятся, а носящий его не убоится напасти и беды и одолеет сопротивников своих. Аще кто и стрелу громовую с собой носит, тот может всех одолеть силою своею, и против его никто не устоит, хотя б сильнее его был»[8]. Иногда «громовыми стрелами » называли также белемниты, хотя их чаще рассматривали как «чертовы пальцы». Согласно словарю В. И. Даля, «громовой стрелой» могли в народе называть и «пальчатую сосульку, образующуюся в песках от удара молнии и сварки песка »[9]. Мифологическая связь удара молнии и камня отразилась также в народном названии гигантских гранитных монолитов — «гром-камень», «конь-камень». Известны находки кремневых орудий, имеющих металлические оправы для того, чтобы носить их в качестве привесок (илл. I)[10]. В слое XIII — XIV вв. в Новгороде Великом найден амулет — наконечник копья эпохи неолита, обрамленный в медную оправу. Это указывает на включение этого первобытного по происхождению и языческого по

магическому назначению талисмана в контекст христианской цивилизации. Каменные топоры-амулеты, топоры с кириллическими надписями могут быть сопоставлены с другими любопытными памятниками — когтями и зубами животных с отверстиями для подвешивания, которые имели порой надписи, такие как на клыке из Вщижа: «Господи, помози рабу своему Фоме»[11]. Сочетания двух вер или религий здесь не было. Скорее можно говорить о реликтах язычества в христианском средневековье. Остатки языческого мировоззрения проявлялись в народно-религиозном сознании именно как связь с предками, как наследие «старины глубокой», а не приверженность к конкретному культу, который к тому же сочетался с христианством[12].

Считалось, что древние курганы и городища якобы скрывают клады, зарытые разбойниками. Целый ряд сыскных дел XVII столетия посвящен поискам «кудеяровой поклажи» — сокровищ разбойника Кудеяра, творившего свои черные дела в местах, находящихся ныне на территории центральных областей России, в том числе и Орловской[13]. С помощью лопаты люди отыскивали в земле следы прошлого. При раскопках брали только те вещи, которые имели продажную ценность, все остальное безжалостно уничтожалось. Культурный слой городищ и насыпи курганов местные жители использовали также для добычи селитры.

В России с конца XVII в. археологические памятники — курганы и городища — начали фиксировать: их отмечали на картах, заносили в документы. В Книге Большому Чертежу 1627 г. указаны десятки городищ и курганов и несколько каменных изваяний[13]. Внимательно и заинтересованно относился к древностям Петр Великий. В 1718 г. он издал два указа, которые стали поворотным пунктом в истории русской археологии. В знаменитом указе о Кунсткамере от 13 февраля 1718 г., в частности, говорится: «Ежели кто найдет в земле, или в воде какие старые вещи, а именно: каменья необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбьи или птичьи, не такие, какие у нас ныне есть, или и такие, да зело велики или малы перед обыкновенными; так-

же какие старые подписи на каменьях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно, — такожь бы приносили, за что будет довольная дача»[15]. Петр I лично приказал сделать чертежи и зарисовки волжского города Булгара (на территории современного Татарстана)[16]. Все найденные древности помещались в государственный музей.

В 1739 г. русский историк В. Н. Татищев издал одну из первых в мире подробную инструкцию по сбору сведений об археологических памятниках[17]. Регистрация остатков старины дала хорошие результаты: они стали источником для составления археологической карты.

К 1740 г. относится замечательная для археологии инструкция, состоящая из 100 пунктов, составленная Герардом Фридрихом Миллером для адъюнкта И. Э. Фишера. Покидая Сибирь, руководитель сибирской экспедиции Миллер инструктировал своего преемника об основных типах могильников, о необходимости фиксации сведений о количестве захоронений, их глубине и ориентировке, о наличии в погребениях костей жертвенных животных и т. п. Миллер был убежден, что «главнейшая цель при исследовании древностей этого края должна, конечно, заключаться в том, чтобы они послужили к разъяснению древней истории обитателей его»[18].

В 1804 г. в России открылось самое первое археологическое общество — Московское общество истории и древностей, правда, просуществовало оно весьма недолго и ограничилось лишь изданием 80 страниц летописей. Закрытое в 1810 г., археологическое общество возродилось вновь через год, в 1811 г., а самый расцвет его деятельности пришелся на 1820-1830-е гг., когда начались активные раскопки на юге России. Кроме археологии, общество занималось историческими трудами, отводя им большую роль.

В начале XIX в., как и прежде, исследователи практически не уделяли внимания центральным губерниям России, увлекшись «курганными древностями» других, более богатых регионов. Впервые серьезное значение организации

археологических экспедиций в славянские земли придал польский ученый Зориан Ходаковский, призывавший к изучению славянских городищ, чтобы во всей полноте узнать историю предков. В 1818 г. он писал по этому поводу: «Сбережем ... открытия, -какие делаются в земле, — эти разные небольшие статуэтки, изображения, металлические орудия, посуду, горшки с пеплом. Сосчитаем и точно измерим все большие могилы... Охраним от уничтожения надписи, начертанные на подземных скалах... Снимем планы с положения местностей, пользующихся давней известностью»[19]. Таким образом, Ходаковский надеялся при помощи древностей Центральной России пролить новый свет на историю славянского населения.

В погоне за курганным золотом, эффектными находками в Причерноморье и в Сибири, за сравнительно короткий срок крайне небрежно были раскопаны сотни курганов. В 1823 г. керченский градоначальник И. А. Стемпковский подал новороссийскому генерал-губернатору М. С. Воронцову записку «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае », ставшую программным документом русской археологии начала XIX в. Документ предусматривал обязательную регистрацию всех находок, создание научного общества, способного заботиться об охране памятников старины в Причерноморье, самостоятельно вести раскопки и обязательно публиковать их результаты. И. А. Стемпковский считал: «Ничто не может быть утешительнее для ума просвещенных людей и достойнее их благородных усилий, как стараться спасти от совершенного забвения существующие еще в отечестве нашем остатки образованности народов столь отдаленной древности, ничто не может доставить им более удовольствия, как находить по истечении 20 столетий памятники, которые могут дать самые достоверные свидетельства относительно религии и правления, наук и художеств, деяний и нравов поколений, столь давно угасших. Таковыми исследованиями мы можем некоторым образом извлечь удовольствие и пользу из самого праха»[20].

В 1846 г. было образовано общество, «имевшее целью

разработку только одной археологии» — Русское археологическое общество в Санкт-Петербурге, «посредством которого любители археологии и нумизматики могли бы находиться в постоянных сношениях и, сообщая взаимно плоды разысканий и трудов своих, принесли некоторую пользу наукам в отечестве, распространяя в оном и вне пределов Империи полезные сведения о фактах археологии и нумизматики».[21]

В 1851 г. при Русском археологическом обществе были выделены три отделения: отделение русской и славянской археологии, отделение восточной археологии и отделение древней и западной археологии. Отделение русско-славянской археологии поставило перед собой большую задачу: «...основать русскую археологию, как науку русских древностей, и возбудить в России стремление к археологическим занятиям ... приступить к обозрению археологических памятников в различных губерниях».[22]

На заседании Русского археологического общества 21 февраля 1851 г. место и роль археологии в России были определены следующим образом: «Русская археология ... имеет для нас особенное значение. Мы ожидаем от ней полного систематического обозрения русских древностей, доставшихся нам от наших отцов. Мы надеемся получить от ней изображение древней русской жизни на основании наличных памятников. Мы уверены, что она одна может определить их историческое значение, разгадать события и объяснить условия, предшествовавшие их появлению. Уже близко то время, когда Русская земля с такими памятниками бесспорно будет признана землею классических древностей ... остается теперь осмотреть свои древности и передать их потомству в заветное наследие».[23]

Тем не менее долгое время раскопки продолжали вести лишь на юге. Искали эффектные сооружения, богатые курганы, драгоценные изделия. Совершенно пренебрегали изучением быта простых людей. К сожалению, собиратели «древностей» часто были недальновидны. Печальным примером может служить следующий. В 1851—1854 гг. русский

археолог граф А. С. Уваров (илл. 2) раскопал 7729 курганов во Владимиро-Суздальской земле. Это был видный научный деятель, немало послуживший в дальнейшем русской археологии, поставивший перед собой цель — изучить быт древнего общества в целом, но, предпринимая названные раскопки, 26-летний любитель-археолог не владел еще настоящим научным методом раскопок и добывал лишь красивые вещи для музейных коллекций. Уваров свалил в беспорядочную кучу тысячи предметов, сделанных людьми разных племен и разных поколений на протяжении восьми веков — с VII по XIV. Вот как оценил результат этих грандиозных «раскопок» русский археолог А. А. Спицын: «При поступлении вещей в Румянцевский музей они представляли в полном смысле беспорядочную груду материала, т. к. при них не было описи с отметками, из какого кургана каждая вещь происходит... Все вещи коллекции смешались в серую одноцветную массу, безразличную для мужчин и женщин, для прадеда, деда и внука, для туземца и пришельца. Грандиозные раскопки 1851-1854 годов в Суздальской области будут долго оплакиваться наукой и служить грозным предостережением для всех любителей массовых раскопок». [24]

Знаменательное событие для российской археологии произошло 2 февраля 1859 г.: была учреждена Археологическая комиссия, официальный археологический центр России. Комиссия получила право контроля над раскопками на государственных, городских и крестьянских землях. Контроль не осуществлялся лишь на помещичьих землях, поэтому помещики распоряжались древностями по своему усмотрению. К примеру, 20 декабря 1887 г. председательствующий на очередном заседании Орловской ученой архивной комиссии П. П. Шеншин доложил, что помещица Волховского уезда Мария Александровна Лаврова начала производить раскопки курганов, но была остановлена полицией, и попросил выдать ей разрешение на раскопки. Эту просьбу удовлетворили, «избрав госпожу Лаврову членом ученой архивной комиссии, выдавшей разрешение на раскопки кур-

ганов ради научных целей, и прося ее сообщить о сделанных ею изысканиях».[25] Летом 1888 г. из 15 курганов во владениях Лавровой, находившихся на берегу реки Оки недалеко от впадения в нее Зуши, на границе с Тульской губернией, были раскопаны 7 курганов. Неизвестно, отчитывалась Лаврова перед Орловской ученой архивной комиссией или нет, но, по словам местных крестьян, все находки помещица передала в Тулу, т. к. была их хозяйкой и вольна была их дарить тому, кому пожелает.

Важной вехой в становлении русской археологической науки было открытие в 1864 г. Московского археологического общества. Его цель — «исследование археологии вообще и преимущественно русской».[26] Московское общество издавало журнал «Труды Московского археологического общества », уделяло особое внимание «курганным древностям».

С 1869 г. в разных городах России регулярно стали проходить археологические съезды, на которых подводились итоги исследований, делались научные доклады, а затем появлялись публикации. Первый съезд состоялся в Москве под председательством графа А. С. Уварова. На открытии съезда 16 марта 1869 г. было отмечено, что «археологическая наука относительно не новая у нас, над ней уже трудились многие. Настоящий археологический съезд ... служит новым и очевидным доказательством, что заботливость о сохранении памятников старины у нас усиливается, что число лиц, которые относятся к ним не с безразличным равнодушием, умножается, что уважение к ним желают провести в народ. Это шаг в деле народного самопознания и самоуважения. Народ, который начинает любить памятники прошлого, их сохранять и разъяснять, — уже этим одним, в некотором смысле, показывает, что он проникся любовью к своей истории и предчувствием своего будущего».[27]

Во второй половине XIX в. Департамент общих дел Министерства внутренних дел неоднократно издавал циркуляры об охране памятников. Приведем наиболее интересные.

1882 год. «В случае находки старых монет и других древностей ... таковые передаются местной полицейской влас-

ти, которая представляет эти предметы губернскому начальству, а последнее ... доставляет их на рассмотрение Археологической комиссии, которая обязана следить за всеми делающимися в государстве открытиями предметов древности».[28]

1886 год. Министерство внутренних дел просит губернаторов ни под каким видом не допускать кладоискательств и неизбежного от того разрушения памятников древности. «Комиссия вовсе не имеет в виду совершенно запретить лицам, желающим заняться археологическими исследованиями, производить раскопки в избранных местах. Напротив, Археологическая комиссия оказывает содействие лицам, действительно желающим предпринять археологические исследования с научной целью, но требует, чтобы такие раскопки не проводились без ее ведома и без ее разрешения».[29]

1894 год. Выходит дополнение к утвержденному в 1859 г. Положению об императорской Археологической комиссии, которое предусматривает выдачу денежного вознаграждения лицам, нашедшим древние предметы, передачу ценных находок в Эрмитаж, менее ценных — в губернские музеи или возвращение их нашедшему. Все находки должны поступать в Археологическую комиссию; если предметы громоздкие, то нужно присылать их фотографии или точные карандашные рисунки. Правила передачи ценных находок с территории Российской империи в Эрмитаж существовали задолго до распоряжения от 1894 г.[30]

В 1898 г. общие положения о проведении археологических раскопок были дополнены параграфом о «запрещении иностранным археологам проводить раскопки, дабы ценности не утекали из России».[31]

Таким образом, в конце XIX в. завершился важный этап в развитии русской археологии: накопление материала, определение задач, разработка и уточнение методов. Наметился поворот к памятникам славянского происхождения. Различные издания знакомили читателей с лучшими археологическими находками.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Формозов А. А. История термина «археология» // Вопросы истории. — № 8. — М„ 1975. — С. 214-218.
2. Яновский Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в российском языке встречающиеся термины, значение которых не всякому известно. — СПб., 1803, —С. 222.
3. Евгений, митрополит (Болховитинов Е. А.). Описание Киево-Печерской лавры с присовокуплением разных грамот. — Киев, 1826, прибавление. — С. 4.
4. Полное собрание русских летописей (в дальнейшем — ПСРЛ). — Т. 1. — М., 1962. — Стб. 220, 227, 322.
5. Книга Большому Чертежу. — М. — Л., 1950. — С. 64,65.
6. ПСРЛ. — Т. 2. — М.,1962. — С. 277,278.
7. Толстой Н. И. Громовая стрела// Славянские древности: Этнолингвистический словарь. — Т. 1. — М., 1995. — С. 561-563.
8. Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. — Ч. 2. — М., 1879. — С. 510-511.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — 1. — М, 1955. — С. 397.
10. Седова М. В. Амулет из древнего Новгорода// Советская археология. — № 4. — 1957. — С. 166,167.
11. Рыбаков Б. А. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж// По следам древних культур. Древняя Русь. — М.,195 3. — С. 118,120.
12. Ивакин Г. Ю. Христианская подвеска — амулет из Киева // Живая старина. — № 1. — 2002. — С. 9-11.
13. Введенский С. Н. Кудеярова поклажа // Известия Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете. — Т. 22, Вып. 1. — 1906. — С. 7 — 22; Новомбергский Н. Я. Клады и кладоискательство в Московской Руси XVII столетия // Журнал министерства народного просвещения. — № 2. — СПб., 1917. — С. 157-203.
14. Книга Большому Чертежу. — М. — Л., 1950. — С. 62, 64, 65, 70.
15. Полное собрание законов Российской империи. — 1-е собрание, Т. 5. — СПб., 1830. — № 3159. — *С.* 542.
16. Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. — Ч. 1. — М„ 1830.— С. 130.
17. Татищев В. Н. Предложение о сочинении истории и геогра-

фии Российской. — В кн.: Избранные труды по географии России. — М.,1950. — С. 87.
18. Раддов В. В. Сибирские древности// Материалы по археологии России. — 15, приложение. — СПб.,1894. — С. 107.
19. Пыпин А. Н. История русской этнографии. — Т. 3. — СПб., 1891, —С. 76.
20. Стемпковский И. А. Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае// Отечественные записки. — № 81. —СПб., 1827.— С. 42.
21. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. — Т. 3. —СПб., 1894, —С. 231.
22. Записки отделения русской и славянской археологии Императорского археологического общества. — Т. 1. — СПб., 1851. — С. 9-10.
23. Там же.
24. Спицын А. А. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении// Записки Российского археологического общества. Новая серия. — Т. 11, Вып. 1. — 1903.
25. Государственный архив Орловской области (в дальнейшем — ГАОО). Ф. 7. Орловская губернская ученая архивная комиссия. Д. 1. Журналы заседаний Орловской архивной комиссии. — 1886 — 1909, —Л. 37.
26. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. — Т. 3, —СПб., 1894, —С. 236.
27. Труды I археологического съезда в Москве. 1869. — М., 1871. — С. 29.
28. ГАОО. Ф. 580. Канцелярия Орловского губернатора. Д. 2271. Циркуляры Департамента общих дел МВД и Орловского губернатора об охране памятников древности и запрещении частным лицам и иностранным археологам производства раскопок и кладоискательств. 1882-1898. — Л. 1.
29. Там же. — Л. 3, 3 оборот.
30. Там же. — Л. 10, 10 оборот.
31. Там же.

Часть II

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГЛАВА 1. Орловский край в XVIII — начале XX в. и Орловская область в границах 1954 г.

Орловская область находится в центре европейской части Российской Федерации и граничит с Брянской, Калужской, Тульской, Липецкой и Курской областями. Орловский уезд был образован после основания города-крепости Орел в 1566 г. В 1595 г. в уезде насчитывалось «1326 дворов помещичьих, 282 боярских и людских, 1429 крестьянских и бобыльских, 73 на погостах (церковных). Всего 3110 дворов».[1]

Часто употребляемое в краеведческой литературе понятие «Орловский край» значительно шире современных границ области и основано на административном делении Российской империи XVIII в. и СССР 1940-х гг.

Образованная в 1778 г., Орловская губерния имела 13 уездов. В 1937 г. на карте появилась Орловская область, которая в 1940 г. включала в себя 66 районов. После образования в 1944 г. Брянской и Калужской, а в 1954 г. Липецкой областей, Орловская область утвердилась в современных границах, имеет 24 сельских района и города: Орел, Ливны, Мценск, Волхов, Новосиль, Дмитровск-Орловский, Малоархангельск. Летописный город Кромы имеет статус поселка городского типа.[2]

ГЛАВА 2. Природные условия Орловской области

По рельефу территория области — 24,7 тыс. кв. км — представляет приподнятую волнистую равнину, изрезанную долинами рек и ручьев.[3] Для верховий Оки характерны плоские междуречья с участками моренно — холмистого и овражно-балочного рельефа. Выходы древних скальных пород — известняков девонской, юрской и меловой эпох — обнажены в основном по берегам рек.[3] Данный рельеф региона сформировался в плейстоцене — эпохе оледенения планеты, начавшейся 600 тыс. лет назад. Плейстоцен Европы по альпийской системе принято разбивать на холодные периоды — стадиалы, носящие собственные имена, и более теплые межледниковья — интерстадиалы. Выделяют четыре стадиала:

1. Гюнц — 600 — 550 тыс. лет назад.
   Интер, гюнц — миндель — 550-470 тыс. лет назад.
2. Миндель — 470-430 тыс. лет назад.
   Интер, миндель — рисе — 430-230 тыс. лет назад.
3. Рисе — 230-180 тыс. лет назад.
   Интер, рисе — вюрм — 180-70 тыс. лет назад.
4. Вюрм — 70—10 тыс. лет назад.[5]

По европейской части России миндель принято называть окским оледенением, миндель-рисс — лихвинским межледниковьем, рисе — днепровским оледенением, рисс-вюрм — микулинским межледниковьем, вюрм — валдайским оледенением или валдаем, разбивая его на три периода:

1. Ранний (нижний) валдай — калининское оледенение: 70-50 тыс. лет назад.
2. Средний валдай — молого-шекснинское межледниковье: 50-24 тыс. лет назад.
3. Поздний (верхний) валдай — осташковское оледенение: 24-10 тыс. лет назад.

Наивысший период холода — апогей валдая — приходится на 20-18 тыс. лет до н. э.; ледники в валдае достигали истоков современной Волги (Скандинавский ледниковый щит).[6]

10 тысяч лет назад плейстоцен сменяется современным

климатическим периодом — голоценом, который по европейской части России принято делить на пять периодов:

1. Пребореал — 8,3-7,7 тыс. лет до н. э.
2. Бореал — 7,7-5,5 тыс. лет до н. э.
3. Атлант — 5,5-3 тыс. лет до н. э.
4. Суббореал — 3-0,5 тыс. лет до н. э.
5. Субатлант — с 0,5 тыс. лет до н. э.[7]

В валдае и голоцене закончилось формирование орловских почв, речной системы и растительного покрова региона.

Современные границы Орловской области охватывают истоки и верхнее течение Оки — притока Волги, Быстрой Сосны — притока Дона, истоки Навли и Неруссы — левых притоков Десны. На северо-западе области берет начало Вытебеть — приток Жиздры, впадающей в Оку севернее Орловщины; на юго-западе — истоки Свапы, Сновы и других притоков Сейма — основного левого притока Десны. Географически это северная часть Среднерусской возвышенности в центре Русской (Восточно-Европейской) равнины. Юг равнины занимают степи Северного Причерноморья, далее к северу простирается лесостепь, переходящая в лесную полосу, протянувшуюся от Балтийского моря до Уральского хребта. Юго-восточной границей леса и лесостепи по Русской равнине считается поречье Оки, в т. ч. и ее орловское течение.[8]

Ока разделяет Орловскую область на две неравные части — лесное левобережье, с включением истоков Навли и Неруссы, и лесостепное правобережье с примыкающим на юго-востоке региона поречьем Сосны. Но ранее, по мнению орловских почвоведов, с середины I тысячелетия до н. э., по территории нынешней Орловской области заметно выделялись три природно-растительные зоны:

1. Лесная зона — левобережье Оки и район ее истоков, правобережье Зуши, основного притока Оки в ее орловском течении.
2. Центр области — междуречье Оки и Сосны, разделяемое Неручью, текущей с юго-запада области на северо-восток и впадающей в Зушу. Регион покрывали

широколиственные леса в сочетании с участками луговых северных степей — «опольев ». Особенно выделяется «язык» степей, простирающийся от Сосны на северо-запад до Оки и заканчивающийся реликтовой балкой Непрец близ впадения Рыбницы в Оку.

3. Поречье орловского течения Сосны. Вероятно, правобережье Сосны было почти полностью степным. Не случайно земли за Сосной входили в XIII-XIV вв. в регион летних кочевий Золотой Орды, а в XV-XVI вв. назывались «Диким полем».’

Массовая вырубка лесов, активная распашка земель и мелиоративные работы сильно изменили облик Орловщины. В настоящее время лишь 9% территории области покрыто лесом и лесопосадками.

Реки всегда играли и играют очень важную роль в жизни человека. Прибрежные территории до наших дней являются местом обитания значительной части населения отдельных регионов. Для Русской равнины реки в древности были дорогами расселения племен, в историческое время — торговыми и военными, летними и зимними путями. По Орловской области протекают и берут истоки 177 рек (без учета ручьев и мелких речушек длиною менее 10 км). Главная водная артерия области — река Ока. В настоящее время Ока берет начало на южной границе области у д. Александровка Глазуновского района и течет почти прямо на север, пересекая земли Глазуновского, Кромского, Орловского, Мценского и Волховского районов. После впадения Зуши болховское течение Оки становится границей Орловской и Тульской областей. Ока связывает Орловщину с Волго-Окским междуречьем, бассейном Волги и с Каспийским морем. Для древней истории орловского региона представляют интерес две проблемы, связанные с Окой. По мнению калужских краеведов, Ока в эпоху палеолита-мезолита впадала по долине Жиздры в Десну и являлась «голубой дорогой», связывающей Оку с Десной. Позже Ока «прорезала» т. н. калужско-алексинский каньон и устремилась на восток и северо-восток к Волге. [10] Еще больший интерес пред-

ставляет проблема истоков Оки в древности и даже во втором тысячелетии н. э. Если взять квадрат со стороной 10-15 км по границе Орловской и Курской областей с центром в д. Александровка, то в границах этого квадрата берут начало, помимо Оки, ее приток Очка, Неручь (приток Зуши), Сучья (приток Сосны) и Снова (приток Сейма). Близко находятся истоки другого притока Сейма — Свапы, являющейся юго-западной границей Орловской и Курской областей. По мнению курских краеведов, ранее все эти реки брали истоки из Самодуровского, ныне пересохшего озера. Есть описание Самодуровского болота 1925 г.: «...Впадина до 530 м ширины, представляющая из себя сплошной торфяник, и сейчас не пересыхающий летом в северной части. Эта впадина не так давно (лет 39-40) представляла из себя непроходимое болото, скорее озеро, ширина которого в некоторых местах доходила до 2 км и глубина от 10 до 21 метра. Из этого, почти осушенного в настоящее время громадного болота, берут начало Свапа (приток Сейма), Очка (верховье Оки), Снова и Сновка. Есть основания для допущения, что в этом месте в исторические времена проходила связь между Днепровским и Волжским бассейнами... Можно предположить, что Самодуровское болото между истоками Снобы и Очки было когда-то озером и, таким образом, чрез него создавался непрерывный, без волоков, путь из Днепра в Волгу, «великий водный путь из Черного моря в Каспийское». [11]

Данный водный путь от Киева шел вверх по Днепру до устья Десны, по Десне до устья Сейма, по Сейму и его притокам до Самодуровского озера. Далее возможны два варианта: первый — по Очке и далее по Оке до Волги, второй — по Неручи и Зуше до Оки — Волги. Через Самодуровское озеро был возможен и путь от Днепра к Дону по притокам Сосны и далее по Сосне. Сохранившиеся древнерусские летописи не содержат сведений об использовании Самодуровского «гидроузла», но находки римских монет и арабских дирхемов IX-X вв. по курскому Посеймью и Верхней Оке подтверждают такую возможность, особенно в весеннее

3 Заказ № 3877

половодье, когда орловское течение Оки вплоть до середины XIX в. было судоходным.

Основными левыми притоками Оки на территории Орловской области являются реки Хрома, Цон, Орлик, Неполодь, Каменка, Нугрь и Вытебеть. Из правых притоков следует отметить Рыбницу, Оптуху и особенно Зушу, имеющую свою гидросистему. Зуша — самый крупный приток Оки по ее орловскому течению. Она берет начало в Тульской области, течет на юго-запад, но ниже г. Новосиля делает резкий поворот на северо-запад, отделяя свое лесное правобережье от лесостепного центра Орловщины. Среди притоков Зуши выделяются Неручь, Раковка и Чернь.

Юго-восток области занимает бассейн Быстрой Сосны, впадающей в Дон за пределами Орловщины. Из левых притоков Быстрой Сосны по территории области наиболее крупные: Фошня, Труды с Любовшей и Ливенка, после слияния Лесной и Полевой Ливенок. Из правых притоков — Сучья, Тим, Кшень и Олым, по течению которого проходит граница Орловской и Липецкой областей.

В Шаблыкинском и Сосковском районах берут истоки левые притоки Десны — Навля и Нерусса. Таким образом, густая гидросистема связывает Орловщину с крупнейшими реками центра России — Днепром, Волгой и Доном.

Отступивший в конце плейстоцена — начале голоцена ледник оставлял после себя озера и болота. Отсутствие в период валдая на территории, занимаемой современной Орловской областью, ледяного покрова и высокий рельеф Среднерусской возвышенности не позволили образоваться на Орловщине большим озерам. Известно лишь несколько небольших озер: Лавровское близ г. Орла, Званное у д. Глыбочки Шаблыкинского района и др. Но болот, вероятно, по территории области было достаточно много. Об этом говорят сохранившиеся названия населенных пунктов: Болотово, Коровье Болото, Гать и др.

Не случайно знаменитый киевский князь XI-XII вв. Владимир II Мономах писал в сохраненном летописями «Поучении...», что на вятичского князька Ходоту, чьи владения

связывают с территорией Орловщины, он ходил «две зимы ». Вероятно, летом до мятежного вождя было невозможно добраться из-за болот.

По мере изучения древнего прошлого Орловской области начинают выделяться своеобразные природно-исторические регионы. Выше упоминался регион истоков Оки на юго-западе области. Другой регион на юго-востоке Орловщины охватывает поречье р. Ливенки и составляющих ее Лесной и Полевой Ливенок. Это регион наиболее плотного освоения лесостепи на границе «Дикого поля» в XVI-XVII вв.

Севернее выделяется участок в правобережье р. Зуши, находящийся в зоне широколиственных лесов. Он простирается от г. Новосиля вверх по течению до с. Воротынцево — Мужиково. С середины II тысячелетия до н. э. по первую половину XVII в. он являлся передовым «бастионом» на пути набегов кочевников из степей Северного Причерноморья.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хрестоматия по истории Орловского края. — Орел, 1966. — С. 25.
2. Орловская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1976 года. — Орел, 1976. — С. 3.
3. Природа Орловского края. — Орел, 1983. — С. 7.
4. Географический энциклопедический словарь. — М., 1986. ■— С. 99, 315.
5. У. Брей, Д. Трамп. Археологический словарь. ■— М., 1990. — С. 301, Таблица 1.
6. Археология СССР. Палеолит. — М., 1984. — С. 23.
7. У. Брей, Д. Трамп. Археологический словарь. — М., 1990. — С. 302, Таблица 2.
8. Природа Орловского края. — Орел, 1983. — С. 16.
9. Там же. — С. 18.
10. Археология Калужской области. — Калуга, 1999. — С. 49.
11. Хрестоматия по истории г. Рыльска. — Курск, 1994. — С. 114-115.

Часть III

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ ОРЛОВСКОГО КРАЯ (Губерния — область)

ГЛАВА 1. У истоков орловской археологии

В середине XIX столетия в различных изданиях публикуются отдельные сведения об археологических памятниках и находках, обнаруженных в Орловской губернии.

В 1846 г. в журнале «Московитянин» была опубликована статья «О курганах в Орловской губернии», автор которой пожелал остаться неизвестным и подписался лишь инициалами «Ф. С.»: «На левом берегу р. Снопоти, близ с. Екатерининского Брянского уезда Орловской губернии, в несколько рядов тянутся земляные насыпи, около сорока. Желая узнать причину насыпей, я весной 1845 г. приступил к раскопкам их, выбрав один из курганов, стоящий в отдалении от других. Я открыл остов человека, лежащего на правом боку с вытянутыми руками вдоль тела. Кости были полуистлевшие, темного цвета, чрезвычайно тонки и хрупки. Череп сохранился довольно хорошо. Около головы лежали две серьги, в одной из них проволока, на которой они, видно, были утверждены. По сторонам остова найдены два больших кольца на левой руке, около кисти — проволочный браслет, а на пальцах два кольца. Признаков склепа или гроба около остова никаких не было. Раскопки древних кур-

ганов удостоверили меня, что тела этих покойников были положены просто на поверхность земли и засыпаны. В прочих курганах найдены такие же остовы, более или менее истлевшие. Около шеи одного из них были каменные бусы, нанизанные на проволоку. На пальцах другого — два кольца. На груди третьего ■— три подвязки вместе со стеклянными бусами, у четвертого, около черепа — десять проволочных колец. У пятого — кольцо на руке и витой браслет. Один из скелетов сохранился лучше других. Я вымерил: он был росту 2 аршина 14 вершков (204 см — здесь и далее пояснения авторов), остальные показались мне обыкновенного среднего роста».[1] Археологические раскопки в это время были очень редким явлением, тем более в глухой Орловской губернии. Чаще находки предметов древности были случайными.

Об одной, можно сказать, уникальной находке поведал хранитель первого Орловского музея П. Азбукин в журнале «Вестник Императорского русского географического общества» за 1853 г. в статье «О древностях, открытых в окрестностях г. Орла»: «30 марта 1853 г. крестьяне д. Слободки Орловского уезда Федотов, Ершов и Серегин, из с. Хорошилова — Чубачкин, шедши к священнику с. Никольского (Бобраки тож), у проселочной дороги из д. Лесков в с. Никольское, на правом берегу р. Заревни (на расстоянии 90 сажен от ней, а от с. Никольского в 1,5 версте), в склоняющейся на восток рытвине, промытой весенними водами, почти на самой поверхности земли, увидели края глиняного горшка, занесенного илом. Обрубив топорами мерзлую землю, вынули его, но он на воздухе рассыпался, остались только бывшие в нем вещи, которые они отдали на сохранение в церковь с. Никольское. Орловский губернатор Н. И. Крузенштерн получил об этом донесение и командировал меня, как управляющего делами Орловского губернского статистического комитета, на место находки для описания и осмотра вышеозначенных вещей. При осмотре я увидел, что найденные вещи состоят из серебра, по-видимому, низкой пробы, без всяких знаков и клейм, без означения времени

устройства и их мастера: 9 обручей, 2 звезды, 5 позвоночников, 4 крестика, серебряная вязаная цепочка и слиток серебра, весом около 3 фунтов. Форма этих вещей следующая. Все обручи составлены из витой серебряной проволоки, концы которой составляют сплошную массу и завиты для укрепления на чем-нибудь при надевании. Один обруч составлен из четырех вдвое перевитых проволок, с приломленным с одной стороны концом, в поперечнике 3,5 вершков (15 см), весом 29 золотников (125 г), весу во всех четырех обручах — 112 золотников (480 г). Две звезды серебряные дутые, осьмиконечные, с дужками для привешивания их, весом 11,5 золотников (50 г). Дутые позвонки весом во всех — 1 золотник (4,3 г), четыре крестика четырехконечные из графита с скважинками для привешивания их. Вес всех — 7 золотников (30 г). Цепочка работы изящной, круглая, на вид шнура, вязана из тонкой серебряной проволоки, длиной в 1 аршин 7,5 вершков (104 см), вес 46 золотников (ок. 200 г). На концах ее серебряные змейки, на одном конце — в змейке кольцо. Серебряный слиток весом в 45,5 золотников (ок. 200 г). По моему мнению, из найденных вещей крестик, обручи, звезды и позвонки составляют церковную принадлежность. Обручи служили, вероятно, к украшению колонн, звезды и позвонки — к украшению окладов образов и паникадил. Кресты, обручи и звезды носят на себе древнюю форму, все же прочее новых форм».[2] К сожалению, этот клад до наших дней не сохранился, поэтому сейчас трудно судить о датировке найденных вещей.

В 1859 *г.* «Вестник Императорского русского географического общества» сообщил, что в начале XIX в. в с. Воронце Елецкого уезда был случайно открыт остов человека, на груди у которого найдено несколько стрел, изготовленных из камня, а наконечник копья — из кремня. «Кремневый наконечник и каменные дротики высечены очень тщательно ».[3]

Археологические памятники без сожаления разрушались по всей России. По вопросу уничтожения памятников археологии в Орловской губернии М. А. Стахович в «Вестнике Императорского русского географического общества»

(1859), в статье «Елецкий уезд в историческом, этнографическом и статистическом отношениях», писал: «К сожалению, год от году, курганы все более и более распахиваются, так что лет через десять или пятнадцать, может быть, и следу не останется курганов в Елецком уезде. Какое было бы благодеяние для истории, если бы могло последовать распоряжение класть хоть по камню на том месте, где стоял курган, или вбивать столб. Эта мера необходима для съемки общей исторической карты курганов, окончание которых около русских крайн есть пункт весьма важный для истории, а этот пункт скорее всего изгладится в стороне по преимуществу земледельческой, потому что далее, в глубине степей, курганы еще целый век останутся не тронутыми, но не столько важна их целость там, как здесь — в точке их окончания, у границ древнейших Русских племен и поселений».[4]

Сохранению наиболее важных в историческом отношении находок способствовало «Положение» об обязательной передаче ценных находок с территории Российской Империи в Эрмитаж.

Иллюстрацией может служить такой пример. В 1876 г. в д. Терехово Волховского уезда Орловской губернии при распашке поля был найден клад, переданный в Императорский Эрмитаж в отдел русских древностей в связи с его особой ценностью. Клад состоял из «6 гривен или обручей из плетеной проволоки дурного серебра; низки 6 серебряных бус, оплетенных тонкими нитями и ячейками из проволоки; замечательная по размерам бусина из тонкого листа серебра, орнаментированного зернью; перстень серебряный, золоченый: два чудовища держат щиток, на котором лежит собака; 14 серебряных аграфов от платья, в виде дротов, оплетенных сканью, с посаженными тремя бусинами, которые украшены тремя звездами из припаянной серебряной скани; 3 пары сережных подвесок или колтов из серебра, орнаментированных дутыми бусами и по обе стороны колта резными и покрытыми чернью рисунками: с лицевой стороны представлены два грифа, сплетенные хвостами, по сторонам священного древа (ветки) или же один гриф

идущий (поле покрыто чернью) и оплетенный тесьмою, выходящею из его хвоста, на обороте символический узел из плетения, играющий роль талисмана; 2 звезды из нового серебра, украшенные сплошь зернью, носившиеся в древности на цепях; длинная низка серебряных полых полуцилиндров, составлявших, по всей вероятности, убор тесьмы или даже ремешка, если только это не было наборное ожерелье, т. к. каждый валик имеет снизу гладкую подпайку. Валики имеют по 3 отверстия с каждой стороны для нанизывания их, а сверху орнаментированы условной схемой, которая повторяет древний рисунок, равно как и самые валики встречаются уже между варварскими древностями южной России в римскую эпоху; браслет обручевидный, меньшего размера, украшенный гравированным рисунком с заполнением всего фона, сделанного рубчатым, чернью. По низу идут плетения, по верху аркады мавританского стиля, в промежутках листья, в аркадах гриф и два символических древа; такой же большой браслет, каймы позолочены и резаны византийскими грядками,в аркадах две птицы, внизу птицы,коих хвосты разветвляются в эмблематический науз».[5]

Другой пример. Граф А. С. Уваров в труде «Археология России. Каменный период» пишет, что в собрание Румянцевского музея был передан наконечник копья эпохи неолита. Найден в Орловской губернии, Брянском уезде, Княвинской волости, близ д. Мокрой в земляных насыпях, известных под названием городцов. Наконечник ромбовидной формы, длиной 19,5 см, толщиной 9 мм. Изготовлен из кремня черного цвета с белыми вкраплениями. «Тщательная отбивка такого длинного орудия, при такой ничтожной толщине, представляла много затруднений и доказывает ловкость мастера».[6]

Конечно, было множество других разнообразных, но менее интересных находок, которые не упоминались в печатных изданиях из-за своей обыденности и массовости, однако в дальнейшем именно они стали основой археологической коллекции Орловского губернского музея, основанного в 1897 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ф. С. О курганах в Орловской губернии// Московитянин. — Ч. *6*, № 11-12. — 1846. — С. 244-246.
2. Вестник Императорского русского географического общества. — Т. 8, кн. 3-4. — СПб., 1853. — С. 173.
3. Вестник Императорского русского географического общества. — Т. 25, Ч. 1-4. — СПб., 1859. — С. 41.
4. Стахович М. Елецкий уезд в историческом, этнографическом и статистическом отношениях // Вестник Императорского русского географического общества. — Т. 25,4.1-4. — СПб., 1859.— С. 28.
5. Труды Орловской ученой архивной комиссии (в дальнейшем — ТОУАК). — Вып. 1. — 1897. — С. 39-40.
6. Граф А. С. Уваров. Археология России. Каменный период. — Т. 1. — М., 1881. — С. 383-384.

ГЛАВА 2. Систематизация археологических памятников Орловской губернии краеведом А. Г. Пупаревым. 1877 г.

Исследование археологических памятников на территории Орловской губернии началось в 70-е годы XIX в. Впервые интерес к ним проявил местный краевед Аркадий Гаврилович Пупарев (1823—1895 гг.). Он окончил математический факультет Казанского университета. С 1881 г. был секретарем Орловского статистического комитета, с момента создания Орловской ученой архивной комиссии (1884 г.) и до конца жизни — постоянный и активный ее член. А. Г. Пупарев описал археологические памятники, систематизировав их в статье «Древние городища и курганы в Орловской губернии», которая была опубликована в 1877 г. в сборнике «Материалы для истории и статистики Орловской губернии».[1] Источником для этой статьи послужили сведения, доставленные из всех 12 уездов волостными правлениями, некоторыми из мировых посредников и уездных исправни-

ков, а также известия, встречавшиеся в «Орловских губернских ведомостях».

Были выявлены около 700 археологических памятников: 72 городища, остальные — курганы. Описание некоторых памятников сопровождалось информацией о народных преданиях и легендах, связанных с ними.

По данным А. Г. Пупарева, в Орловском уезде выявили 28 памятников, из них — 12 городищ: на реке Оке — Гать, Гонючее, Богородицкое, Тагино, Захаровка, на реке Цон — Мерцалово, на реке Орлик — Титово, на реке Людской — Городище, на реке Неполодь — Маслово, Звенигородское, на реке Моховица — Редькино и на реке Цветынь — Цветынь.

Городище Гать по преданию, записанному П. И. Якушкиным, носит название Литовского кургана, потому что здесь в 1614 г. был укрепленный лагерь литовцев, предводимых Лисовским. Городища Захаровка и Тагино были изрыты ямами — это дело рук кладоискателей. По местному преданию, в городке у деревни Мерцалово жил «королек», а вокруг, на горе, располагались жилища его подданных. Жители часто находили здесь шлаки чугуна и железа, подковы.

Во Мценском уезде нашли 5 памятников, из них — одно городище на реке Каменке у деревни Городище.

В Волховском уезде — 21 памятник, из них — 7 городищ: на реке Орс — Жуевка, Лунево, на реке Нугрь —• Локно, Чернь, Слободское, Камынино. На городище Жуевка крестьяне часто находили железные шлаки, замки и единичные предметы — топор, кинжал, кружку из красной меди. В селе Бунино, на земле помещицы Елагиной, находились многочисленные курганы, но все были распаханы в 1840-е гг. На левом берегу реки Нугрь, у села Борилово, в 1860-е гг. крестьяне раскопали курган, где обнаружили человеческие кости необыкновенно больших размеров.

По тракту из Волхова во Мценск, в двух верстах от села Однолук, находилась большая насыпь. По преданию, здесь была церковь, разрушенная во время литовских набегов (начало XVII в.). Ниже насыпи, под горой на лугу — колодец. Крестьянин деревни Макеево Василий Комаров разрыл этот

колодец и нашел в нем серебряную тарелку диаметром 25 см, продал ее за 10 рублей (по тем временам — сумма довольно значительная). На глубине 2 м 80 см он докопался до двух деревянных столбов, поставленных на расстоянии 35 см один ниже другого. Прилив воды в колодце не позволил продолжить раскопки. Крестьянин деревни Макеево Иван Клячин нашел здесь напрестольный крест. Кто-то тащил из колодца большой церковный колокол, но вытащил или нет — неизвестно. Крестьяне села Однолук братья Винокуровы тоже раскопали колодец и достали из него разную церковную утварь, которую закопали у себя в саду. Одному из братьев в ту же ночь приснился сон, что у него в овчарне зарыт колокол, но откапывать его нельзя, так как за попытку сделать это умерли его старики.

В Карачевском уезде обнаружили 19 памятников, из них — 7 городищ: на реке Городеченке — Кольцов Завод, на реке Ревна — Водоцкое, Старые Рядовичи, Сомово, Приютовка, Гощь, а также городище Хотимль.

Городище в селе Хотимль находилось рядом с прудом. Сохранилось предание, что этот городок построила какая-то царица, бежавшая от своего лютого мужа. Крепость имела чугунные ворота и подъемные мосты. Царица славилась своим богатством, которое и стало поводом к тому, что разбойники напали на городок и разорили его. Но часть богатства (несколько бочек золота, серебра и других сокровищ) осталась скрыта в валу. Это предание привлекало к Хотимльскому городищу кладоискателей, правда, в валу так никто ничего и не нашел. Лишь при раскопках площадки попадались мелкие серебряные монеты треугольной и эллиптической формы. Собралась целая коллекция, но она погибла в пожаре, случившемся в Хотимле в 1868 г.

Наибольшее количество археологических памятников, более 350, было выявлено на территории Брянского уезда, в основном — курганы, и лишь 15 городищ: на реке Сиража — Домашево, Дарковичи, на реке Болва — Шибенец, на реке Сенная —Дорожево, Акуличи-1, Акуличи-2, Вщиж, Овстуг,

на реке Опорота — Мужиново, на реке Десна — Городище, Молотьково, на реке Надва — Надва, на реке Габья — Молотьково, Хотня, Бежицы.

На городище Шибенец кладоискатели находили «принадлежности вооружения и человеческие кости необыкновенной величины». При строительстве деревни Ивоть на берегу ручья Ивотка было уничтожено более 50 курганов, оказавшихся в центре селения. Курганы разрушали и употребляли под погреба. У деревни Салынь на берегу реки Ивота возвышается курган 20-метровой высоты, получивший в народе название «Кудеяр». По преданию, он насыпан шайкой разбойников атамана Кудеяра, и в нем спрятаны несметные сокровища. Говорят, что городище Овстуг тоже построено разбойниками.

Недалеко от деревни Мокрой на земле помещика Алымова и других владельцев было много земляных насыпей, называемых в народе «городцами». В некоторых из них находили монеты и старинные вещи. В 1870 г. около этих «городцов» мещане Зимины обнаружили заостренное с обеих сторон орудие «продолговатой формы, со сходящимися от одного конца остриями, похожее на наконечник копья, и большой нож. Оба из камня кремнистой породы». Стрела была доставлена неким Д. И. Казелкиным в местный статистический комитет, где вынесли определение, что «стрела принадлежит к орудиям каменного века». Что же касается ножа, то крестьяне разбили его для кремней к огнивам. Кроме того, при раскопках Зимины видели в земле камень в виде четырехгранной пирамиды, обращенной основанием вверх.

К концу 1870-х гг. в окрестностях села Вщиж сохранилось 17 курганов. В самом селе еще в начале 1840-х гг. находился курган, который по распоряжению помещицы был раскопан, а в его глубине найдены развалины церкви с сохранившимися внутри разными церковными вещами: подсвечниками, полукругами и несколькими крестами. С наружной стороны, близ жертвенника, был найден кирпичный склеп, а в нем кости человека гигантского роста. Вот как описывал в 1866 г. эти развалины помощник местного

уездного исправника: «Стены церкви уцелели и возвышаются еще и теперь от 1 до 1,5 аршин (более 1 метра) над поверхностью земли. Толщина их 1,3 — 4 аршина (около 1 метра). Судя по расположению стен, можно ясно заключить, что это была церковь древнего византийского стиля. Снаружи ее находилось 12 колонн. Кирпич, из которого она была выстроена, по своей форме, и особенно замечательной прочности, представляет памятник глубокой древности. Он красного цвета, гораздо прочнее нового, и имеет следующие размеры: длиною в 6 (26,4 см), шириной в 4,5 (27 см), толщиной в 1 (4,4 см) вершок. При кладке его, между каждой штукой был помещен известковый цемент в 1 вершок толщиной, но он в настоящее время уже совершенно потерял свою прочность, т. ч. кирпичи свободно отделяются один от другого, и все остатки стен можно разобрать без труда, даже при малейшем прикосновении они разрушаются. Церковь с алтарем имела 14,5 аршин в длину (10 м) и 10,5 аршин в ширину (7 м). Кругом полуразвалившихся ее стен заметно на поверхности земли кирпичное основание, оставшееся, как можно полагать, от некогда бывшей на ней галереи».[2]

А. Г. Пупарев сообщает, что найденные в церкви вещи некий господин Фомин передал в Московское археологическое общество. Кроме того, в записке, доставленной тому же обществу, Фомин, основываясь на известии Карамзина, что во Вщиже умер и погребен удельный князь Святослав Владимирович, утверждает, что найденные в склепе кости составляют останки этого князя.

В Трубчевском уезде выявлено 86 памятников, среди них 14 городищ: на реке Десне — Сагутьево, Сельцо, Радутино, «Батарея» у села Арельск, Полужье; на реке Судость — Городище, Комягино, Жерятино; на реке Навля — Глинное; на реке Ревна — Кудеярово городище у села Гололобово; на реке Пропуск — Радчино и городища Чертовичи, Крохино, Нижняя Слобода.

О городище Полужье в округе говорили, что в нем есть клад, но его нельзя достать. На Сагутьевском городище часто находили мелкие серебряные вещи, а городище Сельцо

у залива Десны, называемого «Прорва», было известно в народе под названием Кудеярского.

В Севском уезде насчитали 15 памятников, в том числе 9 городищ: на реке Зевра — Сныткино, на реке Усожа — Пьяново, на реке Гребня — Борщево, на реке Севь — Подгородняя Слобода, а также городища Николаевский хутор у села Аркино, Холмечи, болотные городища Брасово, Гаврилова Гута-1 и Гаврилова Гута-2.

Сохранилось предание, что в болотном Брасовском городище, на городищах Сныткино и Николаевский хутор жили разбойники, а городок Борщево был одним из оплотов Кудеяра. У села Казинка есть урочище «Городок», в центре которого — огромная яма. По преданию, в нее провалился разбойничий городок за нечестие. На городище Пьяново была найдена небольшая пушка, которая, по свидетельству А. Г. Пупарева, «по сей день хранится в церкви». В народе говорят, что городок соорудил когда-то пьяный «панок», отчего и село получило название Пьяново.

В Дмитровском уезде зарегистрировано было 20 памятников, из них 9 городищ: на реке Нерусса — Большое Кричино, на реке Водоча — Лобки, а также городища Хлынино, Сергиевка, Поповка, Столбово, Зеленый Лог, Зуево и болотное городище — Городное.

По преданию, на Зуевском городище жили разбойники, городища Хлынино и Городное сооружены разбойником Кудеяром, а на городище Лобки спрятан клад, но достать его нельзя.

На территории Малоархангельского уезда выявили лишь 2 памятника: курган и городище Поздеево на реке Неручь, в котором, якобы, жили разбойники Кудеяра, закопавшие здесь ценный клад.

В Ливенском уезде зарегистрировали 3 памятника: два кургана и городище на реке Ливенке.

В Елецком уезде насчитали ПО курганов и лишь 1 городище — Чернавск у впадения реки Чернавки в Сосну.

В заключение своего труда А. Г. Пупарев пишет: «...Мы далеки от утверждения, что в описание наше, местами не

полное, по недостатку данных, вошли все находящиеся в губернии городища и курганы. Есть основание полагать, что некоторые из волостных правлений доставили неправильные отзывы о ненахождении в подведомственных им волостях никаких остатков древних сооружений». Как показало время, он был прав.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пупарев А. Г. Древние городища и курганы в Орловской губернии. — Материалы для истории и статистики Орловской губернии. — Т. 1. — Орел, 1877.
2. Пупарев А. Г. Дополнительные сведения о древних городищах и курганах Орловской губерниии. — ТОУАК. — Вып. 3. — Орел, 1892.-С. 14-16.

ГЛАВА 3. Археологическая деятельность Орловской ученой архивной комиссии в конце XIX в.

В 1884 г., в соответствии с проводимым императором Александром III курсом на возрождение национального самосознания, министр внутренних дел граф Д. А. Толстой учредил ученые архивные комиссии в городах Орле, Рязани, Тамбове и Твери. Их деятельность заключалась в издании научных трудов, собирании различных коллекций, проведении археологических, этнографических и других исследований. Через три года, оценивая деятельность комиссии, ее члены на очередном заседании сделали вывод, что «...открытие покойным Николаем Васильевичем Калачевым в г. Орле ученой архивной комиссии имело своей целью разыскание, а, следовательно, и разумное сохранение разного вида памятников глубокой старины ... в самом недалеком будущем скажутся результаты труда комиссии, и общество, сознавая их полезность и даже необходимость, с благодарностью отнесется к ним».[1]

23 сентября 1886 г. комиссия получила указание директора Санкт-Петербургского археологического института о принятии мер при производстве описи предназначенного для продажи с публичных торгов частного имущества. Если в его составе окажутся старинные вещи или археологические предметы, то необходимо их описать, с указанием оценки, и передать этот перечень в архивную комиссию с обозначением места и дня продажи. Для покупки таких предметов археологический институт выделил Орловской ученой архивной комиссии 300 рублей.[2]

Только через десять лет после основания Орловской ученой архивной комиссии развернулась ее археологическая деятельность и постепенно заняла основное место в работе. Это было связано с тем, что научные интересы комиссии в целом определялись склонностями ее наиболее активных членов. Начинавшие издание Трудов Орловской ученой архивной комиссии А. Г. Пупарев и Г. М. Пясецкий археологией практически не интересовались, поэтому до середины 1890-х гг. ни в отчетах, ни в журналах заседаний не встречаются упоминания о попытках самостоятельных раскопок. Правда, благодаря интересам А. Г. Пупарева, была принята идея составления археологической карты Орловской губернии. В волости были отправлены опросные листы для собирания сведений о курганах, городищах и иных древностях. Результаты опроса А. Г. Пупарев обобщил в «Дополнительных сведениях о древних городищах и курганах Орловской губернии».[3]

Комиссия делала запросы на получение Открытых листов, дающих право на проведение раскопок, обследовала имеющиеся в губернии памятники старины, регистрировала места случайных находок. Задокументированы, например, сведения о находке в 1865 г. старинного металлического сосуда и монет в Стрелецкой слободе г. Орла при постройке Московско — Орловской железной дороги;[4] в июне 1866 г. у с. Никольское Орловского уезда найден железный позолоченный шлем;[5] в 1891 г. на берегу реки Олым на самой границе Ливенского и Землянского уездов на глубине

более двух метров найдены бронзовые, грубо обработанные орудия труда — полукруглое долото и два топорика.[6] В 1894 г. священником с. Старые Дольцы Тульской губернии Николаем Преображенским переданы Орловской ученой комиссии каменные орудия и древняя керамика, найденные на границе с Орловской губернией у с. Воронец Белевского уезда (37 предметов).[7] Землевладелец Н. П. Зиновьев передал комиссии древний меч, найденный в лесу при распахивании поляны на границе Волховского и Жиздринского уездов (1895 г.).[8]

Со временем интерес к археологическим исследованиям возрастает. В 1893 г. Орловская ученая архивная комиссия делает попытку привлечь внимание столичных археологов к Орловской земле. На 9 археологическом съезде, проходившем в г. Вильно, делегат от Орловской ученой архивной комиссии Сергей Зверев поставил вопрос о проведении археологических исследований в Орловской губернии. Делегаты от Археологической комиссии и Московского археологического общества обещали свое содействие, но это обещание не было выполнено.

Лишь однажды, в 1890 г., Орловщина удостоилась внимания столичных археологов. Археологическая комиссия произвела раскопки в г. Ливны.[9] Выбор места раскопок в губернии был обусловлен тем, что археологов заинтересовали старинные документы, где рассказывалось о сильном пожаре в 1647 г., когда ливенский воевода Федор Лодыженский доносил царю Алексею Михайловичу, что 17 августа в четыре часа дня загорелся в Сергиевском монастыре храм Чудотворца Николы. В результате страшного пожара в Ливнах сгорели 5 монастырских и приходских церквей и 328 монастырских дворов и келий.

С разрешения Археологической комиссии и согласно указу Орловской Духовной Консистории была создана комиссия по производству раскопок местности около Сергиевской церкви. В состав комиссии вошли: священник Ливенского уезда отец Сергий Тезоровский, протоиерей Ливенского собора отец Виктор Введенский, ливенский уез-

дный исправник, коллежский секретарь Николай Сергеевич Шпанов, а руководил раскопками инженер, статский советник Иван Александрович Карышев. Раскопки начались 27 сентября. Их цель — по возможности точно определить очертания бывшего древнего Сергиевского монастыря, по остаткам фундамента выявить монастырские постройки, а также проверить наличие подземных ходов и пещер, по преданиям, в изобилии расположенных под землей. Раскопки начали с провалившегося около колокольни свода, затем раскопали то место, на котором лежал большой плоский камень причудливой формы. Свод оказался просто сводом древней могилы, в которой находились толстые кости и полуразрушенный череп, гроб отсутствовал. Под большим камнем ничего не обнаружили, но в некотором отдалении от него нашли две могилы со склепами, с почти полностью истлевшими костями. В одном из склепов найден детский башмак из толстой кожи.

При раскопках было найдено немало любопытных вещей: «19 медных монет XVIII в., серебряные копейки времен царя Михаила Федоровича, 2 перстня, кусок кольца с камушком, 2 стеклушка полированных, зеленого и красного цвета, обломок ложки, 3 бусинки, медный крест, 10 малых медных крестиков, 2 остатка кадила с цепочкой, медная крышечка, ножичек для растирания красок, пара подков от древней обуви, медная трубочка в виде наперстка, каменная бусинка, железные и перламутровые пластинки».[10] Удивила исследователей одна необычная находка: без всякого склепа, похороненные прямо в земле, были обнаружены останки женщины с хорошо сохранившимся черепом и остатками золотого шитья. Но ни признака волос, ни признака самого головного убора не было. Лишь обильные золотые нити, самым причудливым узором, располагались на костях черепа. По строению черепа ученые заключили, что женщина была татарского происхождения. Череп предали земле. В результате раскопок были найдены и подземные ходы, но 12 октября работы прекратили в связи с ненастной пого-

дой. Часть находок была передана Орловской ученой архивной комиссии.

Больше работ на территории Орловской губернии Археологическая комиссия не проводила. Она предложила Орловской ученой архивной комиссии самостоятельно исследовать курган у д. Городище Брянского уезда, на котором были начаты самовольные раскопки.

В мае 1894 г. Археологическая комиссия обещала помочь орловским исследователям древностей материально и выделить для производства раскопок Чашина кургана в Брянском уезде своих специалистов — археологов П. И. Мисюро и А. В. Башкатова. Но обещания комиссия не выполнила и предложила провести работы своими силами, мотивируя это тем, что «она стесняется командировать специально для производства раскопок упомянутого кургана особое лицо, тем более, что Чашин курган может оказаться насыпью другого назначения».[11]

Вопрос о раскопках Чашина кургана рассматривался в 1894 г. Поводом послужило то, что в июне 1893 г. в Археологическую комиссию поступила докладная записка от крестьянина Брянского уезда Ивана Тимофеевича Морозова с просьбой разрешить ему продолжить раскопки кургана у с. Городище, которые приостановил становой пристав. Целью раскопок было «отыскание клада». Археологическая комиссия ответила ему отказом и обратилась в Орловскую ученую архивную комиссию с предложением исследовать Чашин курган. Сделать это поручили членам архивной комиссии Ф. Ф. Похавлинскому и В. А. Казанскому, которые с наступлением теплых майских дней выехали в Брянский уезд (12 мая 1894 г.).[12]

Величие Чашина кургана поразило даже их, исследователей старины, повидавших многое. Чашин курган господствовал над окружающей местностью, поднимаясь над уровнем реки Десны на 30-метровую высоту. Круглая площадка диаметром 60 метров была окружена кольцевым земляным валом высотой около 10 метров, в результате чего древний памятник был похож на высокую круглую чашу, что и дало

ему название. Неудивительно, что столь грандиозное, явно рукотворное сооружение, привлекало к себе внимание кладоискателей: вся площадка была изрыта ямами. К тому же о Чашине кургане ходили легенды как о месте пребывания разбойника Кудеяра, его последнем пристанище, где он был погребен. Народная молва гласила, что со стороны реки Десны в обрыве была дверь, которая служила входом в курган, а под самим курганом были расположены подземные комнаты и конюшни Кудеяра. Вокруг его усыпальницы — несметные награбленные сокровища. По ночам на кургане горели свечи или огни, показывая, где зарыт клад. Одним из многочисленных кладоискателей стал как раз крестьянин Морозов. Находясь на заработках на заводе близ г. Новочеркасска, он случайно встретился с очень старым казаком, рассказавшим ему об «описи», доставшейся в наследство и заключавшей в себе название местностей, где спрятаны клады. Казак сообщил, что в Брянском уезде есть курган, в котором Кудеяром закопаны три кувшина золота и два бочонка серебра, а знает он это потому, что «опись» досталась ему от предка, бывшего в шайке Кудеяра. Казак предложил Морозову купить древний документ за 100 рублей, но тот отказался, ограничившись лишь сведениями о Чашине кургане. Уехав на Брянщину, Морозов устроился мастеровым на Бежицкий завод, а квартиру снял в с. Городище, что рядом с Чашиным курганом. В конце мая 1893 г. он приступил к «земляным работам». Помощников Морозову нашлось много: местные жители заинтересовались предполагаемым кладом. Раскопки велись в свободное от работы время и длились две недели. Выкопали кости животных и глиняные черепки, железный ключ весом около 400 граммов, кусок медного котла для приготовления пищи, два камня весом по пуду (16 кг), на одном из них была металлическая пластина с непонятными письменами. На глубине 10 м шел прогнувшийся бревенчатый настил, указывающий, что под ним пустота. Продолжать раскопки стало затруднительно: воздух был удушливым, свеча гасла, рабочие чувствовали головокружение, причем раскоп в глубину

все более сужался. Оставалось вскрыть настил, но этот настил стал последней находкой. Раскопки были остановлены, т. к. в полицию «от людей интеллигентных» поступила жалоба «на хищнические раскопки».

Ф. Ф. Похвалинский и В. А. Казанский, осмотрев Чашин курган, пришли к заключению, что это вовсе не курган, а древнее городище, где местные жители в разное время находили большие замки, топор в виде секиры, меч с рукояткой из карельской березы и другие вещи. По их мнению, при дальнейших исследованиях «Чашин курган даст немало археологических сокровищ».[13] Фотограф-любитель К. Н. Ермаков сделал фотографии городища, которые вместе с находками Морозова были представлены на заседании Орловской ученой архивной комиссии.

На этом же заседании, 28 ноября 1894 г., обсуждался вопрос о составлении археологической карты Орловской губернии.[14] Учитывая многочисленную информацию о разбойнике Кудеяре, член комиссии священник Илья Ливанский предложил собирать вместе с материалами к составлению археологической карты и сведения о «кудеяровых курганах» и «кудеяровых городищах», чтобы иметь больше информации об этой легендарной личности и превратив ее «из мифической, может быть, в историческую». Составить «конспект сведений, имеющихся о личности Кудеяра», поручили Г. М. Пясецкому.[15]

Член Орловской ученой архивной комиссии (с момента ее возникновения в 1884 г.) Гавриил Михайлович Пясецкий (1838-1900) родился в селе Шатрищи Черниговской губернии в семье священника. По окончании Киевской духовной академии был направлен в Орел преподавателем гражданской истории в духовной семинарии. С первых лет жизни Г. М. Пясецкого в Орле предметом его изучения становится история края: древняя история, возникновение и развитие городов, проникновение христианства на землю вятичей, общественное и церковное управление, история церквей и монастырей, быт и нравы жителей. Изучив «Древнюю карту Российского государства » и совместив ее с существу-

ющими путями сообщения, Г. М. Пясецкий публикует в «Орловских епархиальных ведомостях» (№ 19,1870) статью «О четырех главных дорогах, которыми крымские татары вторгались и опустошали пределы нынешней Орловской губернии». В статье находим подробное описание главной татарской дороги — Муравской: шлях начинался от столицы крымских татар Бахчисарая и шел через Орел к Туле, Серпухову и Москве. На Орловщине проходил через Ливенский уезд по направлению с юга на северо-восток, между реками Кшень и Тим, через населенные пункты: Успенское (Кобылье), Козьмодемьянское, Нижнее Долгое, Вышнее Долгое, Губаново (Никольское), Кудиново, Рогатик, Верхнее Ольшаное, Кривцова Плота, Студеный Колодезь, Баранов Колодезь, Ревякино, Бараново (Покровское). Под Ливнами — переправа через Сосну, и — к верховьям рек Лесной и Полевой Ливенок. В районе рек Сосны и Кшени дорога проходила через села Никольское, Бородинки, Сергиевское (Голицыно). Г. М. Пясецкий подчеркивает, что «интересно было бы провести эту черту на месте и сопоставить ее с народными преданиями, если где они сохранились».[16] Именно этот интерес и послужил поводом к предложению собрать вместе с материалами к археологической карте и сведения о Кудеяре.

Инициатором создания археологической карты Орловской губернии выступил Павел Иванович Якоби (1842-1913). Обращаясь к членам комиссии, он подчеркнул, что архивная комиссия не имеет своей археологической карты», поэтому «не признает ли она возможным озаботиться составлением таковой карты».[17] П. И. Якоби родился в Казани, окончил Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге, уехал в Германию, где поступил в Гейдельбергский университет на естественный факультет. Затем закончил медицинский факультет Цюрихского университета, защитив диссертацию на степень доктора медицины. В 1883 г. принял предложение Орловского губернского земства занять должность заведующего создающейся в Орле психиатрической больницы, а на следующий год стал членом Ор-

ловской ученой архивной комиссии. Итогом его многолетней работы стала книга «Вятичи Орловской губернии» (1907), в которой впервые сделана попытка составить словарь географических названий губернии.

П. И. Якоби, предложив составить археологическую карту Орловщины, считал, что осуществить задуманное не сложно: достаточно разрезать карту губернии на мелкие куски (по уездам) и разослать их сельским учителям, священникам и «вообще интеллигентным лицам» с просьбой нанести на эти куски карты имеющиеся в данной местности курганы и другие археологические памятники. Но это предложение было признано слишком сложным. За основу археологической карты решено было взять те памятники старины, что были описаны А. Г. Пупаревым в работе «Городища и курганы в Орловской губернии» (1877). Для составления карты была создана подкомиссия, в которую вошли П. И. Якоби, В. А. Казанский и А. Г. Пупарев. Работа затянулась на много лет. В 1895 г. умер А. Г. Пупарев, и вместо него в подкомиссию был введен Я. И. Горожанский, ставший членом архивной комиссии в 1884 г.

Яков Иванович Горожанский (1858-1913) был сыном священника Псковской губернии. По окончании Киевской духовной академии со степенью кандидата богословия был определен преподавателем 2-го Орловского духовного училища. Много внимания он уделял изучению истории Орловского края.

Рассматривая вопрос о составлении карты, П. И. Якоби предложил привлечь к сбору данных учащихся из учебных заведений г. Орла во время каникул. 6 октября 1895 г. на заседание Орловской ученой архивной комиссии пригласили директора Орловской классической гимназии И. М. Белорусова. Одобрив в целом идею П. И. Якоби, он выразил сомнение относительно подготовленности учащихся к такой работе. Тем не менее, руководители всех учебных заведений города дали свое согласие.[18]

Большой вклад в составление археологической карты Орловской губернии внес Александр Николаевич Шульгин

(1836-1906). Он был избран членом Орловской ученой архивной комиссии 26 февраля 1895 г., а в марте 1902 г. — ее председателем. Он родился в г. Двинске Витебской губернии (ныне г. Даугавпилс в Латвии). Окончил Полоцкий кадетский корпус, курс артиллерийской Академии и Академии генерального штаба. В середине 1890-х гг. генерал-лейтенант от инфантерии, ученый в области механики, геометрии и кораблестроения, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., А. Н. Шульгин был назначен командиром 36-й пехотной дивизии, штаб которой располагался в Орле. Он становится активным членом архивной комиссии, участвует в создании губернского историко-археологического музея, становится председателем первого музейного комитета, занимается краеведением и археологическими изысканиями. Постепенно его интерес к археологии оказывает все большее влияние на тематику исследований архивной комиссии, появляется все больше и больше предложений о проведении археологических раскопок. Идет активное накопление предметов археологии, ставших впоследствии основой экспозиции губернского музея.

В 1894 г. в «Археологических известиях и заметках», издаваемых в Москве, появилась целая подборка, посвященная Орловской губернии: «Священником N. N. присланы из Волховского уезда найденные им при раскопках древности, в роде так называемых старо-рязанских: перстни, кольца с каменьями, браслеты серебряные, кресты тельные, бусы, кадильница железная с цепями, коллекция кремневых ножей, кости позвонковые допотопных животных, мамонтовый бивень».[19]Следующая заметка гласила, что «попытки к самовольным раскопкам, произведенным на Чашине кургане — колодцы кладоискателей, — засыпаны и вновь, по-видимому, не раскапывались. Чашин курган, как его неправильно называют, — целое земляное укрепление, типа городища, внутренность которого представляет собой подобие чашки. По наведенным справкам оказалось, что на глубине 4 аршин (3 м) обнаружен дубовый помост над пустым пространством-тайником и сводчатая каменная клад-

ка. Судя по массе гончарных черепков от разбитых урн, по мнению профессора Антоновича, с которым списалась комиссия, это — братская могила, и т, к. в Орле правильных раскопок (т. е. с привлечением дипломированных специалистов-археологов) покуда никогда не производилось, то представляется археологам случай исследовать похоронный обряд. Городище, имеющее вид подковы с хорошо сохранившимися валами, расположено на горе, в живописном месте над рекою, несомненно, было сторожевым пунктом от набегов крымцев, оплотом от Литвы. Местные крестьяне считали Чашин курган могилой разбойника Кудеяра, местом хранения кладов и награбленных им сокровищ. Сам он похоронен, говорит народ, на золотом коне. Несомненно, что правильные раскопки крайне интересны в научном отношении и должны дать ценные археологические находки. Но к прискорбию науки, Орловская ученая архивная комиссия с 17 рублями фонда предпринять ничего не может, и эти драгоценности неизбежно сделаются добычей кладоискателей, искателей кубышек с серебряною монетою, если вовремя не подоспеет субсидия».[20]

Окончательную точку в вопросе о проведении «правильных раскопок» на Чашине кургане поставил ответ Археологической комиссии, который был зачитан на заседании Орловской ученой архивной комиссии 4 сентября 1895 г. Он гласил, что Археологическая комиссия «не считает в настоящее время для себя удобным ассигновать средства на исследования Чашина кургана ввиду того, что означенный курган есть городище, и при том, по всей вероятности, позднейшего происхождения».[21]

Член архивной комиссии Ф. Ф. Похвалинский предложил выставить все коллекции и находки, собираемые для будущего музея, на предстоящей в г. Орле археологической выставке Общества любителей изящных искусств. Тем более, что археологический фонд комиссии в течение 1896-1897 гг. не пополнялся материалами раскопок за неимением финансовых средств. Правда, предложения от частных лиц поступали: в 1896 г. член комиссии граф П. Е. Комаров-

ский попросил раскопать городище в его имении, в котором, по преданию, его «предок защищался от самозванца». Граф предоставлял в распоряжение архивной комиссии средства для производства раскопок, «лишь бы было командировано лицо, знакомое с этим делом».[22] К сожалению, комиссия так и не командировала человека, имеющего опыт в производстве археологических работ.

Члены комиссии занимались текущей научной работой. А. Н. Шульгин завершил составление археологической карты Орловской губернии в границах Руси на 1356 и 1618 годы. На карту были нанесены засеки, города, крепости, городища, сторожи, валы и другие укрепления.

Ф. Ф. Похвалинский проявил своевременную инициативу при строительстве железной дороги от Брянска на Москву: он обратился с просьбой к руководству железной дороги сообщать архивной комиссии о любых находках древностей при исследовании пути.

В 1896 г. Археологическая комиссия поручила преподавателю Новозыбковского реального училища (Брянский уезд) П. М. Еременко исследовать курганы в Брянском и Елецком уездах.[22]

В Брянском уезде первоначально работы были сосредоточены в северо-восточной части, вдоль р. Ветьмы и ее притока Ивоти, где производились раскопки в четырех курганных группах: близ с. Немеричи (5 курганов из 25), у с. Ивановичи (6 из 11 и 5 из 34) и близ с. Козловка (5 из 15). Затем работы были перенесены в северо-западную часть уезда на правый берег р. Десны: близ с. Загорье (раскопано 4 из 6 курганов), у с. Алешня (6 из 14) иуд. Пеклино (6 из 51). Все курганы оказались одного и того же типа: высота 2-3 м, насыпаны над кострищем, разложенным на уровне почвы. Преобладающий способ погребения — трупосожжение. Курган насыпался непосредственно над кострищем, на котором был сожжен умерший. В трех курганах у д. Пеклино были заметны следы нескольких кострищ — от двух до четырех.

При другом способе погребения умерший помещался в

гроб, а порой без него — прямо на кострище. В одном из таких курганов погребение было совершено над кострищем в сидячем положении. В подобных случаях при остове иногда встречались черноглиняные и другие горшки с простым орнаментом из вдавлений, образующих треугольники, а также разомкнутые плоские бронзовые браслеты. Найдены бронзовый перстень с разомкнутыми концами, в виде жгута, утолщающегося к середине; бронзовый перстень, конец которого загнут по обеим сторонам широкой средней части; фрагмент бронзовой подвески; сердоликовые продолговатые бусы. П. М. Еременко приобрел у местных крестьян золоченые стеклянные бусы цилиндрической формы, добытые из этих же курганов. В курганах с трупосожжением никаких предметов, кроме черепков грубой лепной керамики, не найдено.

К совершенно иному типу принадлежат курганы, исследованные П. М. Еременко в Елецком уезде близ с. Новоселицкое (3 кургана), в урочище «Курганном», в котором насчитывалось 14 насыпей. Под одним курганом оказалась грунтовая могила глубиной 260 см, с одной стороны закругленная. В верхней части могилы беспорядочно лежали кости и черепа быка, коня и других животных, и на одном уровне с ними ровным пластом в виде квадрата толщиной 10 см лежала красная масса, видимо, охра. На дне могилы оказался сожженный на месте костер, при котором не было ни вещей, ни костей. Лишь в желобке, шедшем по южному краю основания могилы и наполненном какой-то черной мягкой массой, была найдена часть ребра. В самой курганной насыпи, выше ее основания (70 см), находился глиняный горшок, украшенный параллельными полосками. Под другим курганом оказалась неглубокая (50 см) грунтовая могила без следов костра, в которой лежал остов человека — на спине, с подогнутыми к туловищу ногами. Большая часть костей, кроме черепа, ребер и позвонков, носила следы красной краски (охры), которая также кучкой лежала между костями. Около черепа стоял глиняный лепной горшок, орнаментированный по горизонтали в «елочку». В насыпи кур-

гана встречались черноглиняные черепки и в небольшом количестве — кости животных. В третьем кургане скелет лежал на грунте, без следов кострища. Около головы стоял грубой ручной работы горшок, рассыпавшийся при выемке.

Несколько курганов бронзового века П. *М.* Еременко обследовал на реке Кшень у д. Замарайки, 5 курганов у д. Знаменки Ливенского уезда. Найдены скелеты людей, около них — лепная посуда, украшенная «в елочку», небольшие бронзовые ножи и кости животных. Могилы были выложены большими камнями, а одна — дубом. Позднее часть этих находок была передана в Орловский губернский музей.

Кроме курганов, П. М. Еременко обследовал ряд городищ в Брянском уезде. Городище, располагавшееся рядом с д. Немир у слияния рек Немирки и Городца, с напольной стороны было укреплено тройным валом со рвом. Наружные валы были низкие и пологие. Второе городище находилось у д. Гатьковой, в верховье р. Сенной, и было укреплено двумя валами. Третье городище располагалось у с. Алешня между двумя оврагами.

В 1897 г. А. Н. Шульгин произвел за свой счет раскопки курганов около д. Гать Орловского уезда. Результаты раскопок он обобщил в докладе «Остатки старины в окрестностях города Орла», который представил на суд членов Орловской ученой архивной комиссии 28 октября 1897 г., и «принес в дар карту курганов и карту укреплений в окрестностях г. Орла».[24]

Вот как описывает А. Н. Шульгин место расположения курганов: «Между Курским шоссе и старой большой дорогой из Орла в Кромы, в 400 саженях от впадения реки Цона в реку Оку, между двумя проселочными дорогами из д. Гать к мельнице и хутору Цон, тянется небольшой продолговатый бугор (гряда) глинистого лёсса, покрытый мелким дубово-березовым кустарником, с остатками небольшого количества срубленных деревьев незначительного возраста. На гребне этой гряды находится система курганов, а через дорогу — другая. В одной насчитывалось 16, а в другой 5 курганов. Возможно, их намного больше, но пространство,

занятое этими курганами, очень сильно поросло кустарником и потому, весьма вероятно, что их там найдется еще несколько».[25]

Насыпи имели коническо-параболоидальные формы, диаметром от 6 до Ими высотой от 80 до 225 см, были окружены неглубокими рвами, давно заплывшими. Кольцевые рвы не были замкнуты, а имели как бы перерывы около метра, составляющие подходы к насыпям. Исходя из конструкции курганов, А. Н. Шульгин сделал вывод, что «тела покойников для погребения клались на землю, а не углублялись в нее, а затем обсыпались с боков», и датировал эти курганы «никак не позже введения христианства в стране ».[2ь] А. Н. Шульгин раскопал три кургана.

В первом, на горизонте земли, был найден почти совершенно целый скелет, лежавший ногами к востоку, руки вытянуты вдоль тела, а голова наклонена вправо. В верхней лобовой кости оказался прямой рубец, глубиной около 2 мм, явно от нанесения удара мечом по голове. Длина скелета 180 см.

Во втором кургане, так же как и в первом, костяк лежал на горизонте земли, с той же ориентацией. Кости средней части ног совершенно истлели, череп сохранился чуть лучше, с его правой стороны, чуть выше, была пустота, диаметром около полуметра, слегка заполненная белым песком. К этой «пустоте» была приклонена голова. В насыпи кургана попадалось значительное количество черепков из черной и красной глины, толщиной около 5 мм, с весьма грубыми узорами. В центре кургана лежал кремневый наконечник стрелы.

В насыпи третьего кургана костяк оказался почти совершенно истлевшим. На месте пояса лежали две половинки медной решетчатой пластинки (поясная пряжка), а на лучевой кости правой руки находился браслет, свитый из трех прутьев красной меди. Браслет представлял собой разомкнутое кольцо с искусно завитыми концами.

А. Н. Шульгин сделал вывод, что исследованные скелеты «принадлежат аборигенам страны до VII века». По инициативе Шульгина черепа были отправлены в Археоло-

гическую комиссию «для антропологического определения: какому народу и племени они принадлежат — древним вятичам или же еще более древним аборигенам края».

Кроме курганного могильника, А. Н. Шульгин обследовал и городище Гать, являющееся единым археологическим комплексом. Он дал такое описание памятнику: «На склоне левого берега р. Оки, при впадении в нее р. Цона, находится укрепление, состоящее из подковообразного вала, высотой до 5 метров в середине и до 2 метров по концам, с основанием около 11 метров. С наружной стороны этого вала имеется ров, шириной около 8 метров и глубиной от 2 до 3 метров. Концы вала упираются в обрыв берега реки, расстояние между этими концами около 5 метров, ширина внутреннего пространства 35 метров. В средней части вала есть проход с крутыми боками, видимо, для установки ворот. Против этого прохода, во рву, есть как бы широкая ступенька, для более удобного подъема в укрепление из рва, для подъема же из рва в поле имеется против прохода небольшое углубление...».'[7]

Внутри укрепления находились 9 ям — пороховой погреб, кухня, шалаш для начальника, кладовая, шалаши людей гарнизона. При раскопках ям А. Н. Шульгин нашел истлевшее дерево, уголь, черепки, массу кремневых отщепов, кости животных и птиц. Исследователь задался вопросом: кто же построил это укрепление? Татары, как правило, при быстрых своих набегах укреплений не строили. В «Орловских губернских ведомостях» (№ 30, 1861) была помещена статья, где говорилось, что «известный польский партизан Лисовский, после боя с князем Пожарским в 1616 году у Царева Брода на реке Орлике, укрепился у места слияния Цона с Окой, в 7 верстах от Орла, близ д. Гать, а само укрепленное место называют Лисовским курганом».[28] А. Н. Шульгин отмечает, что, «к сожалению, это неправильное указание нашло место и в более серьезных статьях».[29] В действительности Лисовский провел здесь только одну ночь, так что за столь короткий срок такое мощное укрепление не могло быть построено. Тем более, что вместимость городка рас-

считана на 200-300 человек, а в отряде Лисовского их было около 3000 тысяч. А. Н. Шульгин пришел к выводу, что укрепление у д. Гать было возведено в начале XVII в. «энергическими кромскими военачальниками против царских войск наряду с другими пунктами линии застав». [30]

В результате дальнейших археологических исследований эта гипотеза А. Н. Шульгина не подтвердилась. Городище Гать было основано в XI в. древнерусским населением Орловского края.

По прочтении доклада «Остатки старины в окрестностях г. Орла» А. Н. Шульгин передал Орловской ученой архивной комиссии найденные им при раскопках курганов у д. Гать два черепа, браслет, свитый из трех прутьев красной меди, две половинки решетчатой пластинки, кремень, обработанный в виде наконечника стрелы и глиняные черепки; представил найденные на городище Гать в ямах, внутри старинного укрепления, истлевшее дерево, уголь, черепки, кремневые обломки, кости животных и птиц. По просьбе Археологической комиссии А. Н. Шульгин отправил в Санкт-Петербург фотографии находок, план могильника и его окрестностей у д. Гать (илл. 3).

В «Санкт-Петербургских ведомостях» (№ 226, 1897) было опубликовано любопытное сообщение об уникальной находке, сделанной в с. Нижний Варгол Елецкого уезда Орловской губернии: «Наши археологические общества и господа археологи нередко направляют свои изыскания и экспедиции в отдаленные места империи, между тем, многие места в центре государства остаются не только неизведанными, но даже ни разу не посещенными представителями археологической науки. Как в с. Нижний Варгол, так и в окрестностях его, есть много гор, изобилующих пещерами, подземными длинными ходами, а в почве находят множество старинных вещей.

Недавно крестьянские дети, играя, нашли фигуру-группу каких-то древних божков, сделанных из чистого золота. Дети, забавляясь находкой, разломили ее надвое, а когда взрослые отобрали ее от них и отвезли в город, то золото

было продано ювелиру за несколько сот рублей. К сожалению, находка послужила лишь предметом купли-продажи и в руки людей науки не попала. При копании камней, корчевании пней и других работах здесь нередко находили римские монеты времен Августа, конские татарские украшения, утварь, кольца и т. п. Все это, конечно, за неимением поблизости музея или просто любителей-коллекционеров, бесследно пропадает, переходя из рук в руки, и, будучи брошено, как не нужное в хозяйстве, часто возвращается туда же, откуда извлечено, т. е. в землю. Остается пожалеть, что наши отечественные археологи не посещают нас и не имеют своих агентур в местах, подобных нашим».[31]

К сожалению, аналогичные случаи были далеко не единичны. Ценные, а иногда и уникальные находки погибали из-за отсутствия центра их сосредоточения — музея.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАОО. Ф. 7. Орловская губернская ученая архивная комиссия. Д. 7. Журналы заседаний архивной комиссии. 1887.
2. Там же. Д. 1. Журналы заседаний архивной комиссии. 1886 — 1909.— Л. 37.
3. Пупарев А. Г. Дополнительные сведения о древних городищах и курганах Орловской губернии. — ТОУАК. — Вып. 3. — Орел, 1892.
4. *ГАОО. Ф. 580.* Канцелярия Орловского губернатора. Д. 1772. Переписка с Департаментом железных дорог, Императорской Археологической комиссией и другими о доставлении Археологической комиссии старинного металлического сосуда, монет и других предметов, найденных в Стрелецкой слободе г. Орла при постройке Московско-Орловской железной дороги. 1865. — Л. 1.
5. ТОУАК за 1901 и 1902 гг. - Орел, 1903. — С. 29-30.
6. Орловский краеведческий музей (в дальнейшем — ОКМ). Архив. Д. 1566. Архив С. А. Кирсанова. Копия дневника раскопок П. С. Ткачевского в 1926 году. — С. 23.
7. ТОУАК. — Вып. 1. — Орел, 1894. — С. 4.
8. Там же. — Вып. 2. — Орел, 1895. — С. 2.
9. Там же. — Вып. 1. — Орел, 1894. — С. 2.

10. Там же.
11. Там же. — Вып. 2. — Орел, 1894. — С. 7.
12. Там же. — Вып. 1. — Орел, 1895. — С. 6.
13. Там же. — Вып. 4. — Орел, 1894. — С. 1.
14. Там же. — Вып. 1. — Орел, 1895. — С. 7.
15. Там же. — Вып. 3. — Орел, 1895. — С. 10.
16. Пясецкий Г. М. О четырех главных дорогах, которыми крымские татары вторгались и опустошали пределы нынешней Орловской губернии //Орловские епархиальные ведомости. — Вып. 19. — 1870. — С. 1238-1241.
17. ТОУАК. — Вып. 3. — Орел, 1894. — С. 8.
18. Там же. — Вып. 3. — Орел, 1895. — С. 8-12.
19. О некоторых древностях Орловской губернии // Археологические известия и заметки. — Т. 2. — М.,1894. — С. 111.
20. Там же.
21. ТОУАК. — Вып. 3. — Орел, 1895. — С. 1.
22. Там же. — Вып. 1. — Орел, 1897. — С. 17.
23. Шульгин А. Н. Минувшее Орловского края. — ТОУАК. — Орел, 1903, —С. 14-16.
24. Шульгин А. Н. Остатки старины в окрестностях города Орла. — ТОУАК. — Вып. 1. — Орел, 1898. — С. 1-5.
25. Там же. — С. 6.
26. Там же. — С. 7.
27. Там же. — С. 9-10.
28. Орловские губернские ведомости. — № 30. — 1861.
29. Шульгин А. Н. Остатки старины в окрестностях города Орла. — ТОУАК. —Вып. 1. — Орел, 1898. — С. 12.
30. Там же. — С. 13.
31. Санкт-Петербургские ведомости. — № 226 — 1897.

ГЛАВА 4. Губернский музей при Орловской ученой архивной комиссии

Необходимость открытия музея в Орловской губернии в конце XIX в. понимали все прогрессивно настроенные жители, поэтому важной стороной деятельности Орловской ученой архивной комиссии было собирание вещей, имевших отношение к истории и современности Орловского края.

Краевед Г. М. Пясецкий определил задачи музея следующим образом: «Организовать музей как собрание материалов прошлого и нынешнего состояния Орловского края из документов, исследований и сочинений, касающихся всех отраслей и состояния быта, жизни и средств края, а также из тех предметов, которые служат данными и образцами для изучения всего этого».[1] В будущий музей стали активно поступать экспонаты.

Журналы заседаний комиссии позволяют восстановить во всех подробностях процесс собирания музейных экспонатов. Все они являлись пожертвованиями, в основном, от частных лиц, а также от Археологической комиссии, которая, как правило, присылала монеты из кладов, найденных в разное время на территории Орловской губернии.

Архивная комиссия еще в начале 1890-х гг. начала создавать фундамент для будущего музея. На заседании 18 марта 1892 г. было решено ходатайствовать перед губернатором о передаче старинных вещей из губернской канцелярии в архивную комиссию. В создаваемый музей поступали самые разнообразные вещи. Так, в отчете за 1893 г. упомянуты факты передачи из Археологической комиссии серебряного «шейного обруча» из раскопок в Пермской губернии, а также орудий и керамики бронзового века от тульского священника Николая Преображенского.[2] О том, какое значение придавала Орловская ученая архивная комиссия таким пожертвованиям, красноречиво свидетельствует то, что Н. Преображенский был сразу же избран ее членом. Коллекцию археологии пополнили 50 предметов, переданных Археологической комиссией из раскопок 1890 г. в г. Ливны.

В последующие годы в комиссию постоянно поступают пожертвования как с территории Орловской, так и других губерний: монеты, медальоны, различные окаменелости.

В 1896 г. начинает оформляться идея особого музея из экспонатов, накопленных в комиссии. Первая выставка экспонатов прошла «по случаю». Ф. Ф. Похвалинский предложил воспользоваться тем, что местное Общество любителей изящных искусств решило открыть археологическую

выставку и показать на ней некоторые вещи, собранные архивной комиссией.[3]

Дальнейший этап создания музея связан с личностью орловского губернатора А. Н. Трубникова (илл. 4), избранного на заседании 14 марта 1896 г. на пост председателя Орловской ученой архивной комиссии.[4] Необходимо отметить, что А. Н. Трубников был единственным губернатором, активно участвовавшим в делах комиссии и оказывавшим ей практическую помощь. Уже на следующем заседании, 15 апреля, он сообщил о предоставлении архивной комиссии двух комнат в здании губернского правления для организации в них музея.

Осенью, на заседании 11 октября 1896 г., снова обсуждалась возможность создания губернского музея по образцу подобных, существующих уже в других губерниях. Для разработки и уточнения всех связанных с этим вопросов была создана особая комиссия по организации музея. В нее вошли Хвостов, Шульгин, Старицкий, Похвалинский, Блеклое и священник Ливанский.[5] Вскоре комиссия отметила, что все поступающие в музей вещи отличаются однообразием: в основном это были монеты и медальоны. Поэтому комиссия по организации музея обратилась в Археологическую комиссию с просьбой присылать разнообразные вещи, не обязательно найденные на территории Орловской губернии. Археологическая комиссия ответила, что «обращение принято во внимание, и при распределении по музеям поступающих в Археологическую комиссию древностей и монетных кладов таковые, по возможности, будут отправляться в Орловский губернский музей».[6]

Подкомиссия по устройству музея периодически отчитывалась о ходе работ: 8 марта 1897 г. А. Н. Шульгин сделал на эту тему доклад,[7] 13 марта слушали доклад Блеклова и предложения А. Н. Шульгина о принципах построения музея. Была предложена обширная программа, основной мыслью которой являлось то, что музей — это собрание материалов прошлого и нынешнего состояния Орловского края. По мнению авторов проекта, все стороны жизни губернии

вполне укладывались в 12 отделов: географический, естествоведения, этнографический, археологии и нумизматики, церковно-исторический (А. Н. Шульгин предполагал широко осветить религии и верования на территории Орловской губернии в прошлом и настоящем), исторический и архивный, народного образования, сельского хозяйства, промышленно-торговый, научный, литературный и художественный. Претворить в жизнь этот план было довольно сложно из-за крайней скудности средств комиссии. Было составлено обращение о помощи: к епископу Орловскому и Севскому Митрофану с просьбой предоставить документы из церквей и монастырей в копиях, или на время в подлинниках для снятия копий в самой архивной комиссии. Обращения к заводам и фабрикам губернии содержали просьбы о предоставлении образцов их изделий; к ученым обществам России — о пожертвовании книг; к другим губернским музеям — о передаче материалов, касающихся Орловской губернии. Было также написано обращение к уездным предводителям дворянства с просьбой содействовать Орловской ученой архивной комиссии в получении разных вещей из уездов. Решено было открыть подписку для приобретения шкафов, столов и другой необходимой музею мебели.[8]

Данная программа создания музея была принята на заседании 2 мая 1897 г., хотя многие члены подчеркивали, что она гораздо шире возможностей архивной комиссии. Было подтверждено решение об открытии подписки. Кроме того, из средств самой комиссии на устройство музея было отпущено 200 рублей.[9]

В результате проведенной подписки собрали 111 рублей. На нужды музея комиссия выделила еще 40 рублей, вырученных за проданный по этому случаю старый шкаф комиссии.[10] Всего на создание музея был отпущен 351 рубль. 30 ноября 1897 г. на заседании Орловской ученой архивной комиссии был заслушан отчет подкомиссии по устройству музея и принято решение открыть его 7 декабря (по старому стилю).[11]

Заведующий музеем Ф. Ф. Похвалинский доложил, что

на создание и оборудование музея затрачено 372 руб. 46 коп., т. е. на 21 руб. 46 коп. больше, чем было отпущено комиссией. Разницу Похвалинский Ф. Ф. оплатил из собственных средств.[12]

Была создана постоянная комиссия по разбору вещей в музее. В нее вошли А. Н. Шульгин, А. В. Бордонос, К. В. Ферро, В. И. Болотов, ф. Ф. Похвалинский и В. А. Казанский.[13] В опубликованном Уставе музея выделены были его цели: сосредоточение предметов, характеризующих прошлое и настоящее Орловского края, представление их общественности для ознакомления, распространение полезных сведений по истории Орловской губернии.[14] Состоял музей из трех частей: хранилища предметов, библиотеки и исторического архива, насчитывал 12 отделов, в т. ч. археологический.

Во главе музея стоял музейный комитет. В его состав входили: председатель, хранитель коллекции, библиотекарь и хранитель исторического архива. Комитет избирался на три года и имел широкие полномочия в решении всех вопросов, касавшихся работы музея.

Археологический отдел музея постоянно пополнялся материалами раскопок (илл. 5). В 1897 г. на заседании комиссии ее член С. А. Цуриков доложил, что в с. Сеножате Богдановской волости Орловского уезда был выкопан из земли разбитый древний горшок, в котором сохранились обожженные кости, представляющие собой «сожжение тризны, которая вместе с покойником зарывалась в могилу».[15] Горшок с костями С. А. Цуриков передал в дар музею, сообщив при этом, что в Богдановской волости имеется значительное количество курганов: в с. Лебедка ■— 4, в с. Дубки — 2 и в урочище «Игрище » — до 20. Он пояснил, что «курганы эти распахиваются и иногда в них находят древние вещи. Так, в с. Лебедка, когда копали выгребную яму, найдено было несколько костей и небольшой топорик красной меди, вроде кирочки, каковыя вещи бесследно пропали. Желательно было бы, чтобы архивная комиссия обратила внимание на недозволенную законом раскопку курганов».[16]

Барон Д. П. Дальгейм подарил музею «металлическое ожерелье», найденное у с. Борисово Челмыжской волости Севского уезда. А. К. Юрасовский подарил железную кольчугу, найденную в сельце Сурьянино Волховского уезда в 1897 г. (илл. 6). Археологическая комиссия пожертвовала бронзовый кинжал, две мелкие поделки из кости, глиняную кружку с линейным орнаментом, три черепка черноглиняной посуды, найденные в низких курганах у д. Замарайки Ливенского уезда Орловской губернии на земле О. Ф. Гусаревой.

Благодаря различным пожертвованиям и многочисленным находкам, представленным в экспозиции, музей получился насыщенный и интересный. На заседании архивной комиссии 20 февраля 1898 г. было зачитано письмо председателя Московского археологического общества графини Уваровой, в котором она поздравляла с открытием губернского музея и выражала пожелание «к преуспеванию и процветанию его на поприще науки».[17] В 1899 г. проводились раскопки у с. Губкино Малоархангельского уезда (сегодня здесь зафиксировано селище I тысячелетия н. э.). В этом же году поступили сразу несколько подарков в губернский музей: управляющий Мальцевскими заводами Брянского уезда передал зуб мамонта, а Археологическая комиссия — прекрасно сохранившиеся горшки и бронзовые вещи, найденные в курганах Елецкого и Брянского уездов.[18] Из г. Трубчевска были получены каменные орудия труда, найденные в осыпи правого берега вблизи городской черты. Коллекцию каменных долот-топоров подарил А. В. Бордонос, К. В. Ферро — греческую амфору (илл. 7), болховский купец Н. Лепнягов — каменный топор, полученный им от крестьянина д. Верхняя Радомка Волховского уезда[19] (последний нашел его при распашке поля). А. Н. Шульгин пожертвовал музею фотоснимок статуэтки, найденной при постройке Московско-Курской железной дороги на границе Курской и Орловской губерний. О своем подарке он сказал следующее: «Статуэтка эта пустая, отлита из бронзы, имеет высоту 4 вершка. Каждая ее сторона имеет лицо и пе-

реднюю сторону торса, из которых одна сторона мужская, а другая женская. Кулак одной из ее рук представляет человеческую голову. Статуэтка эта имеет значение идола наших аборигенов скифского периода».[20]

Орловский губернский музей регулярно пополняли как отдельные предметы, так и целые коллекции. Это побудило А. Н. Шульгина к созданию «Каталога Орловского губернского музея».[21] В разделе «Культурное прошедшее Орловского края» дан перечень археологических предметов, которыми музей располагал в 1899 г. Вся археологическая коллекция подразделялась на каменный, бронзовый и железный века.

Предметы каменного века представляли собой изделия из глины и камня. Коллекция глиняных изделий насчитывала 27 единиц: сосуды и фрагменты с орнаментом и без орнамента, обломки глиняных украшений, глиняный нагрудный знак, бусы, греческая амфора из развалин колонии Ольвии. 23 каменных изделия включали сверло, ножи, наконечники стрел, топоры, долота, молот, а также долото из оленьего рога (Брянский уезд).

Немногочисленной была и коллекция бронзового века, насчитывавшая 31 предмет. 13 находок были пожертвованы музею К. В. Ферро из развалин колонии Ольвии: бронзовые наконечники стрел, наконечник булавки из белой глины, бронзовая бусина, украшение из бронзовой проволоки в виде завитка, бронзовая фибула, медальон «Медуза» из белой глины, обломки барельефа, изображающего охоту на оленя, глиняная амфора. 18 предметов были обнаружены в Орловской губернии: обломки браслетов из медной проволоки, найденные у д. Загорье Брянского уезда; кольца, браслеты из бронзовых пластинок и прутьев, найденные в Брянском уезде у деревень Алешня, Пеклино и Загорье; 2 кольца из медной проволоки; кольцо, свернутое спиралью в 3 оборота; 3 украшения из бронзы с мелкой чеканкой с остатками воска. Все эти ювелирные украшения были присланы из Археологической комиссии. Местные краеведы передали в музей несколько вещей: витой проволочный браслет (най-

ден в кургане у д. Гать Орловского уезда), поясную пряжку из бронзовой пластинки с шестью рядами дырочек (курган у д. Гать), 2 фотографии с изображением бронзового истукана высотой около 20 см (найден близ г. Малоархангельска при постройке Московско-Курской железной дороги), наконечник копья из бронзовой пластины и обломки горшка, найденные в кургане близ г. Ливны. В коллекции также был истукан, отлитый из бронзы, место находки которого не было известно.

Коллекция предметов железного века насчитывала 22 экспоната: топорик (найден у п. Кромы, получен от В. А. Шеншина), кольчуга из стальных колец (из с. Сурьянино Волховского уезда, получена от А. К. Юрасовского), такая же кольчуга, полученная от А. Н. Трубникова, средневековый меч, серпообразный нож азиатского образца, лезвие татарского кинжала, найденное у с. Крутое Малоархангельского уезда (получено от Пакатилло), лезвие прусского охотничьего кинжала (найдено в Волховском уезде, получено от Никитина), бердыши рынд царя Алексея Михайловича (илл. 8), копье ополченческое 1812 г. (от В. А. Казанского), алебарда, стрела с Куликова поля (от И. В. Ливанского), ядро и пуля с Малахова кургана, серп, пряжка и гвозди, найденные у Д. Ивановичи Брянского уезда (получены от Археологической комиссии).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ТОУАК. — Вып. 1. — Орел, 1898. — С. 37-38.
2. Там же. — Вып. 1. — Орел, 1894. — С. 2.
3. Там же. — Вып. 1. — Орел, 1896. — С. 5-7.
4. Там же. — Вып. 2-3. — Орел, 1896. — С. 1-5.
5. Там же. — С. 14-17.
6. Там же. — Вып. 1. — Орел,1897. — С. 1-3.
7. Там же, — С. 7-17.
8. Там же. — С. 41-44.
9. Там же. — С. 13-15.
10. Там же. — Вып. 1. — Орел,1898. — С. 23-29.
11. Там же. — Вып. 1. — Орел, 1898. — С. 36.

12. Там же. — С. 23-29.
13. Там же. — С. 41.
14. Там же. — Орел, 1899. — С. 11-14.
15. Там же. — Вып. 1. — Орел, 1898. — С. 4-5.
16. Там же. — С. 5.
17. Там же.
18. Там же. — С. 40.
19. Там же. — Вып. 1. — Орел, 1899. — С. 4.
20. Там же. — С. 22.
21. Там же. — С. 3-4.

ГЛАВА 5. Археологическая деятельность Орловской ученой архивной комиссии в начале XX в.

С 1 по 20 августа 1899 г. в г. Киеве проходил XI археологический съезд, на котором делегатами от Орла были члены ученой архивной комиссии Федор Федорович Похвалинский и граф Павел Евграфович Комаровский. Причем, если Ф. Ф. Похвалинскому членский билет делегата съезда как одному из главных устроителей губернского музея был выдан без проблем, то графу П. Е. Комаровскому пришлось обращаться с заявлением в Орловскую ученую архивную комиссию. В свою очередь, комиссия обратилась в предварительный комитет XI археологического съезда с просьбой срочно выслать членский билет, но Киев ответом не удостоил, вероятно, потому, что делегатов и без того были уже сотни со всех губерний и крупных городов России. Тогда Орловская архивная комиссия выдала от себя П. Е. Комаровскому членский билет на съезд, сопроводив его запиской следующего содержания: «Глубокоуважаемому Его Сиятельству графу П. Е. Комаровскому с совершенной преданностью».[1] Уплатив по 4 рубля в кассу съезда, оба орловских представителя стали полноправными делегатами.

По возвращении с археологического съезда Ф. Ф. Похвалинского ждало письмо от Ольги Ивановны Шалимовой,

которая сообщала, что в ее имении (Дмитровский уезд, Больше-Бобровская волость) имеется старинный курган. Он находится в лесу, на берегу реки Свапы. Когда проходишь рядом с курганом, то будто слышатся глухие особые звуки, вообще это место очень загадочное, и с ним связаны различные легенды. О. И. Шалимова просила сообщить ей условия, на которых Орловская ученая архивная комиссия согласится обследовать это место.

Учитывая эту просьбу, а также уже имевшиеся планы проведения археологических раскопок в центре г. Орла у слияния рек Оки и Орлика, в саду при доме А. С. Северцевой, где по преданию ранее была старинная церковь, и раскопок на Чашине кургане в Брянском уезде, Ф. Ф. Похвалинский обратился в Орловскую архивную комиссию с просьбой о ходатайстве перед Археологической комиссией о выдаче ему разрешения на право проведения археологических раскопок. Просьба была удовлетворена. Правда, Археологическая комиссия попросила сообщить ей, на чьей земле находится Чашин курган. Что касалось раскопок в имении помещицы Шалимовой и при доме Северцевой, то разрешение давали они сами, т. к. это были частные владения и «исключительные собственники земли» могли распоряжаться ими по своему усмотрению.

Архивная комиссия сделала запрос в г. Брянск и получила ответ, что Чашин курган находится при с. Городище Супоневской волости на уступе меловой горы, на правом берегу реки Десны. Земля же принадлежит обществу крестьян села Городище и состоит под выгоном. Получив эту информацию, Археологическая комиссия выдала Ф. Ф. Похвалинскому разрешение на раскопки — Открытый лист.[2]

В феврале 1900 г. в Орловскую ученую архивную комиссию приходят новые сообщения от Брянского уездного исправника об археологических памятниках. Найдены: городище на р. Клыпоть между деревнями Сосновкой и Неверью; городище на р. Вытьме в двух верстах от с. Бацкина; у с. Старый Лавшис в казенном лесу — «Болотова могила» (или «Кудеяров курган»); в трех верстах от д. Селилович

Снопотской волости на берегу р. Десны, на земле помещиков Васильчиковых — курган «Городок», который братья-помещики собирались весной раскопать.

В марте 1900 г. архивная комиссия послала в Археологическую комиссию для исследования серебряную фибулу (илл. 9), найденную на р. Воргол в 7-ми верстах от г. Ельца и присланную в дар комиссии Н. П. Петровым.[3] Археологическая комиссия уведомила, что эта фибула принадлежит к изделиям так называемого «скандинавского» типа и относится приблизительно к X в., являясь «предметом выдающегося значения». Выяснилось, что принадлежащий Орловской ученой архивной комиссии экземпляр фибулы является единственным в своем роде (подобного не существовало даже в Скандинавских музеях). Учитывая уникальность находки, Археологическая комиссия ходатайствовала перед Орловской архивной комиссией о передаче фибулы в Императорский Эрмитаж, где ее сохранность была бы наиболее обеспечена от случайностей и где сохраняются все важнейшие находки этого рода, открытые в пределах России. Эта просьба была удовлетворена.

Что же представляла собой находка, так заинтересовавшая столичных археологов? Ее детальное изучение было поручено археологу А. А. Спицыну (илл. 10), который блестяще справился с этой работой, опубликовав результаты в 1901 г. в 1-м выпуске «Известий Императорской Археологической комиссии ».[4] В целом виде фибула состояла из двух лопастей, соединенных возвышенной широкой дужкой, на которую посажено крупное «яблоко». В момент находки одна из лопастей была утрачена, а другая отломлена. Фибула усажена фигурками животных и украшена сплошным орнаментом. Очень выразительны головы животных: огромный широкий лоб, плоский, как бы прикрытый повязкой, широко расставленные глаза, громадная открытая пасть с выступающей вперед и отвороченной верхней челюстью. Уши большие, обращенные вперед, стоящие рядом поверх лба; нос тупой, сливающийся с верхней губой пасти. На лбу вырезы для глаз, на переносице складка. В общем, тип го-

ловы фантастический и лишенный выразительности, как вообще всякие головы типа драконьих. Довольно длинные ноги животного широко расставлены, туловище тонкое, лопатки украшены завитками, шея сливается с грудью, голова обращена назад и держит в пасти конец тонкого длинного хвоста. Другие подобные фигуры представлены не только стоящими, но и сидящими. Их передние лапы трехпалые и четырехпалые, согнуты в локтях, как человеческие, и раздирают углы сомкнутого рта. Локти острые, передние и задние лапы в браслетах. Кроме того, вся фибула покрыта орнаментом. Изготовлена фибула из очень качественного серебра, а верхняя лицевая часть густо покрыта бледным золотом. Все фигурки были вылиты отдельно, а затем припаяны к фибуле. К одежде она крепилась при помощи иглы. Размер фибулы 6 х 14 см, вес более 300 г.

В своей работе «Серебряная фибула скандинавского типа, найденная близ г. Ельца» А. А. Спицын делает такое заключение: «Для точного определения времени орловской фибулы мы обратились с соответственным запросом к стокгольмским археологам, которые высказали с полною уверенностью, что она должна быть отнесена к X в. Среди русских древностей мы можем указать лишь один предмет, пригодный для хронологического определения нашей фибулы, — медную бляшку с изображением такого же зверя, как на дужке фибулы, найденную в 1900 г. С. И. Сергеевым в известном гнездовском могильнике, который датируется также X веком. Хотя в скандинавских музеях и имеются фибулы той же формы и той же величины, как орловская, но фибул, столь роскошно украшенных изображениями, нигде не существует. Это пока единственный в своем роде предмет».[5]

В 1901—1903 гг. сотрудник Орловского губернского музея, член Орловской ученой архивной комиссии Сергей Алексеевич Чуев на собственные средства провел раскопки в Брянском уезде.[6] Случайно проезжая в начале лета мимо д. Пеклино, раскинувшейся по обоим берегам р. Белизны, впадающей в Десну, С. А. Чуев обратил внимание на группу курганов, расположенных на усадьбе крестьянина Егора

Хлячева, у шоссе. При расспросе владелец земли сообщил, что при сносе им некоторых курганов для расчистки места под огород он нередко находил в насыпях человеческие кости, бронзовые и медные пряжки, кольца, серьги, разнообразные бусы и другие предметы. Заинтересованный этим и другими рассказами местных крестьян о разбросанных в окрестностях деревни курганах и городищах, Чуев решил осмотреть группу курганов и произвести раскопки. Лишь на огороде крестьянина Хлячева (размер 32 х 46 м) он насчитал 22 кургана, кроме 6 курганов, раскопанных владельцем и II. М, Еременко (1896). Все курганы имели овальную форму, на их вершинах росли по 2-3-4 сосны высотой 1-1,5 м. Диаметр насыпей от 4 до 9 м. Вокруг курганов слегка прослеживались неглубокие кольцевые рвы. Курганы были неравномерно разбросаны по всей занимаемой ими площади: некоторые сгруппированы по два и по три в ряд, почти вплотную друг к другу, другие, больших размеров, возвышались особняком на некотором удалении от остальных.

20 июня 1901 г. С. А. Чуев приступил к раскопкам. Исследованный им курган располагался в одном ряду с двумя другими, такими же по величине курганами, имел диаметр 4 м и высоту 1 м. Вершина кургана венчалась двумя растущими на нем соснами, которые владелец усадьбы срубить не разрешил. Поэтому исследователь вынужден был не раскапывать курган «на снос », а ограничился прорытием траншеи шириной 1 м по диаметру кургана с востока на запад. На глубине 0,5 м находилась прослойка из угля и золы, над тем местом, где впоследствии оказались кости ног. Там же были найдены черепки грубой глиняной посуды без орнамента. Вероятно, это были остатки тризны над усопшим. На горизонте земли лежал женский скелет: в вытянутом положении, на спине, головой на запад, лицо повернуто к левому плечу, правая рука протянута вдоль тела, а левая, несколько согнутая в локте, кистью покоилась на тазовых костях. Кости сильно истлели: ступни ног, кисти рук и левая часть лица не сохранились. Скелет поражал своим ростом — 2м (илл. 11). Большое количество вещей сопровождало погре-

бение (илл. 12). На месте кисти правой руки — 2 бронзовых кольца (одно из гладкой проволоки, а другое из узорчатой изящной пластины) и 2 браслета из гладких одиночных бронзовых прутьев. Концы колец и браслетов не спаяны. На левой руке — 1 браслет из двух бронзовых прутьев, концы которых, сходясь, переплетались между собой. На шее найдены: бронзовая гривна, свитая жгутом из двух гладких прутьев (заложенные один за другой концы ее заканчивались четырехугольными утолщениями, с обрезанными углами); монисто из бус жемчужных, раковинных (белемниты), мастично-эмалевых, глиняных и разнообразных стеклянных, нанизанных прежде на две нити, на которые, чередуясь с бусами, подвешены 5 бронзовых равноконечных крестиков, бывших, по мнению С. А. Чуева, больше украшением, нежели эмблемой христианства; 4 бронзовых медальона; 6 бронзовых лунниц; 8 крестовидных бронзовых подвесок и одна большая мастичная бусина. Все кресты, медальоны, подвески и лунницы орнаментированы узорами. У черепа найдены 2 семилопастных бронзовых височных кольца с сохранившимися прядями черных волос и частью черепной кожи; 6 гладких бронзовых колец без спайки охватывали пряди кос, рядом — застежка от монисто. У правой тазовой кости лежала бронзовая овальная орнаментированная поясная пряжка. Таким образом, вскрытое С. А. Чуевым женское погребение было довольно богато находками: в нем содержались 39 предметов ювелирного ремесла и 2 снизки многочисленных бус. Кроме того, он купил у владельца курганов 3 бронзовых поясных кольца с орнаментом, 2 серебряных обломка от браслетов, сделанных в виде двойного жгута с чеканкой, 1 бронзовое колечко, свитое из двух прутиков, 1 медную крестообразную подвеску, 2 семилопастных бронзовых височных кольца, орнаментированных узором, и 5 колец из гладкой бронзовой проволоки.

Сравнив свои находки с подобными находками графа Уварова и других исследователей, С. А. Чуев пришел к заключению, что раскопанный им курган относится к IX в.

15 июля 1901 г. С. А. Чуев осмотрел окрестности с. Вщиж (илл. 13). Древний город находился на правом, крутом берегу Десны в 40 верстах от г. Брянска. Городище было хорошо укреплено: сохранились земляные валы. От городища шел крутой подъем в гору, которую местные жители называли «Благовещенской горой». О ней сложено много легенд, рассказывающих, что это место изобилует кладами. Восточнее укрепленного поселения находилась группа курганов, и это место называлось «Кальница» (С. А. Чуев предположил, что «Кальница» — это место погребения, т. е. кладбище) (илл. 14). С юго-западной стороны к городищу примыкала местность, носившая название «Судок ». Крестьяне объясняли, что это место суда над пленными. При выезде из городища на юг местность называлась «Прастица» — по преданию, здесь получали прощение и отпускались на волю пленники.

Осматривая развалины Вщижского храма, С. А. Чуев обратил внимание на небольшое возвышение у южной стены и заложил здесь небольшой шурф (1,5 х 0,5 м). На глубине около 1 м, под щебнем, был открыт хорошо сохранившийся человеческий остов, в особенности череп. Кости лежали хаотично, вероятно, скелет был потревожен ранее. Вещи отсутствовали. При дальнейшей расчистке прослеживалась кирпичная кладка. А. С. Чуев предположил, что скелет был положен в нише наружной галереи, окружавшей храм, или же в склепе, который позднее обрушился. При рытье колодца были обнаружены несколько черепков глиняной посуды, часть кирпича и обломок от карниза.

С. А. Чуев выяснил, что 3 года назад крестьяне нашли на городище, на незначительной глубине, 3 железных плужных лемеха и отправили их в Москву, но по дороге они были похищены. А в 1850-х гг. на месте древнего Вщижского храма были произведены раскопки бывшей владелицей с. Вщиж госпожою Зиновьевой. Найдено было много вещей, отправленных в Московский музей. Она раскопала также несколько курганов на «Кальнице», но подробностей этих раскопок никто не знал.

С. А. Чуев осмотрел правый берег Десны у с. Вщиж, круто поднимавшийся над рекой. В песчаных и глинистых обвалах, по рассказам местных жителей, часто встречались обломки стеклянных браслетов, черепки глиняной посуды с разнообразным орнаментом, глиняные пряслица, грузила, металлические крестики и другие предметы. Здесь, на глубине около 4 м, С. А. Чуев обнаружил жернов из песчаника диаметром 35 см, обломок от края медного колокола, собрал коллекцию нижеследующих предметов: 33 фрагмента стеклянных и пастовых браслетов; 6 глиняных пряслиц; 2 глиняных грузила; 2 пастовых бусины; круглая камея или часть медальона из камня диаметром 1,7 см с изображением лица святого в нимбе; другая камея длиной 3 см, шириной 2 см с изображением на лицевой стороне четырехконечного креста; нательный бронзовый крестик искусной работы; часть бронзового четырехконечного креста-складня высотой 5 см; четырехугольный пастовый медальон с изображением двух святителей, стоящих по двум сторонам храма, а на оборотной стороне надпись: «Антоний и Феодосий Киевопечерския Лавры».

Все эти находки С. А. Чуев датировал первой половиной XII в., а последнюю находку — медальон с надписью — XIII—XIV вв.

В местечке «Кальница» С. А. Чуев насчитал 12 курганов, поросших молодыми дубами. Он раскопал небольшой (высота 1 м) курган, но не нашел ни человеческих костей, ни признаков трупосожжения, ни каких-либо вещей.

18 июля 1901 г. С. А. Чуев обследовал окрестности д. Дядьковичи, расположенной в 2 км от с. Вщиж, выше по течению Десны. На широком заливном лугу располагалась песчаная дюна, на поверхности которой крестьяне часто находили обломки каменных орудий и сами орудия труда. Осматривая дюну, С. А. Чуев нашел 7 ножевидных пластин, 7 обломков от орудий труда, 2 проколки, 25 ножей, 2 долота. Все это было изготовлено из камня. Кроме того, он купил у местных крестьян каменный молоток, нефритовый топор-молоток великолепной работы, два кремневых топо-

ра и бронзовый нож. После тщательного осмотра песчаной дюны С. А. Чуев заложил здесь шурф (1,5 х 20 м). Толщина культурного слоя не превышала 10 см, а затем шел красный дюнный песок. Шурф не дал никаких находок. Другой шурф (0,7 х 10 м) был более удачным: найден значительных размеров лепной горшок, толстостенный (до 1 см), украшенный ямочно-гребенчатым орнаментом. Он был раздавлен тяжестью песка. В самом раскопе и на поверхности дюны исследователь собрал более 70 фрагментов подобной керамики. Анализируя находки, С. А. Чуев пришел к заключению, что этот «Песчаный бугор», как его называли местные жители, есть ни что иное, как стоянка человека эпохи неолита.

Продолжая разведку местности с целью выявления археологических памятников, С. А. Чуев раскопал один из 9 курганов, находившихся в 3 км от д. Дядьковичи, выше по течению р. Десны. На глубине 20 см был найден лепной горшок баночной формы с орнаментом по краю венчика, который рассыпался в прах при выемке его из песка. Здесь же были обнаружены небольшой светло-серый каменный молоток со сверленым отверстием, кремневые нож, топор, долото и 8 скребков.

По итогам проведенных раскопок А. С. Чуев заключил, что окрестности д. Дядьковичи были местом обитания человека в доисторическую эпоху: в период неолита и эпоху бронзы.

На заседании архивной комиссии 11 января 1902 г. С. А. Чуев прочитал доклад о результатах разведок и раскопок в Брянском уезде и показал составленные им коллекции находок, а летом 1902-1903 гг. он продолжил здесь свои исследования. У д. Буды, на правом берегу р. Белизны, С. А. Чуев выявил городище, а вблизи него, в лесу, группу курганов.

На берегу р. Каменка (приток Десны) он выявил в 1903 г. две группы курганов: в одной группе — 9 насыпей, в другой — 16. Первая курганная группа была только осмотрена, а 2 кургана из другой группы подверглись раскопкам. Первый курган, высотой около 1 м, был сооружен из песка и обнесен узким и неглубоким рвом с четырьмя перемычка-

6 Заказ № 3877

ми. В насыпи были жженые пятна, угольки и зола, количество которых увеличивалось по мере приближения к центру, где обнаружен женский скелет длиной 160 см, хорошо сохранившийся, кроме лица и конечностей. На костяке были найдены: на шее — 2 снизки ожерелья из белой глины, 5 низкопробных серебряных лунниц, *4* медальона из низкопробного серебра и 4 сердоликовых граненых бусины, а на руках — по одному бронзовому гладкому колечку с разомкнутыми концами.

В другом кургане, внешне похожем на первый, были выявлены две грунтовые могилы: в обеих костяки лежали на спине, головами к западу, руки вытянуты вдоль туловища.

На первом костяке было найдено ожерелье из пастовых, стеклянных и глиняных бусин с большой серебряной орнаментированной лунницей посередине, бронзовые перстень и кольцо, а также колечко из низкопробного серебра. Другой скелет до головы был прикрыт доской, которая его раздавила. Голова скелета покоилась на лубке. Под затылком лежали несколько колец из белого металла, который рассыпался при прикосновении, у головы небольшая пастовая бусина, перстень и колечко из белого сплава.

Кроме того, С. А. Чуев открыл и обследовал городище у впадения р. Каменки в Десну.

О результатах раскопок С. А. Чуев доложил членам архивной комиссии. Выражая общее мнение, председатель А. Н. Шульгин высоко оценил его изыскания, внесшие большой вклад в науку вообще и в археологию Орловского края в частности, и выразил «глубокую признательность».

Позднее, в 1905 г., С. А. Чуев предложил Орловской ученой архивной комиссии купить у него собранную в Брянском уезде коллекцию. Но при этом он выдвинул условие: возместить ему все расходы по поездкам на раскопки (проводил раскопки на собственные средства). Расходы определили стоимостью 100 рублей. Ввиду недостатка денежных средств у комиссии, епископ Орловский и Севский Кирион (член комиссии) пожертвовал на приобретение коллекции 50 руб. При рассмотрении коллекции член архивной

комиссии А. В. Бордонос выразил сомнение в подлинности предметов из-за их однородности (как бы исполнены штампом) и большого количества. На это А. Н. Шульгин возразил, что он видел большинство из найденных С. А. Чуевым предметов сразу после раскопок, когда не было возможности «исполнить коллекцию приготовлением таких предметов», и что «бронзовые предметы не приготовлялись у нас в древности, а приобретались из греческих черноморских колоний, где они приготовлялись или посредством штампов, или отливки в формах, в чем можно убедиться при ознакомлении с Херсонесским древлехранилищем, где находятся и древние формы для приготовления таких предметов».[7] В подтверждение слов А. Н. Шульгина хранитель музея В. М. Турчанинов представил изданные Археологической комиссией рисунки таких же предметов, найденных в других местностях. Было решено изъять коллекцию из музея, если вдруг она окажется фальшивой. Но этого не случилось, коллекция была признана «вполне соответствующей значению музея».

В наши дни коллекция С. А. Чуева является жемчужиной археологического фонда Орловского краеведческого музея.

По сведениям, собранным Орловским статистическим комитетом к началу XX в., оказалось, что в Брянском уезде сосредоточено огромное количество археологических памятников. Кроме уже названных памятников археологии, были открыты курганы: на р. Десне у деревень Жуковки, Голубей, Сальни, Володимировки, Загорья — 6, у с. Вщиж —17; на притоке Десны р. Габья у с. Молотькова — 2 и у с. Яблони — 3; на р. Белуни у д. Жуковки — 26; на р. Угоста у д. Лелятиной — 40, д. Мокрой — 1, д. Благовол — 20; на р. Сераже у д. Домашевой — 3; на р. Сенной при д. Дорожевой — 6; при устье р. Ивота — 11; на р. Болве у д. Верещевке — 11 и при д. Слободище ■— 2. На р. Надве у д. Надвы — 6, у ее притока р. Драгине при д. Мужановой — 15 и у д. Алешня — 53. Неисследованными городищами были следующие: на р. Десне у с. Вщиж, при с. Бежицы и у с. Городище; на

р. Сераже у д. Домашевой; на р. Болве у д. Шибанец и при д. Дарковичи; близ верховьев р. Опорта у д. Акуличи и при д. Мужановой; древнее селище при р. Драгине.

Второй местностью в Орловском крае, имеющей значительное количество археологических памятников, по данным Орловского статистического комитета, являлись Волховский и Мценский уезды. Серьезных археологических исследований здесь не проводилось, но по данным В. Р. Апухтина, в этих уездах имелись стоянки каменного века и городища у д. Радомки, с. Шумова, с. Лунева западнее г. Волхова; у деревень Однолуки и Кишкинки к юго-востоку от г. Волхова; деревень Чегодаевой, Городища и Лубны на р. Зуше; у д. Кишкиной, с. Борилова близ устья р. Каменки; у д. Луневой, при с. Ячень (Ячное); ряд засечных городков по левому берегу р. Нугрь, а также городища на берегах р. Неполоди у с. Гонючего, д. Цветынь, д. Звенигородки, с. Маслова, с. Редькино иуд. Кошелевой. К тому же в этой местности в 1877 г. у д. Тереховой был найден один из богатейших кладов Орловской земли. Курганов в этой местности гораздо меньше, чем в Брянском уезде. Они известны у с. Борилова, деревень Чегодаевой и Лубны, станции Синец и у с. Лунева. Селища выявлены у сел Шумово и Дольцы.

В 1902 г. на заседаниях архивной комиссии неоднократно обсуждался вопрос о найденном в июне 1866 г. в с. Никольском Орловского уезда железном позолоченном шлеме, который хранился в Императорском Эрмитаже.[8] Археологическая комиссия предложила орловским краеведам произвести раскопки на этом месте. Было достигнуто соглашение с уездным исправником, и в назначенный день члены комиссии выехали на место. Вот как описывает эту поездку председатель Орловской ученой комиссии А. Н. Шульгин, руководивший группой исследователей: «4 июня 1902 г. члены комиссии А. Н. Шульгин, Ф. Ф. Похвалинский, К. А. Гаерский, А. К. Юрасовский, И. Ф. Рында и Е. Н. Сухарев прибыли к 12 часам дня в с. Никольское Орловского уезда и затем к тому месту за Красной рощей, где был най-

ден шлем в 1866 г. и где были уже собравшиеся рабочие и те крестьяне, которые участвовали в работах 1866 г., давших находку шлема. Место этой находки было указано совершенно одинаково двумя свидетелями на пограничной меже, между землями уделов и крестьян с. Никольское. В 1866 г. производилось межевание этих земель, и при рытье канавки на меже шириной 0,8 м и глубиной 0,5 м был найден шлем. Но кроме шлема абсолютно ничего не было найдено: ни костей, ни вещей, ни предметов. Было решено провести раскопки на месте нахождения шлема. С этой целью вырыли три траншеи, но ни одной находки они не дали, так же как не было обнаружено следов и признаков прежней находки, т. е. шлема. Изучив местность, краеведы отметили, что шлем найден рядом с проходившей здесь прежде «Царевой дорогой», которая после постройки Орловской крепостной ограды служила татарам для движения с Пахнуцкой сакмы на с. Кнубрь, где переходила бродом через Оку, а далее на Свиную сакму, через Волхов на Москву. В «Книге Большому чертежу» упоминается, что у истоков речки Рудки находилась сторожа. Комиссия пришла к заключению, что месторасположение сторожи было удобно для наблюдения за движениями татар по «Царевой дороге». Вполне вероятно, что кто-то с той или иной стороны мог на скаку лошади потерять свой шлем, возвращение за которым было бы невозможно или даже смертельно опасно. Таким образом, найденный в 1866 г. шлем представлял собой случайную находку и не был связан с каким-либо захоронением ».’ За эту случайную находку в свое время крестьяне Яков и Степан Лисовы получили 50 рублей.

Большой интерес у краеведов вызывал вопрос об истории Орловской крепости, ее границах и существовавших строениях. В 1902 г. Ф. Ф. Похвалинский провел раскопки на месте бывшей крепости, у слияния рек Оки и Орлика.[10] Он обнаружил кирпичную кладку, оставшуюся от фундамента какого-то здания. Это могла быть приказная или губная изба, бывший здесь дом воеводы, зелейная казна (пороховые погреба), острог, а может быть, стоявшая здесь со-

борная церковь Рождества Богородицы, разрушенная наводнениями. Остатки какого строения вскрыл исследователь, сказать сейчас трудно, потому что не сохранились ни чертежи раскопок, ни их подробное описание с привязкой к местности. Ф. Ф. Похвалинский демонстрировал «найденную на месте раскопки рельефную кафлю времен Иоанна Грозного». Было принято решение продолжить раскопки будущей весной. В связи с отсутствием у комиссии финансов, произвести раскопки на свои собственные средства выразили желание члены архивной комиссии Ф. Ф. Похвалинский, Л. В. Генчель, Алексей и Александр Юрасовские, князь К. В. Кекуатов, Н. Б. Миловидов и Г. И. Веневитинов.

В ноябре 1902 г. были, наконец, подведены итоги многолетней работы по составлению археологической карты Орловской губернии. Составителем ее стал А. Н. Шульгин (илл. 15). Карта была отпечатана в количестве 400 экземпляров: 300 — в виде приложений к Трудам Орловской ученой архивной комиссии, а 100 — в розничную продажу.[11]

Карта была выполнена в границах Орловской губернии и ее уездов на 1902 г., в масштабе 1:10, т. е. одному сантиметру на карте соответствовали 10 верст на местности. Она была исполнена в цвете: желтым помечена территория, где проживали «аборигены» (Елецкий, Ливенский и Малоархангельский уезды), голубым — территория вятичей (Орловский, Кромской, Волховский и Мценский уезды), зеленым — территория радимичей (Брянский уезд) и розовым — территория северян (Карачевский, Трубчевский, Севский и Дмитровский уезды). Разным цветом А. Н. Шульгин выделил и археологические находки каменного, бронзового веков и «исторического времени»: городища, становища, курганы, а также отдельные находки кладов, оружия, доспехов и украшений. Основными ориентирами были существующие города, села и деревни. На карту нанесено более 500 археологических памятников, основную массу которых составляли курганы, как одиночные, так и огромные могильники, насчитывавшие до 40 насыпей.

В музей же продолжали поступать различные древние

вещи. Н. И. Бонч-Бруевич подарил каменный молоток, найденный в с. Кузьминка Волховского уезда. И. Н. Меншиков передал железное зерцало (пластины, надевавшиеся поверх кольчуги), наруч и кольчужную рукавицу. Наруч был украшен редкой изящной тонкой чеканкой с золотой насечкой арабской работы и относился к XII —■ XIII вв.[12]

Деятельность губернского музея довольно часто освещалась в местной печати. Так, газета «Орловский вестник» в июне 1902 г. сообщала, что Орловская ученая архивная комиссия на очередном заседании рассматривала вопрос «об изыскании средств и способов к развитию музея и постановки его на ту высоту, на которой он мог бы удовлетворять своему прямому назначению, т. е. служить популяризации науки и ее приложений».[13] Было решено ходатайствовать перед губернатором, предводителем дворянства, губернской земской управой и городской думой о выдаче пособия. Также рассматривался вопрос о «более точном распределении коллекции музея по отделам и группам и распределении этих отделов между членами комиссии для предстоящих работ по составлению систематического каталога имущества музея». Кроме того, были разработаны правила посещения музея публикой: экспозиция работала во все праздничные дни, а в будни — еженедельно по средам.

В следующем, 1903 г., Орловский музей пополнили новые пожертвования: князь Н. Н. Черкасский подарил древнеримский светильник; И. И. Мацнев — бронзовый молоток-кирку и серебряный гладкий браслет, найденные на берегу р. Орлик у с. Некрасово Орловского района.

Основное внимание архивной комиссии в начале 1903 г. сосредоточилось на устройстве этнографического отдела Орловской сельскохозяйственной выставки. Была образована особая подкомиссия под председательством князя К. В. Кекуатова, который сказал о содержании выставки так: «На выставке будет собрано все характерное, отличительное особенностями нашего края, чтобы будущий исследователь мог почерпнуть из нашего собрания все, что нужно для научной характеристики коренного населения губер-

нии».'[14] К. В. Кекуатов предположил, что на выставку обязательно приедут гости из Санкт-Петербурга и Москвы и наверняка захотят посетить музей, где «есть ценные и бесценные вещи, которые принимались с благодарностью».[15]Председатель архивной комиссии А. Н. Шульгин предложил подготовить некоторые из работ комиссии для вручения отдельным «высокопоставленным лицам, удостоившим музей своим посещением» в период работы этнографической выставки. Решено было «издать изящно и соответственно переплести» «Археологическую карту Орловской губернии», «Археологический очерк Орловской губернии», «Краткий исторический очерк Орловского края».

Кроме того, А. Н. Шульгин изготовил для выставки археологическую и гипсометрическую карты Орловской губернии, четыре исторических карты Орловского края, модели окрестностей г. Орла с могильником и городищем бронзового века и сторожей 1571 г., модель городища Чашин курган под г. Брянском. Экспонаты А. Н. Шульгина, представленные на выставке, имели огромную популярность, так далеко идущую, что из Москвы был прислан специалист, о чем сообщалось в письме к А. Н. Шульгину: «Командированный Московским Публичным и Румянцевским музеями для осмотра Орловской этнографической выставки помощник хранителя Дашковского этнографического музея А. А. Борзов сообщил о готовности Вашей пожертвовать в отделение древностей Румянцевского музея принадлежащую Вам модель доисторического городища. Ваша модель представила бы весьма большой интерес для археологического отделения нашего музея и была бы принята с великой признательностью».[1"] Скромный труд орловского краеведа неожиданно, и вполне заслуженно, сделал А. Н. Шульгина известным далеко за пределами своей губернии.

Орловские краеведы не только принимали гостей у себя, но и сами посещали солидные научные мероприятия, проходившие в других городах. 26 января 1903 г. состоялось празднование 25-летия Санкт— Петербургского археоло-

гического института. От Орловской ученой архивной комиссии на торжестве присутствовал С. А. Чуев. В августе в Твери состоялся очередной археологический съезд, делегатами на котором были Н. Б. Миловидов и Александр Юрасовский.

Высокую оценку со стороны Орловской ученой архивной комиссии получили археологические изыскания Всеволода Ростиславовича Апухтина (1874 —■ после 1926 г.), ставшего членом комиссии 7 октября 1902 г. (илл. 16). Он родился в с. Бильдино Волховского уезда в семье известного болховского помещика. Оставив военную службу в 1898 г., он прослушал курс Санкт-Петербургского археологического института (1900-1902 гг.), затем окончил Санкт-Петербургский университет, прослушал курс в Московском университете под руководством Д. Я. Самоквасова, у которого всегда находил нравственную и материальную поддержку для своих работ. С началом русско-японской войны добровольно ушел на фронт, т. к. считал долгом дворянина добровольно стать в ряды действующей армии. В. Р. Апухтин был разносторонне образованным человеком, но свою научно-исследовательскую деятельность он посвятил трем направлениям: архивному и публицистическому (автор книг по участию орловского дворянства в Отечественной войне 1812 г.), этнографическому (собрал и передал в дар Орловскому губернскому музею большую коллекцию крестьянских народных костюмов Волховского уезда) и археологическому. Результаты его археологических исследований на Орловщине публиковались в Трудах Орловской ученой архивной комиссии за 1901-1902, 1904-1905 гг., а также в Трудах Московского археологического общества.

Газета «Орловский вестник» в 1902 г. писала: «Производивший в прошлом 1901 г. раскопки в Волховском уезде слушатель Санкт-Петербургского археологического института поручик В. Р. Апухтин, по окончании в этом году курса в институте, командирован Императорской Археологической комиссией для производства новых раскопок в Волховском уезде, о результате которых им будет доложено на пред-

стоящем XII археологическом съезде в г. Харькове в августе 1902 г. Кроме того, В. Р. Апухтин займется собиранием коллекций для этнографического отделения Русского музея императора Александра III».[17]

На заседании Орловской ученой архивной комиссии 7 октября 1902 г. был заслушан и одобрен доклад В. Р. Апухтина по исследованию археологических памятников по рекам Оке и Нугри, на этом же заседании он стал членом комиссии. Археологические изыскания В. Р. Апухтин проводил на свои личные средства. Он произвел раскопки на семи городищах.

Анализируя находки, пять городищ (Ячковское, Луневское, Лобковское, Слободское и Камынино) он отнес к XI-XII вв., а два городища (Кишкино и Ростокское) — к более ранней эпохе: концу неолита — ранней бронзе, т. е. III тысячелетию до н. э.

Помимо этого, В. Р. Апухтин раскопал 10 курганов, из которых 8 оказались с трупосожжением. В трех из них найдены погребальные урны гончарного производства и куски спекшихся стеклянных и бронзовых ювелирных украшений. В остальных двух курганах оказались погребения с трупоположением.

По р. Оке В. Р. Апухтин обследовал несколько неолитических стоянок и кремневых мастерских, в которых нашел 50 каменных орудий труда: молотки, топоры, долота, ножи, скребки, наконечники стрел, копий и дротиков. Большинство этих орудий были хорошо отбиты и отполированы. Все находки В. Р. Апухтин, по существующему тогда законодательству, передал в Археологическую комиссию, а впоследствии ходатайствовал о передаче вещей в Орловский губернский музей (коллекция каменных орудий труда поступила в музей в 1904 г.).

Исследования В. Р. Апухтина получили такой широкий резонанс в научных кругах, что о них писали многие столичные издания. В частности, «Исторический вестник» опубликовал следующее: «В «Московских Ведомостях» сообщалось уже о произведенных членом-сотрудником Пе-

тербургского археологического института В. Р. Апухтиным раскопках: в прошлом году — в Орловской губернии, а нынешним летом — на Северном Кавказе. Минувшей осенью г. Апухтин продолжал свои работы в северной части Орловской губернии. Орловский край только еще едва затронут в археологическом отношении. Раскопано 12 городищ и 10 курганов; по типу фрагментов глиняной посуды эти городища можно разделить на два вида. В одних — обломки посуды из слабо обожженной глины, с примесью кварца и толченых раковин, приготовлены ручным способом, без гончарного круга и покрыты примитивным орнаментом. Найденные орудия приготовлены лишь из кости и камня. Другие городища относятся к более поздней эпохе; черепки посуды, приготовленные на гончарном круге, покрыты затейливым орнаментом и сопровождаются находками железных орудий. Большая часть курганов оказались с обрядом сожжения, которое происходило вне кургана. Перегорелые затем кости собирались в погребальные урны. Это подтверждает слова летописи о погребальном обряде вятичей, которые «сидели» по средней Оке, т. е. северной части нынешней Орловской губернии и соседней Калужской губернии. Но всего интереснее — это находка трех неолитических стоянок на песчаных берегах притоков реки Оки (Нугрь, Вытебеть и др.). С этих стоянок собрано до 100 экземпляров каменных орудий: изящно отбитых наконечников стрел и дротиков, полированных и отбивных топоров, молотков, долот, ножей и скребков. Фрагменты глиняной посуды покрыты сплошь углублениями. Предполагают, что жители каменного периода делали это для того, чтобы жар через углубления легче проникал внутрь сосудов. С весны г. Апухтин предполагает продолжать свои исследования по средней части Орловской губернии». [18]

На заседании архивной комиссии 18 апреля 1903 г. А. Н. Шульгин предложил обратить особое внимание в текущем году на исследования городищ по р. Нугрь, городища у с. Никольского (близ с. Гремячий Ключ) на р. Неручь и могильника у д. Лелятино на р. Угости. За летний сезон чле-

ны Орловской ученой архивной комиссии А. Н. Шульгин и Н. Г. Тетера (илл. 17) обследовали городище у с. Знаменское, городище у с. Городище на р. Нугрь, городища у д. Гать и с. Гонючее Орловского района, остатки сторожи под Орлом и городище у д. Мерцаловка на р. Цон. Результаты исследований они изложили в статье «Археологические остатки в окрестностях г. Орла»[19], опубликованной в Трудах Орловской ученой архивной комиссии за 1903 г. В статье говорится, что из многочисленных памятников в окрестностях Орла лишь некоторые подвергались научным исследованиям. Авторы приводят довольно детальное описание памятников в том виде, в каком они сохранились к самому началу XX в. Это описание ценно сегодня тем, что по прошествии сотни лет современники могут проследить те изменения, которые произошли за это время.

На городище Гать, у слияния рек Оки и Цона, высота вала достигала 5 м. Вал имел проход шириной 1,5 м с почти отвесными стенами. Снаружи вал окружал ров шириной 8 м и глубиной 3 м. Внутренняя площадка городища 54 х 32 м. На площадке — несколько ям: одна в центре, две по углам и одна при входе. Раскопки выявили наличие фрагментов дерева и угля, костей животных и птиц, кремневых отщепов. Это позволило заключить, что центральная яма была погребом, угловые — шалашами, а последняя — кухней.

Примерно в 0,8 км от городища располагались две группы могильных курганов. В одной краеведы насчитали 15 насыпей, в другой — 6. Высота некоторых курганов достигала 2,25 м, ширина основания 7,5 м. Вокруг каждой насыпи имелись ровики. Насыпи хорошо сохранились, но все поросли дубовым лесом.

Полностью было описано круглое городище у д. Гонючее. Высота вала здесь достигала 4 м, а ширина 12 м. Со всех сторон его окружал кольцевой ров, прерывавшийся лишь у входа в городище. До того момента, когда памятник обследовали А. Н. Шульгин и Н. Г. Тетера, раскопок на нем не производилось, поэтому городище прекрасно сохранилось. Лишь изредка, случайно, местные крестьяне находили здесь

черепки от посуды и однажды — маленькую серебряную монетку с изображением коня, но все это за ненадобностью было выброшено.

Недалеко от Орла был осмотрен правый берег р. Рыбницы близ ее впадения в Оку, где по росписи 1571 г. находилась сторожа. Сохранились 3 сторожевых кургана высотой 1,5 м и диаметром основания около 6 м. Между ними находилась прямоугольная яма (12 х 18 х 2 м), имевшая спуски в виде аппарелей. Исследователи предположили, что это были шалаши «людской и конский». Около третьего кургана находился курган-землянка с остатками кухонного очага.

Осмотру подверглось и хорошо сохранившееся городище Мерцаловка на р. Цон. Въезд в это городище был довольно широк — 2,3 м, причем имелся еще и узкий выход с другой стороны, с расходившимися в разные стороны двумя спусками. На площадке городища (диаметр 50 м) и за валом читались следы ям, видимо, остатки жилищ и погребов. Вокруг городища крестьяне иногда выпахивали предметы домашнего обихода.

Большой интерес у исследователей вызвало городище у с. Городище на р. Нугрь, которое двумя сторонами примыкало к болотистому лугу, а двумя другими — поднималось по покатому склону. Вал городища образовывал квадрат со сторонами в 78 м. В двух местах вал был прорезан проездами. На площадке наблюдались следы ям, видимо, от жилищ и погребов. А. Н. Шульгин и Н. Г. Тетера пришли к заключению, что «исследованное городище могло быть обиталищем аборигенов, населявших берега Нугри и соседних местностей в отдаленные времена бронзового или даже каменного веков, подобно тому, как они населяли многие места нынешнего Орловского края, в особенности в окрестностях реки Нугрь, где оставили после себя ясные следы и немалое количество археологических остатков. Но вероятнее можно предполагать, что это городище было одним из числа трех городков засеки, построенной при Великом князе Иоанне III и означенной на карте «Большой чертеж XVI века». В пользу последнего предположения говорит то, что находи-

мне здесь брусья еще довольно крепки... что форма его квадратная, как вообще засечных городков, что проезды сделаны в углах, весьма целесообразно для обороны ... величина этого городища соответствует величине засечных городков и острожков».[20]

В результате интенсивных исследований к началу XX в. накопилось довольно много сведений об орловских археологических памятниках, и в 1903 г. А. А. Спицын систематизировал их в работе «Обозрение некоторых областей и губерний в археологическом отношении».[21] Сюда вошла вся имевшаяся к тому времени информация о местонахождении городищ, курганов и кладов в различных губерниях России, в т. ч. Орловской.

Любители старины с тревогой относились к гибнущим археологическим памятникам и при любой возможности ставили об этом в известность Орловскую ученую архивную комиссию. К примеру, 30 января 1904 г. А. Н. Шульгин получил от Н. Г. Савищева следующее письмо: «Посылаю заказной бандеролью план Севского городища, снятый мною в 1899 г. с дополнениями по 1903 г. С каждым годом снимать городище становится все труднее и труднее, потому что оно расплывается, т. ч. положение валов и теперь уже трудно определить ... При обвалах городища часто находят черепа и человеческие кости».[22]

О безвозвратной утрате археологических находок, порой очень ценных, с тревогой говорили члены Орловской ученой архивной комиссии на многих заседаниях. На первом январском заседании 1904 г. хранитель музея Г. И. Веневитинов сказал, что до него доходят слухи, будто в некоторых селениях Орловской губернии крестьяне часто находят в земле древние монеты и другие предметы старины, но куда попадают эти вещи остается неизвестным. Поэтому он предложил комиссии обратиться с просьбой к Орловскому губернатору дать надлежащие указания полицейским учреждениям уведомлять архивную комиссию о любых находках с подробным описанием найденного предмета, места находки и лица, у которого найденный предмет находится.

Председатель архивной комиссии А. Н. Шульгин поддержал это предложение и сообщил, что ему известны случаи, когда были найдены редкие предметы, которые или бесследно исчезали, или попадали в руки таких лиц, которые, не ценя их исторического значения, уничтожали их или сбывали на рынках. И примеров тому множество: при проведении железной дороги Брянск-Москва был найден крайне интересный в историческом отношении каменный молоток, который находится у некоего Брахмана; у истоков р. Оки, вблизи Московско-Курской железной дороги, была найдена статуэтка, изображающая идола — с одной стороны мужчина, с другой — женщина, а куда эта фигура исчезла — неизвестно; в г. Мценске был найден кинжал-ятаган, который находился у господина Воронкова, а совсем недавно попал на Ильинку (торговая площадь в Орле) в старый хлам. Печальный перечень пропадающих предметов старины продолжил А. К. Юрасовский и привел уже известный нам пример о найденных детьми в Елецком уезде золотых фигурах божков, проданных ювелиру на переплавку. Он привел и другой пример: около 15 лет назад в сельце Сурьянино Волховского уезда при копании земли крестьянами были найдены железные предметы вооружения, из которых ему посчастливилось приобрести лишь кольчугу, все же остальное бесследно исчезло. Купленную кольчугу А. К. Юрасовский передал в Орловский губернский музей. Кроме того, от семьи Юрасовских (в частности, от К. К. Юрасовского после его гибели) в музей передали кольчугу, 2 бердыша, 2 протазана, копье, секиру и чучело большого медведя. А. К. Рошонэ подарил бронзовую складную шейную гривну, часть бронзового витого браслета, бронзовый четырехконечный крест, бронзовый круглый колт, бронзовый перстень, украшение в виде спиральки, 1 мастичную и 17 стеклянных (позолоченных и посеребренных) бусин. Член комиссии, главноуправляющий Брасовским имением Великого князя М. А. Романова Н. П. Лавриновский предложил произвести в с. Брасове летом 1905 г. раскопки. Принять в этом участие выразили желание В. М. Левшин, Алек-

сандр Юрасовский, Г. *И.* Веневитинов, В. М. Турчанинов и А. В. Афанасьев.[23]

Археолог В. Р. Апухтин продолжил в 1904 г. обследование окрестностей Волхова, Мценска и устья р. Зуши. На очередном заседании Орловской ученой архивной комиссии А. Н. Шульгин, делая обзор исследований В. Р. Апухтина, сказал, что его находки «представляют собой обильный материал, относящийся к каменному веку, и вполне подтверждают те сведения, которые были получены из других источников. На побережьях рек Оки и Зуши господину Апухтину явилась возможность составить несколько коллекций кремневых поделок, одна из которых передана в Орловский губернский музей. Целый ряд селений представляют собой как бы хранилища предметов, бывших в употреблении в каменный век у наших предков. Обилие археологических памятников в этой местности (имеется в виду Волховский уезд) привлекает сюда немало специалистов, давших науке ценные материалы».[24]

Исследования В. Р. Апухтина высоко ценил известный русский историк Д. Я. Самоквасов, который жертвовал немало своих денег специально на его раскопки.

Большой интерес к находкам В. Р. Апухтина проявили делегаты XV археологического съезда, проходившего с 22 июля по 6 августа 1911 г. в г. Новгороде. От Орловского церковного историко-археологического общества на съезде присутствовали профессор И. Е. Евсеев и В. Р. Апухтин.

На отделении «Древности первобытные» Апухтин сделал доклад «Неолитическая культура *в* верховьях р. Оки»[25], в котором познакомил присутствующих с коллекцией каменных орудий труда, привезенных специально на съезд и выставленных для всеобщего обозрения на 9 таблицах. Большая часть этой коллекции была куплена Апухтиным у наследников священника Н. Преображенского, собравшего эти вещи на Федяшевском городище и Воронецкой неолитической стоянке Белевского уезда Тульской губернии. Остальная часть представленной коллекции найдена Апухтиным в процессе раскопок на трех стоянках в Волховском

и Мценском уездах Орловской губернии. Автор разделил свою коллекцию по функциональному назначению на предметы мастерских орудий (отбойники, полировальники, нуклеусы и осколки), на орудия домашнего обихода (ножи, скребки, долота, тесла, молотки, топоры, сверла, пилки) и, наконец, оружие (наконечники стрел и копий). Все орудия труда были сделаны из кремня, за исключением молотков с просверленными отверстиями, изготовленных из песчаника. Уникальной находкой был признан кремневый серповидный нож. Все находки были сделаны в нижних слоях памятников и на песчаных «россыпях». Апухтин отметил, что его находки аналогичны находкам с территорий соседних с Орловской губерний — Калужской (раскопки Н. И. Булычова), Рязанской (находки В. А. Городцова) и Тульской. Он отметил идентичность каменных орудий верхнего и среднего течения р. Оки. В планы Апухтина входила работа по изданию подробного каталога всех находок, иллюстрированного фотографиями наиболее характерных каменных орудий труда и «обломков узорчатой глиняной посуды».

Делегат съезда от Тульской епархиальной палаты древностей Н. И. Троицкий отметил сходство находок В. Р. Апухтина с находками из французской долины Сэнт-Ашель, где были найдены палеолитические орудия труда. В дальнейшем это сходство подтвердилось, т. к. на территории Волховского района была обнаружена стоянка эпохи позднего палеолита.

Но вернемся в 1904 г. В. Р. Апухтин, уезжая добровольцем в действующую армию на Дальний Восток, подарил открывшемуся при губернском музее этнографическому отделу манекены в народных крестьянских костюмах Орловской губернии и оставил на хранение до своего возвращения коллекцию каменных орудий. А. Н. Шульгин сказал в связи с этим: «Такой дар для музея является особенно ценным, если принять во внимание, что даже на столичных выставках коллекции В. Р. Апухтина вызывали в публике большой интерес и были премированы высшими наградами».[26]

Подводя итоги деятельности Орловской ученой архи-

вной комиссии за 1904—1905 гг., ее председатель сказал, что эти годы «прошли при очень неблагоприятных обстоятельствах. Русско-японская война (январь 1904 — август 1905) и повсеместные по России тревожные события, забастовки типографий, железных дорог и почтовых учреждений, отсутствие уверенности в завтрашнем дне неблагоприятно отразились на всей деятельности комиссии. Хранитель музея Г. И. Веневитинов,казначей Н.М. Булгаков и правитель дел А. К. Юрасовский должны были сдать свои должности по случаю отбытия на театр военных действий. Туда же выбыли неутомимые труженики, производившие много раскопок, давших ценные результаты, В. Р. Апухтин и С. А. Чуев ... Само собой разумеется, что желание оставшихся членов архивной комиссии принести посильную ей пользу своими трудами стоит вне всякого сомнения, но они, равно как и вся Россия, были отвлечены от своего любимого дела и с тревогой прислушивались к тому, что делалось там ... за десять тысяч верст, на востоке».[27]

Следует отметить, что к 1905 г. ушли из жизни такие активные члены комиссии, внесшие в ее научную деятельность неоценимый вклад, как Гавриил Михайлович Пясецкий, Аркадий Гаврилович Пупарев, Николай Григорьевич Тетера, Карл Васильевич Ферро и Константин Константинович Юрасовский. Оставшиеся наиболее творчески активные члены комиссии, такие как Александр Николаевич Шульгин, Иван Евсеевич Евсеев, Всеволод Ростиславович Апухтин, Григорий Иванович Веневитинов, Федор Федорович Похвалинский, Алексей Клавдиевич Рошонэ, Сергей Александрович Цуриков, Сергей Алексеевич Чуев, Павел Иванович Якоби, Алексей Константинович Юрасовский, Александр Константинович Юрасовский, Иван Константинович Юрасовский и другие всерьез были обеспокоены ситуацией, сложившейся в вопросе сохранности памятников древности.

В связи с этим на одном из очередных заседаний комиссии А. Н. Шульгин с тревогой говорил: «Охранение памятников старины не в обычае русского человека. Мы быстро

забываем прошлое и легко относимся к тем немым свидетелям прошлых веков, которые уцелели до сего времени. В Орловской губернии, равно как и повсюду в России, наблюдалось много примеров самого варварского уничтожения предметов старины, имевших большой интерес для археологии. Явление это объясняется тем, что мало пролито света на значение остатков старины, а отсутствие грамотности в населении не допускает возможности должной оценки и самостоятельного отношения к остаткам старины, не имеющей практического значения».[28]

А. Н. Шульгин довел до сведения орловских краеведов материалы, обсуждавшиеся на VIII археологическом съезде, в частности, доклад Д. Я. Самоквасова о расселении русских и польских славян, о причине появления кладов римских монет в землях древних Русов и Ляхов и о классификации могил южной и центральной России, а также о распределении курганов-могил Орловского края, которым Д. Я. Самоквасов дал классификацию. А. Н. Шульгин добавил к этой классификации еще один вид курганов — сторожевых. «Таких курганов в Орловской губернии довольно много, т. к. они устраивались как на сторожах сторожевой охраны Московского государства от набегов татар, начиная с Великого князя Иоанна III, так и вокруг каждого города, с такою же целью».[2]'А. Н. Шульгин отметил, что значение кладов при изучении торговых путей очень важно, поэтому он составил свод сведений обо всех известных кладах, которые были найдены в Орловской губернии, а также карту с указанием этих кладов «для наглядного представления местностей наиболее состоятельных и тех путей, которые служили торговыми артериями».''[0] А. Н. Шульгин прочитал членам комиссии доклад об археологических исследованиях местностей, прилегающих к Орловской губернии. Доклад был признан «заслуживающим внимания, как характеризующий быт ближайших соседей Орловского края, поясняющий быт аборигенов этого края и руководящий при исследовании древних поселений и курганов».[31] В качестве практического руководства

А. Н. Шульгин написал и разослал письма к некоторым членам ученой архивной комиссии, проживающим в губернии, с просьбой произвести текущим летом раскопки и исследования городищ и курганов: в Севском уезде — Е. Д. Постельникову, в Карачевском — А. П. Протопопову и в Кромском — А. К. Рошонэ.

Сохранением археологических памятников были обеспокоены не только орловские краеведы. В этом же, 1905 г., особая комиссия при Департаменте общих дел разделила Российскую империю на 15 археологических округов «для заведования делом охранения памятников старины». Орловская губерния вошла в Московский округ, центром которого было Московское археологическое общество. Обсудив этот законопроект, Орловская ученая архивная комиссия внесла свои предложения: «все исторические памятники в данном крае подлежат изысканиям, ведению и охранению исторического общества или учреждения того же края», а также: «признать государственной собственностью исторические памятники, клады, предметы курганной летописи и археологические находки, как на общественных, так и на частных землях и в их недрах. Находки всего этого должны обязательно представляться в их местные историко-археологические общества за ту плату, которая будет определена центральным органом, применительно к закону об обязательном отчуждении. Утайка находчиков должна караться как утайка государственной собственности, вывоз за границу историко-археологических предметов должен быть безусловно запрещен».[32]

В «Трудах Орловской ученой архивной комиссии за 1904 и 1905 гг.» А, Н. Шульгин публикует свою последнюю статью «Археологические исследования в Орловском крае»[33], в которой незадолго до смерти подводит итоги и обобщает имеющиеся данные по древнейшей истории края. Это были исследования как самого автора, так и многих других археологов и краеведов (илл. 18). В заключении он пишет: «Из всех данных, полученных изложенными выше сведениями, кажется, можно утвердительно сказать, что:

1. Человек обитал на побережьях Оки и Сосны еще до времени мамонта.
2. В период каменного века человек населял побережья Десны и ее притоков, особенно вблизи Смоленского края, а также р. Оки и ее притоков, преимущественно вблизи Тульского края; восточные же местности посещались кочевниками, занимавшимися скотоводством и коневодством, тогда Подесенские и Поокские обитатели занимались хлебопашеством, а Подесенские еще лесным делом.
3. В период бронзового века население сосредоточивалось в тех же местностях; к нему присоединились переселенцы со среднего Дуная, с развитою бронзовою культурой: северяне в бассейне Десны и Сейма. Потом род Радко занял бассейн Сожи, а род Вятки — бассейн Оки; бассейн же Сосны остался в пользовании кочевников по-прежнему.
4. Погребения почетные были, по сожжении трупа, на месте погребения под кострищем, иногда в нем, или же в стороне, причем сожженные останки собирались в сосуды или могилы, в Пососенье после окраски костей преимущественно красной краской. При погребениях обыкновенных на покойника надевалось, видимо, все его любимое, между прочим, все женские украшения умершей.
5. Трупосожигания прекращаются в X-XI вв.
6. Городища распространяются по краю с прибытием Дунайских Славян, когда, вероятно, им приходилось принимать оборонительные меры против соседних аборигенов, может быть, оказавшихся недовольными пришельцами».[34]

Смерть Александра Николаевича Шульгина стала большой потерей для Орловской ученой архивной комиссии, председателем которой он являлся. Газета «Орловский вестник» поместила 19 февраля 1906 г. скромный некролог, в котором ни слова не было сказано о той огромной краеведческой, исследовательской работе, которую вел этот незаурядный, та-

лантливый человек: «Похороны генерала Шульгина. Вчера после отпевания тела в Петропавловском кафедральном соборе, на местном Троицком кладбище состоялось погребение генерала А. Н. Шульгина, бывшего начальника 36 пехотной дивизии. В процессе участвовали Можайский и Звенигородский полки и казаки. Играла военная музыка».[35]

Со смертью А. Н. Шульгина археологическая деятельность Орловской ученой архивной комиссии заметно сокращается, перестают издаваться «Труды».

4 мая 1906 г. на заседании комиссии единогласно был избран новый председатель — Александр Константинович Юрасовский, человек хорошо известный среди орловских краеведов. Была намечена программа дальнейшей археологической деятельности комиссии. Из обмена мнениями выяснилось, что в изучении древней истории Орловского края есть значительный пробел: в большинстве местностей не исследованы памятники VIII в. Архивная комиссия пришла к заключению о необходимости планомерной работы по производству раскопок и исследований. Был рассмотрен вопрос о материальных средствах и поддержке в «осуществлении задуманной гигантской работы». Комиссия получила приглашение принять участие в работе очередного археологического съезда в 1908 г. в Чернигове. Делегатом на съезд избрали Ф. Ф. Похвалинского.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ТОУАК. — Вып. I. — Орел, 1899. — С. 25-66.
2. ГАОО. Ф. 7. Орловская губернская ученая архивная комиссия. Д. 5. Устав Орловского губернского музея при архивной комиссии...— Л. 22.
3. Там же. — Л. 92-93.
4. ТОУАК, —Орел, 1903, —С. 75.
5. Известия Императорской Археологической комиссии. — Вып. 1, —СПб., 1901.
6. Там же. — С. 107.
7. ТОУАК за 1901 и 1902 гг. — Орел, 1903. — С. 1-7.
8. ТОУАК за 1904 и 1905 гг. — Орел, 1906 . — С. 48.

9. ТОУАК за 1901 и 1902 гг. — Орел, 1903. — С. 29-30.
10. Там же. — С. 18-20.
11. Там же. — С. 38.
12. ОКМ. Фонд № 531.
13. ТОУАК за 1901 и 1902 гг. — Орел, 1903. — С. 9, 29.
14. Орловский вестник. — № 162. — 22 июня 1902 г.
15. ТОУАК за 1903 г. — Орел, 1904. — С. 10.
16. Там же. — С. 14.
17. ГАОО. Ф. 7. Орловская губернская ученая архивная комиссия. Д. 7. Переписка с Московским Публичным и Румянцевским музеями, Петербургским Русским музеем о пожертвованиях ОУАК для этих учреждений. Опись вещей, пожертвованных Орловскому губернскому музею в 1903 г. — Л. 1.
18. ТОУАК за 1903 г. — Орел, 1904 . — С. 56-57.
19. Орловский вестник. — № 158. — Июнь 1902 г.
20. Исторический вестник. — Т. XCI. — Январь 1903 г.
21. Шульгин А. Н., Тетера Н. Г. Археологические остатки в окрестностях города Орла. — ТОУАК за 1903 г. — Орел, 1904. — С. 65-72.
22. Там же. — С. 71.
23. Спицын А. А. 1903. Обозрение некоторых областей и губерний России в археологическом отношении// Зап. РАО. Нов. сер. Т. XI. Вып. 1.
24. ГАОО. Ф. 7. Орловская губернская ученая архивная комиссия. Д. 6. Отчет и доклад председателя архивной комиссии о ее деятельности за январь-октябрь 1903 года. — Л. 19-20.
25. ТОУАК за 1904 и 1905 гг. — Орел, 1906. — С. 9-23.
26. Там же. — С. 104-105.
27. Известия археологического съезда в г. Новгороде// М.,1911.— С. 138.
28. ТОУАК за 1904 и 1905 гг. — Орел, 1906. — С. 19.
29. Там же. — С. 62-63.
30. Там же. — С. 68.
31. Там же. — С. 36.
32. Там же. — С. 44.
33. Там же. — С. 40.
34. ГАОО. Ф. 580. Канцелярия Орловского губернатора. Д. 3217. Переписка с МВД и ОУАК о выработке постановлений об охране древних памятников и зданий. 1905. — Л. 3.
35. Орловский вестник. — № 48. — 19 февраля 1906 г.

ГЛАВА 6. Археологическая деятельность Орловского церковного историко-археологического общества в начале XX в.

Если активная работа ученой архивной комиссии со смертью А. Н. Шульгина постепенно угасала, то образованное в 1905 г. Орловское церковное историко-археологическое общество (преобразовано из церковно-археологического комитета, основанного в г. Орле в 1900 г., но вопросами археологии в первые годы деятельности не занималось) развернуло активную исследовательскую деятельность. Любопытно отметить, что в губернском городе Орле начала XX в. с населением около 70 тысяч человек было целых два серьезных учреждения, занимавшихся вопросами археологии края: ученая архивная комиссия и церковное историко-археологическое общество.

В Уставе церковного историко-археологического общества было записано, что оно «имеет целью для пользы церкви и науки изучение церковно-религиозной и общественной жизни местного края в ее прошлом и настоящем, обследование, охранение и собирание памятников древности и старины... Для достижения намеченной цели в круг деятельности общества входит... распространение в обществе... археологических сведений, возбуждение внимания и интереса к древностям, устройство археологических выставок и публичных чтений».[1] Печатным органом общества стали «Орловские епархиальные ведомости », освещавшие всю его деятельность.

В№ 33 «Орловских епархиальных ведомостей» за 1906 г. И. Е. Евсеев опубликовал статью «Кто были древнейшие насельники Орловского края — вятичи?», в которой рассматривает вопросы о племенном происхождении вятичей, намечает план раскопок вятичских курганов, описывает первые результаты исследований. Автор говорит, что «специальных исследований о том, кто были вятичи по своему племенному происхождению, а тем более об их культурных остатках и бытовой обстановке, до последнего времени не

было. Упоминая о вятичах, наряду с другими племенами, заселившими Среднерусскую равнину, ученые обычно ограничивались причислением их к тому же общерусскому корню, к которому относились древляне, радимичи, северяне... Летописец ... помещает вятичей в конце перечисления древнерусских племен, поселяет их на Оке и отводит им в культурном развитии последнее место».[2]И. Е. Евсеев упоминает, в связи с данной темой, вышедшую в 1905 г. работу П. И. Якоби «Вятичи в Орловской губернии»[3], автор которой считает вятичей финским племенем. Развивая эту мысль, И. Е. Евсеев пишет: «...финская номенклатура в названиях рек, урочищ и населенных мест нам представляется доказательством неотвратимым. Новое научное положение принимается как факт после возможной проверки. В данном случае возможны две пробы:

1) антропологическое исследование нынешних обитателей Орловского края, к сожалению, практически не осуществимое, и 2) допрос подземных, курганных останков дохристианских насельников Орловской равнины, с целью установить, к какому типу погребений относятся курганы вятичской земли — к славянским или финским. Эта научная проблема не представляет практических препятствий к ее осуществлению и должна почитаться ближайшей научной задачей местных орловских знатоков и любителей археологии».[3] Для выработки плана раскопок по приглашению местных археологов в мае 1906 г. в Орел прибыл известный специалист, московский профессор Дмитрий Яковлевич Самсцвасов, который на соединенном заседании двух Орловских археологических учреждений — ученой архивной комиссии и церковного историко-археологического общества изложил свой взгляд на значение памятников вятичей и желательный план раскопок. План был следующим: летописец помещает вятичей на Оке, следовательно, поиски археологических памятников этого племени должны направляться к верхнему бассейну р. Оки. Судя по тому, что западная часть Орловской губернии, т. е. Брянский уезд, по курганным останкам, насколько это было установлено рас-

копками П. М. Еременко и С. А. Чуева, подходит в южной части к радимичам, в северной — к смоленским кривичам, памятники вятичей следует искать восточнее г. Брянска и его округи.

С другой стороны, по результатам раскопок П. М. Еременко известно, что курганы Елецкого и Ливенского уездов близки курганам донской степной полосы, следовательно, представляют «восточную культуру». Остается искать курганы в центральной полосе Орловской губернии, преимущественно по р. Оке. По сведениям, предоставленным в 1873 г. волостными правлениями, в центральной полосе Орловской губернии курганы и городища, как отметил Д. Я. Самоквасов, сосредоточены в двух местностях: первая — Севский и Трубчевский уезды по рекам Неруссе, Севе, Навле, а вторая — в Орловском, Волховском и Мценском уездах. Конечно, обозначенными пределами курганы вятичей не исчерпывались, ведь Орловщина была богата археологическими памятниками. По сведениям Д. Я. Самоквасова на 1873 г., на территории Орловской губернии было выявлено 537 курганов и 80 городищ. Несомненно, что памятников сохранилось намного больше, но они не были выявлены волостными правлениями. Поэтому задачей будущих исследователей курганов вятичей должен, по возможности, быть точный учет курганов и занесение их на археологическую карту Орловской губернии, — подвел итог Д. Я. Самоквасов?

Учитывая все вышеизложенные рекомендации столичного археолога, с 11 по 16 июня 1906 г. Орловское церковное историко-археологическое общество предприняло первую археологическую экспедицию по губернии с целью раскопок курганов и городищ. В составе экспедиции были: председатель общества И. Е. Евсеев, товарищ (заместитель) председателя И. М. Белорусов, протоиерей И. В. Ливанский, археолог В. Р. Апухтин и двое добровольцев-любителей. По итогам работы экспедиции И. Е. Евсеевым была написана статья «Кто были древнейшие насельники Орловского края — вятичи?».

Раскопки были произведены в Трубчевском уезде у деревень Святое и Салтановка (курганы), в Севском уезде у с. Борщева и в Брасовском имении Великого князя Михаила Александровича (в последних двух пунктах раскапывали городища).

Наиболее богаты находками оказались курганы у д. Святое. Правда, из 32 курганов, отмеченных по сведениям 1873 г., в наличии оказалось только 3, остальные были распаханы, хотя крестьяне очень точно указывали места их расположения. Раскопали 3 сохранившихся и 2 распаханных кургана. Тип погребений во всех захоронениях оказался одинаковый — трупоположение. Находки представляли собой украшения: бронзовые проволочные браслеты, бронзовое проволочное кольцо, проволочное спиральное височное кольцо, проволочное колечко с завитыми концами.

Из 37 курганов у д. Салтановка раскопали 3. Погребение совершено было близ поверхности почвы. На скелетах ничего не было обнаружено, кроме нескольких глиняных черепков в почве.

Борщевское и Брасовское городища, по мнению исследователей, связаны с культурой указанных выше погребений. На них были найдены: глиняные черепки с различным орнаментом, кремневые орудия труда, железный нож и громадный глиняный обожженный котел (городище Брасово), суживающийся книзу усеченной воронкой, вмазанный в яму. Размер котла: диаметр верха — 3 м, диаметр дна —1м, высота — более 2 м. На дне котла найдены угли. Объяснить функциональное назначение такой необычной находки исследователи не смогли.

Другой местностью, где археологи продолжили раскопки, стали уже места обитания вятичей — это Орловский и Волховский уезды. Из проводившихся прежде в этих уездах исследований было известно следующее.

В Орловском уезде, в 13 верстах от г. Орла, при впадении р. Оптухи в Оку у д. Черемисино, А. К. Юрасовский и В. М. Турчанинов в мае 1906 г. осмотрели городище и непосредственно близ него сплошной могильник без насыпей,

с погребениями у самой поверхности земли. Ими была вскрыта одна могила: костяк лежал головой на запад, с руками, сложенными на груди. Находок на костяке не было.

Более ценные и многочисленные исследования были проведены в Волховском уезде. В 1903 и 1906 гг. В. Р. Апухтин вскрыл 32 кургана. Из них 22 оказались с обрядами трупосожжения, остальные содержали трупоположения. Характерными находками здесь были вятичские предметы: семилопастные височные кольца, подвески в виде лунниц, сердоликовые бусы. Кроме курганов, В. Р. Апухтин заложил шурфы на 11 городищах.

Все городища он отнес к дьяковскому типу (по названию городища Дьяково Московской губернии).

Исследованием вышеперечисленных памятников и ограничилась первая археологическая экспедиция Орловского церковного историко-археологического общества.

Делать какие-либо выводы о «первоначальных насельниках вятичской области » на территории Орловской губернии было еще рано: для этого было собрано недостаточно материала. Исследователи сделали лишь предварительные выводы, что население Орловского края было разнообразным и, может быть, разноплеменным, не менее 5—6 культур, а курганьВолховского уезда более типичны для вятичей, чем курганы Трубчевского уезда.

Подводя итоги научно-исследовательской деятельности по изучению археологии Орловской губернии, И. Е. Евсеев в заключении статьи «Кто были древнейшие насельники Орловского края — вятичи? » пишет, что находки, свойственные болховским курганам, «непосредственно повторяются в курганах соседних Калужской и Тульской губерний, где, по летописцу, также жили вятичи. Сжигание с сохранением остатков костей в горшках, значительно распространенное в курганах Волховского уезда, наиболее соответствует описанию вятичского погребения «на столпах», чем иной известный тип погребения. Подробного уяснения типа вятичского погребения и вятичской культуры мы ожидаем от раскопок в Волховском, Мценском и Орловском уездах».[6]

На очередном собрании церковного историко-археологического общества в начале 1906 г. И. Е. Евсеев прочел доклад на тему: «Общие условия изучения Орловских церковных древностей с обзором древнерусских местных памятников (домонгольского периода) ».[7] Обозначив современные научные требования в археологии, прежде всего необходимость изучения памятников сравнительно-историческим методом, он отметил, что местные орловские памятники не допускают такого изучения ввиду их незначительного количества и отсутствия преемственности в развитии. В связи с этим местная археология должна довольствоваться описательным изучением памятников. И. Е. Евсеев сообщил об известных ему 14 памятниках дотатарского периода, преимущественно из Брянского уезда. Находки из некоторых памятников хранились в музее общества. Это шейная гривна из красной меди и камея, поступившие из Вщижских раскопок и датированные началом XII в.

С 1 по 15 августа 1908 г. в г. Чернигове предполагалось созвать XIV всероссийский археологический съезд. В 1906 г. по этому поводу в Москве состоялись заседания предварительного комитета по устройству этого съезда. В работе комитета принимали участие свыше 60 делегатов от столичных и провинциальных ученых учреждений, в их числе делегат от Орловского церковного историко-археологического общества И. Е. Евсеев. Комитет наметил ряд вопросов по археологии Чернигова и прилегающих к нему местностей, в т. ч. и Орловской губернии, которая была географически и исторически неразрывно связана с Черниговской землей. В связи с этим перед археологами Орловского края был поставлен ряд задач и сделаны рекомендации. Главной задачей было проведение раскопок в местах поселений вятичей, определение «состава курганов вятичского происхождения»[8] и составление карты вятичских поселений. Объем этих исследований был предложен опытным археологом, знатоком курганных раскопок Д. Я. Самоквасовым.[9] В своей программе «Задачи Орловской археологии к предстоящему Черниговскому археологическому съезду»

Д. Я. Самоквасов утверждал: «Касательно древностей исторических в период великокняжеский, удельный и татарский, Орловский край ... был тожествен с Черниговом по господствующей культуре».[10] Он отметил, что на Орловщине есть малоисследованный памятник этого периода — это городище Вщиж, бывший удельный город XII в. Кроме Вщижа, на территории Орловской губернии необходимо изучить летописные домонгольские города Болдыж и Радощь. «Мы можем указать до 50 памятников XII в., сотни памятников XVII в. местного происхождения, но почти совершенно не знаем памятников промежуточных между этими веками. Орловские памятники не могут дать материала к заполнению указанного научного пробела. Таковы пожелания археологической науки касательно изучения орловских древностей».[11]

Орловское церковное историко-археологическое общество обратилось ко всем орловцам с просьбой помочь ему «в деле выполнения научной задачи... Эта помощь может выразиться доставлением в общество сведений касательно тех или иных доступных каждому отделов археологии или памятников старины или древности».[12]

В качестве руководства к действию общество разработало специальную программу по описанию и собиранию предметов местной старины, которая включала в себя 9 пунктов: программа для собирания сведений по первобытным древностям, программа для собирания сведений по древностям историческим, программа для собирания сведений по церковным древностям, архитектура церковных и монастырских зданий, иконописание, металлические изделия священного характера, шитая церковная утварь, ваяние и резьба, богослужебные книги и рукописи.

Для нас интересна первая программа — археологическая. Составленная сотню лет назад, она и сегодня представляет определенный научный интерес, поэтому считаем целесообразным привести ее полностью.

«Программа для собирания сведений по первобытным древностям.

1. Не были ли находимы где-либо на пашнях или в других местах каменные молотки и кремневые (громовые) стрелки, и если находимы, то где именно, и много ли, и не известно ли о них что-либо старикам? Не были ли они находимы отдельно или вместе с огромными костями не существующих (допотопных) животных (мамонт и др.)?

2. Не были ли где находимы на полях или в других местах медные и бронзовые топорики, кольца и стрелки?

3. Нет ли песчаных бугров, на которых ветром обнажаются каменные и металлические стрелки, черепки посуды и т. п. предметы? Указать точно их местонахождения.

4. Не находят ли где кладов старинных денег серебряных или медных, и где именно (у каких рек, деревень и т. д.)?

5. Не находится ли где на пашнях или на других местах старинного оружия, мечей, копий, шишаков, кольчуг, ружей и пр.?

6. Не находится ли где в поле, в пашне или в других местах человеческих костей вместе с медными или железными старинными вещами или глиняной посудой (хотя бы в черепках)?

7. Нет ли где в волости пещер или ходов в горах или земле, и если есть, то где именно, как велики, и не было ли в них, когда что находимо?

8. Имеются ли в местности древние земляные насыпи или окопы, которые называются городищами или городками, и если таковые имеются, то где именно — у каких городов, хуторов, рек и других урочищ, в каком от них направлении и расстоянии, а если на берегу реки, то на каком — правом или левом? Как велика площадь городка или городища? Круглая, четырехугольная, треугольная, подковою или какая другая? На каком месте находится городище или городок? В лесу, на поле, на горе, на берегу реки, между двух оврагов или как иначе? С каких сторон городище окружено оврагами, спусками, выкопанными рвами и насыпанными валами? Есть ли вход или въезд, и если есть, то с какой стороны? Какая длина, ширина рвов или валов, если они сохранились? Нет ли в народе каких-либо преданий об этих го-

родищах, о том, когда, кем и зачем они были *сооружены, а* если они сохранились не вполне или разрушены, то от чего они разрушились: не было ли сделано каких находок в этих городищах или поблизости их, и если были, то какие? Кости звериные или человеческие, или вещи костяные, медные и т. д.?

9. Имеются ли в волости курганы, и если имеются, то где именно — у каких городов, сел, деревень, рек или других урочищ, какой величины и сколько их? Особенно важно знать, нет ли целых групп курганов, состоящих из нескольких десятков или даже сотен, или расположенных в одном месте? Не находится ли курганов возле городища? Не были ли раскапываемы курганы: и, если да, то когда, кем и с какой целью? Не было ли случайно находимо в курганах, при их распахивании, угольев, золы, костей, черепков, медных или иных древних предметов? Нет ли в народе преданий об этих курганах и кем они были насыпаны? Не имеют ли некоторые из них особых названий?

10. Не встречается ли где скал или камней с иссеченными или написанными на них древними знаками, например, изображением креста, людей, зверей или какими-либо другими знаками, и если встречаются, то где именно? Какой величины камни и что на них можно разобрать?»[13]

Население Орловской губернии откликнулось на призыв церковного историко-археологического общества оказать помощь в археологических изысканиях в крае.

20 мая 1906 г. газета «Орловский вестник» опубликовала любопытную для краеведов статью: «Около д. Черемисино, в 13 верстах от Орла, на берегу р. Оптуха есть возвышенность саженей в 40-50, носящая издавна у местных крестьян специальное название «Городище». Предание говорит, что на этом месте была когда-то крепость (действительно, холм имеет своеобразный вид), хотя наличности никаких следов заметно не было, но недавно (с месяц назад), совершенно случайно крестьяне, вздумав рыть камни, нашли совершенно целых два человеческих скелета. Разрывая далее из любопытства, в других местах находили массу кус-

ков кирпича, кусок истлевшего дерева и костей. Все работы крестьяне глубже двух аршин не производили, хотя есть основание предполагать, что в глубине есть и подземные ходы, судя по пустому звуку, издаваемому, когда ударишь ломом в вырытую яму и слушаешь, приложив ухо к земле, на некотором расстоянии. Хотя местные жители и намеревались общими силами заняться раскопкой этого холма, но все-таки хорошо было бы, если бы труд более точного исследования приняла на себя местная археологическая комиссия. Вероятно, при дальнейших раскопках, на глубине 3-4 аршин можно было бы отыскать и памятники древности, заслуживающие внимания».[14]

Порой в печати появлялись и курьезные истории про находки древностей, например, история о кладе монет, напечатанная в газете «Орловский вестник» в марте 1906 г.: «На днях в булочную Казакова на Московской улице, против гостиницы «Саратов» явилось два неизвестных человека. Один из них отобрал по своему вкусу булки и подал в кассу рубль. «Сдачи после получу... посмотрите, какая монета », — и ушел с этими словами. По первому взгляду, вследствие чего покупатель и ушел без задержки, монета казалась старым рублем, когда же более внимательно рассмотрели ее, то это оказался старый екатерининский рубль. Спустя некоторое время приходит в эту же булочную тот же покупатель и в разговоре с хозяином сообщает по секрету, что где-то в районе второй части города он роет колодец, и вот, когда вырыли на несколько аршин, то нашли несколько котлов и кувшинов с серебряной и золотой монетой. При этом покупатель показал екатерининский полуимпериал. Как-то весть о кладе стала известна 2—3 лицам, и сейчас же один из них предложил продать ему клад. Быстро порешили дело, сторговавшись за 3200 рублей. Вечером на другой или третий день «клад» был доставлен в кувшинах и котелках старого образца, заплесневелых, с явными следами долголетнего пребывания под землей. Покупатель, сделавший «хорошую» покупку, был настолько легковерен и ослеплен успехом, что только поверхностно осмотрел содержимое

кувшинов. Тут были действительно старые рубли и золотые монеты. Когда расчет был учинен и прежний владелец клада уже ушел, то стали опорожнять кувшины, и там оказались медные полушки, копейки, а золото и серебро было только на поверхности. Всего было 2400 монет. «Потерпевший» обратился к содействию полиции для розыска «кладодержателя», но результатов никаких не оказалось. Бывший владелец клада бесследно исчез».[15]

Большой вклад в изучение археологических памятников Орловщины внес Иван Евсеевич Евсеев, который по поручению Московского археологического общества обследовал верхнее (орловское) течение Оки и ее притоков (Цон, Рыбница, Зуша, Неполодь), а также провел раскопки в различных уездах губернии.

«Орловские епархиальные ведомости» в 1907 г. писали об этом исследователе: «Как в 1905, так и в 1906, 1907 гг. профессор Евсеев совместно с другими членами церковного историко-археологического общества и единолично предпринимал археологические экскурсии в пределах Орловского края, производил раскопки курганов и городищ... научно исследовал местную старину и делал при этом весьма ценные для археологии находки и приобретения, которыми делился с нашим обществом. С исследуемых местностей, сооружений и отдельных предметов профессор Евсеев снимал планы и, вообще, зарисовывал их. О результатах своих научно-археологических исследований он сообщал обществу сперва в кратком, для общего сведения, очерке под заглавием «Археологические поиски в Орловском крае летом 1907 г.», напечатанном в № 37 «Орловских епархиальных ведомостей» за 1907 г., а оттуда отдельными оттисками, затем в обширном реферате под заглавием «Исследование городищ и курганов в бассейне верхнего (орловского) течения р. Оки и ее притоков Цона, Рыбницы, Неполоди, Зуши» с 13-ю схематическими изображениями и планами исследуемых местностей».[16]

«В музей Орловского церковного историко-археологического общества в 1907 г. поступили археологические на-

ходки Евсеева — старинные предметы различного рода из его археологических находок во время летних экспедиций по Орловскому краю, из каковых предметов особенно важны древний каменный придорожный крест, древний каменный жернов...».[17] Музей при Орловском церковном историко-археологическом обществе был настолько насыщен различными археологическими предметами, что летом 1907 г. его посетил член Московского археологического общества, держатель Открытого листа Валентин Иванович Бибиков, который около недели работал в музее, фотографировал и зарисовывал наиболее ценные в археологическом отношении вещи.

В сентябре 1906 г. И. Е. Евсеев изучал Звенигородское городище на р. Неполодь и пришел к выводу, что его особенности в том, что вал состоит из обожженной глины и ряда камней. Судя по находкам, это городище, одно из немногих, «оставалось совершенно не потревоженным в ... период татарщины и мелких удельных хозяев».[18] На некоторых других городищах он провел лишь небольшие раскопки. Наибольший же интерес, по мнению И. Е. Евсеева, представляли раскопки курганов в с. Игрище (Лебедка) на р. Цон.

В работе «Исследование городищ и курганов в бассейне верхнего (орловского) течения р. Оки и ее притоков Цона, Рыбницы, Неполоди, Зуши» И. Е. Евсеев пишет, что «имя Оки связано в истории с поселением на ней во время расселения русских племен по нынешней территории России — племени вятичей. С целью определить, в какой мере вятичская колонизация захватила верхнее течение р. Оки и ее притоков, нами предпринято было летом 1907 г. на средства Императорского Московского Археологического общества исследование остатков доисторической древности в области верхнего (орловского) течения р. Оки и ее бассейна».[19]

Труд И. Е. Евсеева содержит обширные и разнообразные сведения по археологии Орловского края, не утратившие своего значения и в наши дни. Современные представления о городищах и курганах на территории Орловской

области основываются в значительной мере на исследованиях И. Е. Евсеева.

Верхнее течение Оки не богато остатками старины сравнительно со средним течением. На археологической карте Орловской губернии, составленной А. Н. Шульгиным, на первом месте у верховьев Оки стоит Тагинское городище в 60 верстах от г. Орла. На склоне юго-западной стороны городища, по словам крестьян, в конце 1880-х гг. при постройке школы были выкопаны железные кинжалы, ножи, ножницы, кадык. На прилегающем к острогу поле — конские стремена с ремнем и пуговицами, кинжал, ножи, тереза — безмен. Общее впечатление от Тагинского городища получается такое, что первоначально человек обитал здесь близ самой воды, отступая во время половодья на гору к северу. Затем человек обосновал свое жилище на горе, в остроге. С течением времени он раздвинул жилище и на южную оконечность мыса. После этого, в период железного века, жизнь перекочевала за стены острога. Версты на три ниже Тагино по течению Оки, в д. Захаровка, на карте А. Н. Шульгина значилось городище. Вместо городища в д. Захаровка (в урочище Цвет), на низменной песчаной отмели, И. Е. Евсеев обнаружил стоянку, где попадались кремневые скребки, ножи, острые камни. Городище выявили при с. Богородицком (Верхней Слободке). Оно располагалось на левой стороне Оки и со всех сторон было окружено низменностью.

На противоположной стороне в Оку впадал ручей Гудка. Вся поверхность находившегося здесь городища Шехан была изрыта шурфами. Найдены были белые черепки, схожие с черепками Тагинского городища. И. Е. Евсеев предположил, что человек имел отношение к Шехану, бывал на нем, но местом жительства для него городище не служило.

Вниз по течению Оки, от с. Богородицкого до д. Гать, по карте А. Н. Шульгина не числилось никаких остатков древности. Поэтому исследование направлено было в сторону от русла Оки, на правый приток Рыбницы речку Гудку. В XVII в. у истоков Гудки существовала сторожа. От местных крестьян и бывшего урядника И. Е. Евсеев получил све-

дения о кургане, разрытом в 3-х верстах от с. Никольского в д. Плота крестьянином Бедою, который искал клад. Вместо клада Беда нашел в кургане золу и горшок с костями.

Первое городище с могильником И. Е. Евсеев обследовал при впадении в Оку ее левого притока р. Цон у д. Гать. Здесь в 1897 г. производились раскопки генералом А. Н. Шульгиным. И. Е. Евсеев заложил шурф непосредственно за раскопом А. Н. Шульгина. После 1/4 аршина перегноя показалась прослойка угля, жженого камня, масса колотого кремня, кремневые скребки, железные шлаки, кремневый нож, рог оленя, челюсть с зубами какого-то крупного животного. Был найден кусок мастикового черного ожерелья. По словам крестьян, на соседнем с городищем поле попадались черные черепки горшков с дырочками, человеческие кости. Черепа и кости находили и на городище. Черепки были украшены ногтевым, щипковым и линейным орнаментом. Кремневые скребки и ножички имели очень грубую оббивку.

К северу от городища Гать, в мелком дубовом лесу, располагались две группы курганов. И. Е. Евсеев насчитал их 29, а А. Н. Шульгин — 21.

И. Е. Евсеев раскопал 3 кургана. В крайнем, высотой до 2-х м, диаметром основания до 7,5 м, ни костяка, ни углей не оказалось. Изредка попадались острые колотые кремни наподобие тех, что в изобилии находили на городище. В среднем кургане, размером 1,5 м в высоту и 5 м в диаметре основания, в небольшом количестве были угли и черепки от черного горшка без орнамента. В мрньшем кургане, размером 1 м в высоту и 5 м в диаметре, оказалось женское погребение. Костяк лежал головой на запад на правом виске, левая рука была протянута к бедрам, правая сгнила, так же как и ступни ног. Длина костяка без нижних конечностей — 2 аршина 2 вершка. Погребение совершено на материке. Украшения: витой браслет из проволоки с расплющенными неспаянными концами и 5 семилопастных височных колец из низкопробного серебра. Сохранились волосы темно-каштанового цвета и истлевший головной убор из грубой шерстяной вязи.

На четверть версты севернее устья р. Рыбницы, на берегу Оки, в урочище Непрец, И. Е. Евсеев нашел 3 кургана, сильно распаханные и оплывшие. Средний курган, сохранившийся лучше других, около 2 аршин в высоту, 35 шагов в окружности, был раскопан. В насыпи попадались колотые камни, а на уровне почвы лежал костяк, сильно истлевший, головой на запад. Длина костяка — 1 аршин. Подстилки не было. Погребение совершено в грунтовом песке, находок не оказалось.

Немало остатков древности сохранилось по левому притоку Оки — р. Цон. В среднем течении его, на расстоянии 12 верст, И. Е. Евсеев нашел 3 городища и несколько групп курганов. Городища: при с. Городище, имении графа Комаровского; при устье р. Людской; Снопково городище при с. Нарышкино и д. Юшково; Жидоморское (Житомирское) городище между деревнями Мерцаловка и Городище. Курганы: в с. Лебедка — 4, в урочище Игрище при том же селе — около 30, в с. Дубы — 2.

И. Е. Евсеев исследовал курганы в урочище Игрище и Снопково городище.

Урочище Игрище расположено в полуверсте от левого берега р. Цон. Покрыто березовым лесом. По воспоминаниям старожилов, служило местом гуляний для соседних деревень («хоронили кукушку»). Были раскопаны 4 кургана. В первом кургане, в центре насыпи, на расстоянии 89 см от верха, оказался горшок с костями, перевернутый днищем вверх. Горшок был грубой работы, без орнамента, рассыпался при прикосновении. Рядом с горшком лежала челюсть кабана. В насыпи второго кургана попался кремневый скребок тонкой отделки. На глубине 2,5 аршина от верха оказались пережженные кости. Как и в предыдущем кургане, сожжение произведено на стороне. В третьем кургане находились кости, сожженные на стороне. В четвертом кургане были обнаружены сожженные кости и черепки без орнамента. Из-за однородности содержания курганов работа была прекращена. Приказчик хутора Игрище сообщил, что ему приходилось для хозяйственных надобностей разрывать

курганы этой группы (для погребов, картофельных ям). В них он находил кости и горшочки. По сообщению местного старожила, бывшего владельца имения Лебедка С. А. Цурикова, такой же характер курганов приходилось ему наблюдать и в другой группе — ус. Лебедка. При нем выкопан был там из кургана разбитый горшок с пережженными костями. Горшок этот был передан им в Орловскую ученую архивную комиссию.

Рядом с с. Нарышкино, на правом высоком берегу р. Цон, расположено Снопково городище. Работа начата была с середины восточной части городища. Найдены остатки перегорелого кирпича, глиняные черепки белого и красного обжига с линейным и ногтевым орнаментом, железные гвозди, кости животных, острые скребки из кремня белого и серого с белыми прожилками. И. Е. Евсеев заключил, что городище имело два слоя: нижний — каменного века и верхний (более поздний) — железного. Были вскрыты остатки жилища: с севера — входная яма, за нею глиняная утрамбованная перемычка, далее большая яма с очагом напротив входа. Очаг был сбит из глины. За очагом, в стене, просматривались прослойки дерева, по-видимому, досок. Пол был сделан из плотно утрамбованной глины. На всем пространстве жилища, особенно в нижнем слое, попадались угли.

В 7 верстах севернее г. Орла, на склоне левого высокого берега Оки у д. Гонючее, расположено Гонючее городище. Работа начата была с северной части городища. На первом штыке попались черепки белого обжига, на глубине 0,5 аршина — пепел и ряды плит местной породы известняка, жженый камень и кирпич, на глубине 1,4 аршина — особенное зольное пятно, кости, обломки кремневых ножей, обломок черного мастикового ожерелья, черепки полированной посуды, выгнутый обломок стекла, железный небольшой нож, череп человека. На соседнем поле нашли железные шлаки, черные дырчатые черепки, отточенные кремни. На поле и у подошвы городища — человеческие кости и черепа, в оползнях городища с южной стороны — большие кости животных. Орнамент черепков городища Гонючее —

щипковый, линейный, сочетание волнистого и линейного, ногтевой. Кроме белого и черного обжига, был обнаружен также красный обжиг с ногтевым орнаментом. Полированная посуда имела линейный орнамент.

По левому притоку Оки р. Неполоди расположены три городища: в с. Маслово, у с. Редькино и при Звенигородском погосте. И. Е. Евсеев исследовал последнее городище. Оно интересно тем, что вал устроен из обожженной глины с рядами камней.

Мценское городище расположено на мысе при впадении р. Мецни в р. Зушу. Работа была начата на северной оконечности мыса, в 4-х саженях от спуска. На первом же штыке оказались черепки из белой глины без орнамента и с орнаментом, заостренные кости, железные шлаки, кремневые скребки, угли, костяная игла.

На левом берегу р. Мецни, на возвышении, саженях в 100 от городища, расположен Мценский могильник. До проведения через Мценск Московско-Курской железной дороги могильник был цел. Как сообщили И. Е. Евсееву местные старожилы помещик Д. Н. Шеншин и священник Сергиевский, могильник занимал пространство около 5 десятин. И. Е. Евсеев выявил лишь три уже распаханных, но заметных кургана в поле, за болховским шоссе, и небольшую кучку курганов в городском прогоне напротив Георгиевской церкви, между орловским шоссе и болховской дорогой. Видны были курганы и в мещанских садах и огородах, хотя уже почти распаханные. Всего в этой группе на прогоне насчитывалось 25 курганов. Сохранились они плохо: оползли и расплылись.

В насыпи первого кургана попадались колотые кремни, внизу насыпи — черепки белого обжига. На материке, на подстилке, был обнаружен костяк, в ногах которого находился горшок с остатками пищи. Костяк лежал головой на запад, на левом виске, длина его составляла 2 аршина 7 вершков. При костяке ничего не было найдено, сам он совершенно истлел.

Во втором кургане оказалась прослойка дерева и сильно

истлевший костяк, лежавший на левом виске, головой на запад. На левом ухе — серьга в виде кольца. Длина сохранившейся части костяка — 91 см. Кости приобрели коричневый оттенок. Погребение в могиле и в гробовище.

В средине насыпи третьего кургана находилась масса пережженных костей. В могиле на 0,5 аршина ниже материка — 2 костяка, головами на запад, на левом виске. Костяки сильно истлели. Один костяк лежал в гробовище.

В четвертом кургане на уровне материка встретился слой гнилого дерева, под ним — пережженный на стороне костяк. При разгребании слоя дерева части пережженных костей снимались, как зола.

В пятом кургане, в 0,5 аршина от поверхности материка, была обнаружена прослойка сгнившего дуба, на ней лежал пережженный костяк. В обрезе насыпи, на 1 аршин от дна могилы, были видны дыры от перегнившего эшафота. Сожжение произведено на стороне. Костяк положен на дубовый помост так небрежно, что направление костей определить не удалось. Длина костяка —■ 3 аршина 10 вершков. Рядом с первым костяком оказался второй.

Шестой курган наполовину был срезан канавой, в нем ничего не оказалось.

Седьмой курган расплылся и был испорчен кладоискателями. Через 0,5 аршина от поверхности попалась истлевшая дубовая доска с двумя железными гвоздями. Внизу под доской оказался пережженный костяк, длиною (без ступней) 2 аршина 6 вершков. Череп лежал на левом виске, положение других костей определялось плохо. У костяка были найдены 2 кольца и граненая бусина. В обрезах насыпи и у головы костяка ясно различалось сооружение того гробовища, которое предназначалось для предохранения костей от разрушения при засыпании землей. Для этого в насыпь, на 1 аршин выше дна могилы, вставлялись 2 деревянных бруска на расстоянии 1,5 аршина один от другого; в дно могилы, у изголовья, вбивались 3 кола и на них клались сверху доски. Когда это сооружение было закончено, земля падала сверху на плотный деревянный помост, костяк

оставался нетронутым; когда же подпоры и доски помоста подгнивали и падали на костяк, тогда он накрывался досками, но земля не разрушала его.

На глубине 1 аршина от поверхности восьмого кургана показались следы поперечных жердей в насыпи и железный гвоздь в виде крючка. На глубине 0,5 аршина от материка был найден сожженный костяк, прикрытый сверху перегнившей дубовой доской. Под костяком доски не было. Правая рука была протянута к животу, а левая к бедру. Нижние конечности от колен не сохранились. Уцелевшая часть костяка имела в длину 2 аршина. Сожжение совершено на стороне.

В девятом кургане, па глубине 0,5 аршина от поверхности, оказались 2 железных крюка. Еще через 0,5 аршина показался пережженный на стороне костяк, длиной 2 аршина 8 вершков, лежавший на левом виске, головой на запад. На пальце руки — белое серебряное колечко.

При впадении р. Зуши в Оку у д. Шлыково находятся 15 курганов (илл. 19). Из них 4 кургана имеют высоту до 5 аршин, остальные — от 1 до 3 аршин. Окружность больших доходит до 50 шагов, более подпаханных —• до 30 шагов. Курганы расположены на поле, покатом к низменному лугу. Площадь могильника занимает пространство около 3 десятин и отстоит от Зуши на 100, от Оки на 300 сажен.

Шлыковский могильник оказался исключительным по своему прошлому. В насыпи курганов сразу стали попадаться грубо обработанные каменные орудия: топоры, долота, мотыги, отбойники, скребки. Орудия эти были сделаны по большей части из довольно плотного местного известняка, хотя изредка попадались небольшие скребки, проколки и отбойники из кремня. На поле, среди овса, сплошь и рядом исследователи наталкивались на эти поделки. Видно было, что ко времени появления курганов предметы эти отжили свой век, никому не были нужны. Их была такая масса, что они неизбежно попадали на лопату. Могильник оказался расположенным на стоянке и, по-видимому, мастерской каменного века. При беглом осмотре местности оказалось,

что еще одна мастерская орудий, притом кремневых, а не известковых, находится на 0,5 версты южнее могильника на том же шлыковском поле. И. Е. Евсеев набрал целую коллекцию ножей, наконечников копий и стрел, проколок, клиньев, скребков, сверл и т. п.

И. Е. Евсеев предположил, что место поселения первобытного человека не ограничивается здесь только одним шлыковским полем. Оно только начало того обширного пространства, на котором разбросаны остатки орудий человека каменного века. Пространство это охватывает территорию до 20 деревень, расположенных вниз по течению Оки.

И. Е. Евсеев обследовал 5 курганов из шлыковской группы.

Первый курган был испорчен искателем. На расстоянии 0,5-0,7 аршина от поверхности кургана показались черные глиняные черепки грубой работы. У материка — угли и немного костей. Сожжение совершено на стороне, а засыпка сделана над принесенными костями.

Во втором кургане попалась масса кремней, кремневый нож и скребки. Через 0,5 аршина от поверхности кургана встретились угли, пережженная земля, черепки. У материка в северо-западной части были найдены остатки костра. Костей очень мало. В боку кургана, на 0,5 аршина от материка, оказался разбитый горшок. Под слоем угля попался четырехугольный, расколотый на 2 части кремень. Костяк был сожжен и засыпан на месте.

В северной части третьего кургана найдено на самом верху, в 0,5 аршина от поверхности, позднее погребение головой на север. На глубине 1,5 аршина оказался черный черепок. Костей заметно не было.

Через 1 аршин от поверхности четвертого кургана встретилось впускное погребение ребенка, 50 см в длину. Гробовище и подстилка были сделаны из извести, которой залит весь костяк. Голова на запад, лицо кверху, руки на груди. На костяке оказались 2 мастиковые бусины. На глубине 2,7 аршина от верха кургана — зола, угли и кости.

В насыпи пятого кургана попадалось много костей жи-

вотных. На глубине 0,5 аршина от материка встретилась масса углей и пережженных костей в одной кучке. И. Е. Евсеев предположил, что здесь засыпан костяк, пережженный на стороне. Ниже на 0,5 аршина, на уровне почвы, оказался еще уголь и немного костей. По-видимому, это было другое сожжение на стороне, засыпанное ранее.

По словам полевого сторожа, проживавшего на этом поле в землянке, устроенной в самом большом кургане (5 аршин высоты), в шлыковской группе были разрыты 3 кургана: один для его землянки, два других — любителями из крестьян. Во всех этих курганах попадались черепки и пережженные кости, т. е. сожжение было самого простого типа; костяка не было найдено ни одного.

На основании анализа находок И. Е. Евсеев датировал обследованные окские городища X-XП вв. Курганы близки им по времени.[19]

В «Орловских епархиальных ведомостях» за 1907 г. профессор И. Е. Евсеев публикует краткий отчет о своих исследованиях «Археологические поиски в Орловском крае летом 1907 г.»,[20] в котором он говорит, что целью его исследований, предпринятых по поручению Московского археологического общества, было «уяснение, кто были первоначальные насельники Орловского края — вятичи». И. Е. Евсеев отмечает, что территория, заселенная вятичами, до их прихода не была пустой. «По Геродоту, в V в. до Р. Х. между верховьями Дона и Днепра, через 20 дней пути от Черного моря, севернее скифов, жили меланхлены. Эта область за 20 дней пути от линии Одесса-Керчь, т. е. за 700 верст к северу, совпадает с линией Брянск-Ливны, т. е. с нынешним Орловским краем. Значит, в V в. до н. э. на территории Орловского края жили меланхлены. Геродот говорит, что это народ особый, они носили черные одежды, от чего и произошло название ».[21] Меланхлены вели скифский образ жизни и имели своих «независимых царей », поддерживали контакты со скифами-земледельцами в области Приднепровья и скотоводами-кочевниками в донских степях, что способствовало их развитию. И. Е. Евсеев отмечает, что летописец

в «Повести временных лет» тоже признает существование населения в Орловском крае до прихода вятичей. Это финское население, что видно из географических названий населенных пунктов и рек: Мценск, Волхов, Вщиж, Болва, Ветьма, Калахва, Куява, Надва, Кутьма, Мечь, Мецня, Мценя. «Было время одновременного пребывания на одной территории двух народов — финского и русского. Поэтому любопытно установить, с какой культурной подготовкой пришел сюда новый народ, что он здесь нашел».[22] Ответ на этот вопрос могли дать только археологические исследования, которые И. Е. Евсеев и предпринял.

Проанализировав все имевшиеся исследовательские материалы, И. Е. Евсеев пришел к заключению, что заселение Орловского края вятичами шло с севера на юг. Первичная колонизация — в Волховском уезде, затем во Мценском, и в последнюю очередь — в Орловском. Помимо первого традиционного пути с запада по Десне, Болве на Угру и Оку с ее бассейном, был и второй краткий путь от Десны к Цону. Чтобы это окончательно установить, И. Е. Евсеев рекомендовал провести раскопки по линии Брянск — Карачев — Цон.

В этом же, 1907 г., И. Е. Евсеев защитил магистерскую диссертацию на орловском материале, уехал из Орла и работал ординарным профессором Санкт-Петербургской духовной академии. Его работы публиковались не только в орловских, но и в столичных изданиях. 19 ноября 1906 г. состоялось чествование И. Е. Евсеева по поводу отбытия его к новому месту работы. Зачитывая адрес от Орловского церковного историко-археологического общества, И. С. Комягинский сказал: «Вы обратили просвещенное внимание свое на то, без чего не могло и не может существовать никакое археологическое общество, а именно: на памятники старины, и вот мы, благодаря Вашей личной настойчивости и пожертвованиям, имеем теперь в музее своем богатые археологические сокровища, как вещественные, так и письменные, которые без Вас, быть может, навсегда погибли бы для науки вообще и для истории Орловского края в особенности ».[23]

С каждым годом все больше грамотных, подготовленных

людей занимались археологическими изысканиями. Многие из них имели специальные разрешения. К примеру, 29 августа 1907 г. на имя Орловского уездного исправника от вице-губернатора Галахова поступило письменное указание: «Императорская Археологическая комиссия, отношением от 23 августа за № 1035 уведомила меня, что она выдала хранителю музея Орловской ученой архивной комиссии В. И. Турчанинову Открытый лист на право производства археологических раскопок в текущем году на землях казенных, принадлежащих всяким установлениям, и общественных в пределах Орловской губернии. Сообщая об изложенном, предлагаю Вашему Высокоблагородию сделать распоряжение об оказании названному лицу должного содействия при выполнении возложенного на него поручения».[24]

В состоянии археологических исследований на Орловщине после отъезда И. Е. Евсеева обнаружилось кризисное положение. В ноябре 1908 г. археологическая подкомиссия Орловской ученой архивной комиссии собралась для выяснения своей дальнейшей судьбы, здесь же было составлено обращение к губернатору о принятии мер против самовольных раскопок.

Ситуация изменилась, когда в 1909 г. в ряды орловских археологов встал Петр Сергеевич Ткачевский (илл. 20). Он родился 21 июня 1880 г. в с. Дятьково Брянского уезда Орловской губернии (умер после 1961 г.). После окончания Строгановского училища работал учителем рисования в первой Орловской мужской гимназии и стал членом Орловского церковного историко-археологического общества. Заинтересовавшись археологией, П. С. Ткачевский окончил Московский археологический институт. Став профессионалом, молодой исследователь, ученик Д. Я. Самоквасова, проводит многочисленные раскопки в ряде уездов Орловской губернии, зарисовывает памятники и археологические находки, пропагандирует полученные знания среди своих учеников и привлекает к археологическим исследованиям молодежь (илл. 21). Под его руководством «юные археологи» раскопали не один древний памятник.

Так, газета «Орловский вестник» в августе-сентябре 1911 г. сообщала: «В этом году группа молодежи с. Дятьково, пополняя свои коллекции насекомых и растений, свое внимание направила и на историко-археологические исследования памятников по р. Болве. С этой целью были совершены поездки для раскопок курганов в с. Курганьи, с. Ивоть, в д. Большая Жуковка и с. Слободище. Раскопки происходили под руководством члена Орловского церковного историко-археологического общества П. С. Ткачевского. Все добытые из земли предметы, с рисунками и чертежами, молодежью переданы в Орловский историко-археологический музей, помещающийся при доме консистории».[25]

Через несколько дней вышла новая заметка о работе этого отряда: «Как мы сообщали, учащейся молодежью Мальцевских заводов под руководством П. С. Ткачевского по р. Болве было раскопано несколько курганов. Из курганов были добыты: в с. Курганьях — разрыто 2 из 15 курганов — серьги в виде больших колец, витой браслет, кольцо и перстень с левой руки, сердоликовые и стеклянные бусы с металлической подвеской в виде полумесяца и бронзовый бубенчик; в с. Ивоть — в одном разрытом кургане кроме камней с черепками глиняной посуды и углей ничего не было найдено; в д. Большое Жуково были исследованы 4 каменных надгробных плиты. Надпись и орнамент на них говорит за конец XII и начало XVII вв. На одной из плит вязью выбито: «В лето 7100 (1592 г.) декабря 27 день убит бысть раб Божий Иван да Офонасий Иваново сын убит от короля Жагимонта ». На этом же кладбище, в часовне, были осмотрены и зарисованы церковная утварь и одежда сгоревшей неизвестно когда церкви (скорее всего XVII век)».[2,1]

«Орловские епархиальные ведомости» (1910 г.) сообщали, что «член церковного историко-археологического общества П. С. Ткачевский доложил собранию о своих археологических раскопках близ г. Орла, результатом которых было открытие многих погребений древнейших обитателей Орловского края и извлечение из недр земли некоторых предметов их домашнего обихода».[27]

Многочисленные находки, передаваемые исследователями в церковный историко-археологический комитет, хранились и экспонировались в специальном музее, созданном при обществе с первых лет его существования. Газета «Орловский вестник» (1911 г.) писала: «Продолжаются работы по устройству историко-археологического отдела, где уже имеются *4* витрины с материалом, добытым путем раскопок. Кроме того, имеется много планов, рисунков и фотографий, касающихся исследований по рекам Цон, Ока, Десна, Болва».[28]

Пресса сообщала и о случайных находках. Например, в Кромском районе при распашке поля нашли древний меч, который приобрел кромской любитель старины С. И. Соколов. В 1911 г. «Известия Императорской Археологической комиссии» содержали тревожную хронику: «Недалеко от с. Волконска Дмитровского уезда Орловской губернии находится древний курган, который, по словам местных старожилов, лет 25 тому назад раскапывался, и в раскопках находились разные предметы древнего обихода. Т. к. раскопками занялся кладоискатель, а в них денег не оказалось, то они были приостановлены на самой ничтожной глубине траншеи. Весьма вероятно, что в кургане, на более значительной глубине, зарыты интересные предметы седой старины, имеющие историческое значение».[29]

«Известия Императорской Археологической комиссии » в 1914 г. сообщали, что «в музее Орловского церковного историко-археологического общества при духовной консистории особо выставлены предметы, найденные в раскопках в 19fl-1912 гг. Предметы эти характеризуют быт, нравы и обычаи вятичей, живших в Орловском крае. Выставлены урны, в которые ссыпались останки сожжения, и предметы, которые находились при погребении, а также фотографии и рисунки исследуемой местности»[30] (илл. 22-25). Эта выставка экспонировалась летом 1913 г. Порой пресса преподносила и «археологические курьезы». Так, газета «Орловская жизнь» в октябре 1913 г. писала, что «арестантами Кромской тюрьмы, во время земляных работ, произ-

водимых городом Кромами в той местности, где некогда происходила оборона жителей г. Кром от войск Бориса Годунова, были выкопаны некоторые старинные предметы, каковые в настоящее время находятся в канцелярии кромской тюрьмы. Орловская ученая архивная комиссия обратилась к Орловскому губернатору с ходатайством о передаче найденных арестантами исторических предметов комиссии для помещения их в Орловский музей».[31]

В августе 1915 г. археологические раскопки в Брянском уезде Орловской губернии производил студент Петроградского археологического института Вячеслав Михайлович Лосев'[2] (1890—1942 гг.) (илл. 26). Предметом его обследования являлась курганная группа в 2-х верстах от с. Бацкина, на правом берегу р. Ветьмы. Здесь была равнинная местность, густо покрытая лесом, преимущественно хвойным, и сильно заболоченная. Река Ветьма (приток Десны) служила для данной местности основным водным путем. Возможно поэтому ее берега во многих местах были покрыты многочисленными курганами и городищами, в археологическом отношении совершенно не обследованными.

Курганы у с. Бацкина находились на частной земле, принадлежавшей (с 1912 г.) местному землевладельцу Г. И. Волкову, а раньше эта земля принадлежала помещику М. М. Похвистневу (до 1901 г.). Площадь, занимаемая курганами, равнялась примерно 5—6 га, а самих курганов было около 40. Насыпи имели круглую форму и различную высоту — от 1 до 4 м. Курганы располагались здесь и в одиночку и явно выраженными группами.

Первые раскопки в данной курганной группе были произведены в 1885-1886 гг. полковником А. И. Паевским. Правда, полковник успел вскрыть лишь один курган, а дальнейшие раскопки были запрещены владельцем имения М. М. Похвистневым. По словам жены А. И. Паевского, в кургане было обнаружено женское погребение в сидячем положении. Находки представляли собой височные кольца и небольшой четырехугольный кусочек золотой парчи, находившийся на лбу. Под скелетом обнаружено подобие гро-

9 Заказ № 3877

бовища. Находки полковник отправил в Киевский университет, и дальнейшую судьбу их археологу В. *М.* Лосеву выяснить не удалось. Многие курганы имели следы кладоискательских раскопок.

С разрешения владельца земли Г. И. Волкова В. М. Лосев раскопал 5 курганов: в четырех оказались находки, а в одном они отсутствовали, зато хорошо сохранился череп.

Из находок можно отметить, прежде всего, височные кольца. Они трех типов: большие (6 шт.), средние (6 шт.) и малые (3 шт.). Часть колец сделана из круглой бронзовой или медной проволоки, другая — из круглой серебряной проволоки, диаметром 1—2 мм.

Кроме того, на пальцах костяков найдены 3 кольца: два бронзовых круглопроволочных и одно круглое ленточное, по виду напоминающее обручальное. На последнем кольце имелось характерное отверстие для камня, но он не сохранился.

Обнаружены: бронзовая монетовидная изящная прорезная подвеска с ушком и ожерелье из 143-х бус — крупных, средних и мелких, круглых, бочковидных, цилиндрических, граненых, из камня и разноцветного стекла, с золочением и серебряным покрытием. Также найдено большое количество черепков от орнаментированных глиняных сосудов, с примерным диаметром венчика 12—13 см, при высоте 10-12 см, и остатки толстой шерстяной ткани (на шее), а в некоторых бусах сохранились шерстяные нитки, на которые они были нанизаны (илл. 27).

На основании добытого материала В. М. Лосев сделал вывод, что раскопанные курганы славянского происхождения, вероятнее всего, они принадлежат племени кривичей. На это указывают довольно типичные височные кольца. По мнению профессора А. А. Спицына, осмотревшего коллекцию находок, некоторые вещи, например, подвеска, принадлежали радимичам. Исследователи объяснили это тем, что курганный могильник находился как раз на границе поселений кривичей и радимичей, поэтому многие ювелирные украшения были в ходу у обоих племен. Датировали курганы концом XI — началом XII в.

По распоряжению профессора А. А. Спицына все находки В. М. Лосева были сфотографированы. Фотографии и сегодня хранятся в Рукописном отделе Санкт-Петербургской Российской центральной библиотеки.

В. М. Лосев, уделяя большое внимание истории и культуре Орловского края, в августе 1916 г. публикует в газете «Орловский вестник» статью «Культурное начинание», в которой пишет: «Одним из показателей культурности каждого народа является знание им всего окружающего этот народ... Только на основе внимательного изучения и познания всего окружающего, в его прошлом и настоящем, возможны высшие культурные достижения. Родиноведение в широком смысле этого слова, всегда было слабым местом нашей государственности и общественности. Мы не знали и не знаем своей родины. Порой мы жестоко платились за свое незнание, но это нас не исправляло. С прилежанием, достойным лучшей участи, мы готовы были изучать культуру, быт и нравы наших соседей, но изучение своего, русского, родного, казалось нам просто неинтересным. Нельзя, конечно, сказать, что до этого времени никто не занимался изучением родины. Люди, посвятившие себя родиноведению, всегда были и будут, но это были одиночки, любители, широкие же круги общества всегда оставались в стороне от этого дела, оно было чуждо им. Все это, сказанное вообще, применимо и к нашей Орловской губернии. У нас были и есть свои историки, свои исследователи, у нас существуют два ученых учреждения (губернская ученая архивная комиссия и церковное историко-археологическое общество), посвятивших себя изучению родного края в его прошлом, которыми издавались и издаются ученые труды, но широких масс населения они не достигают, широкие круги общества по-прежнему чужды изучению своего края. А между тем, какую массу интересного, занимательного, полезного материала может представить изучение нашего края. На территории Орловской губернии с самых древнейших времен жизнь била могучим ключом...».[33]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Орловские епархиальные ведомости. — № 39. — 1905. — С. 408-409.
2. Евсеев И. Е. Кто были древнейшие насельники Орловского края — вятичи? — Орловские епархиальные ведомости. — № 33, — 1906, —С. 908-909.
3. Якоби П. И. Вятичи в Орловской губернии. — Орел, 1905.
4. Евсеев И. Е. Кто были древнейшие...— Орловские епархиальные ведомости. — № 33. — 1906. — С. 914.
5. Там же. — С. 936.
6. Там же. — С. 940.
7. Евсеев И. Е. Общие условия изучения Орловских церковных древностей с обзором древнерусских местных памятников (домонгольского периода). — Орловские епархиальные ведомости. — № 2. — Орел, 1906. — С. 50.
8. Орловские епархиальные ведомости. — Т. 1. — Орел, 1906. — С. 319.
9. Там же. — С. 320.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же. — С. 321.
13. Там же. — С. 322.
14. Орловский вестник . — № 131. — 20 мая 1906 г.
15. Там же. — №71. — 14 марта 1906 г.
16. Евсеев И. Е. Исследование городищ и курганов в бассейне Верхнего (Орловского) течения р. Оки и ее притоков: Цона, Рыбницы, Неполоди, Зуши. — Орел, 1907.
    Орловские епархиальные ведомости. — № 37. — Орел, 1907. — С. 16.
17. Там же. — Орел, 1906. — С. 8-10.
18. Там же.
19. Евсеев И. Е. Исследование городищ и курганов...— Орел, 1907. — С. 1-31.
20. Евсеев И. Е. Археологические поиски в Орловском крае летом 1907 г. — Орловские епархиальные ведомости. — № 37. — Орел, 1907.
21. Там же. — С. 687.
22. Там же. — С. 688.
23. Орловские епархиальные ведомости. — № 48. — Орел, 1906. — С. 1315.

24. ГАОО. Ф. 706. Орловское уездное полицейское управление. Д. 420. Постановления Орловского уездного полицейского управления... — 1906-1908. ■— Л. 215.
25. Орловский вестник. — № 207. ■— 25 августа 1911 г.
26. Там же. — № 214. — 2 сентября 1911 г.
27. Орловские епархиальные ведомости. — № 50. — Орел, 1910. — С. 1405.
28. Орловский вестник. — Na 197. — 13 августа 1911 г.
29. Известия Императорской Археологической комиссии. —1911.— В. 42, приложение. — С. 123.
30. Там же. — № 214. —В. 52, приложение. — С. 72.
31. Орловская жизнь. — № 257. — 20 октября 1914 г.
32. Санкт-Петербургская Российская центральная библиотека. Рукописный отдел. Фонд В. М. Лосева.
33. Орловский вестник. — № 175. — 13 августа 1916 г.

ГЛАВА 7. Археологические исследования в Орловской губернии в 1920-е гг.

Археологические изыскания в Орловской губернии временно приостановили революционные события 1917 г. Научные исследования возобновились лишь в середине 1920-х гг. Следует отметить, что в этот период археология вышла на новый виток развития: существенно усовершенствовалась методика исследований, стали изучаться памятники всех эпох с целью создания целостной картины древней истории края, тогда как в конце XIX — начале XX в. исследователей интересовали только древнерусские курганы и городища.

Сразу после революционных событий в Орловской губернии, как и в других губерниях России, встал вопрос о сохранности памятников старины и искусства. 6 марта 1918 г. в г. Орле была создана Комиссия по охране памятников искусства и художественных ценностей, которая продолжила дело Орловской ученой архивной комиссии, ликвидированной в мае 1918 г. В нее вошли заведующий губернским музеем П. С. Ткачевский, заведующий Тургеневским музе-

ем М. В. Португалов, заведующий губернским архивом И. С. Комягинский, художник А. Л. Лаврентьев, инженер В. В. Барабанов, музейный работник Е. Н. Аболмазова. Комиссия прежде всего рассмотрела вопросы о приведении в порядок этнографического музея и о собирании предметов искусства, рассеянных по всем уездам. Последнее имело первостепенное значение, т. к. многим художественно-историческим ценностям угрожала гибель.

21 июня 1918 г. Комиссия по охране памятников старины и искусства при Совете депутатов Орловской губернии обратилась к населению с просьбой оказать ей содействие и помощь в деле охраны памятников старины и искусства, которые нужны живущим ныне и будущим поколениям как «материал и пособия для изучения и удовлетворения потребности эстетики »,' Далее в обращении говорилось: «Граждане, берегите то, что осталось от поколений, ушедших в вечность, что волновало их ум и сердце, что украшало их жизнь, берегите памятники творчества прошлого, они будут служить нам указателями хороших и плохих сторон жизни ушедших веков и руководством для будущего. Относитесь бережно к предметам-памятникам старины и искусства, в чьих бы они руках не находились, и кто бы не являлся их временным обладателем и хранителем, ибо сокровища искусства и памятники древней культуры принадлежат всем нам, принадлежат всему народу и будут служить на пользу и просвещение всего народа».[2]

В начале 1919 г. при Губнаробразе состоялось заседание Комиссии, на котором рассматривался вопрос о возобновлении деятельности в г. Орле музея. 16 февраля 1919 г. заведовать губернским подотделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины пригласили учителя Орловской советской школы № 8, профессионального художника и археолога Петра Сергеевича Ткачевского, возглавлявшего с 1918 г. коллегию по охране памятников искусства и старины при Орловском губернском отделе народного образования. В дальнейшем ему предстояло выполнить особую миссию в формировании музейных коллекций и орга-

низации музеев в губернии. С 1 мая 1919 г. он возглавлял Орловский художественно-исторический музей, проводил археологические раскопки в ряде уездов, был одним из создателей и руководителей Орловского общества краеведения. На протяжении ряда лет его помощниками были К. *Я.* Виноградов и И. И. Лебедев. В соавторстве с последним П. С. Ткачевский выпустил книгу «Город Орел» (1927 г.).[3]

В 1919 г. П. С. Ткачевскому поручили привести в должный вид губернский музей, предметы которого были свалены частью в здании с посторонними жильцами, частью находились в запертом сарае, а частью — во дворе. Несмотря на отсутствие достаточных средств, подотдел за сравнительно короткое время доставил до ста видов ценного имущества из имений, частных домов, торговых помещений и учреждений, объединил два ранее существовавших музея (губернский и церковно-археологический), собрал разрозненное военное имущество бывших музеев 141-го Можайского полка и кадетского корпуса, предметы из частных коллекций Пущина, Куракина, Лясковского, Афросимова, Мацнева, Живописцева, Воронкова и др. Музей разместился на Борисоглебской улице в бывшем доме Лясковского и имел следующие отделы: русские бытовые древности, русские церковные древности, археология и палеонтология, отдел гравюр, рисунков, эстампов и фарфора, отдел русской исторической живописи, отдел живописи иностранных мастеров, отдел новой живописи, отдел оружия и военного снаряжения, отдел прикладного искусства и кустарных изделий.

Позднее, в 1927 г., П. С. Ткачевский, оценивая роль музеев, говорил: «Главным и серьезным проводником идей краеведения на местах являются наши музеи: в Орле — историко-художественный, Тургеневский литературный, естественно — исторический и сельскохозяйственный и в уездных городах — в Ельце и Ливнах — историко-культурный, в Волхове — историко-художественный и природы, краеведческий, в Новосиле и Мценске — краеведческие. Музеи по роду своей деятельности являются собирателями и

хранителями самого разнообразного краеведческого материала. Здесь же собран материал, обработанный при содействии специалистов и в готовом виде предоставляющийся изучающим местный край, природу его и производство, экономику, искусство, историю, а также широким массам населения, являющегося в огромном количестве организованными группами в музей»/

Среди многоплановой работы в столь трудное время, когда еще в самом разгаре была гражданская война, П. С. Ткачевский запланировал обследование всех исторических и археологических местностей.

В 1921 г. П. С. Ткачевский осмотрел городище Гать и раскопал несколько курганов, расположенных недалеко от этого городища, собрал весь имеющийся архивный и печатный материал об этом памятнике археологии под Орлом, сделал обмеры, чертежи и рисунки городища и курганных могильников. Кроме того, в том же году под руководством П. С. Ткачевского было собрано подробнейшее «досье» на археологические памятники, расположенные по р. Цон иуд. Лебедка Нарышкинской волости.

Сохранился один из самых первых отчетов, составленных П. С. Ткачевским — «Краткие сведения об археологических раскопках, произведенных в 1923 и 1924 гг.».[5] Из отчета узнаем следующее:

16 июня 1923 г. П. С. Ткачевский и краевед С. С. Деев раскопали 6 курганов из 38 у с. Немиричи Брянского уезда на р. Ветьме. Найдены: 3 глиняных сосуда, 12 мастиковых бус, 17 золоченых бус, 18 стеклянных бус, 6 больших височных колец, 4 малых бронзовых височных кольца, 2 серьги, 1 кольцо, 3 бубенчика.

26 июля 1923 г. П. С. Ткачевский с краеведом Феноменовым раскопали 1 курган из 24 в урочище Роща Людиновской волости Брянского уезда. Находки: браслет, 2 ажурных перстня, 4 височных кольца и каменные бусы.

15 августа 1923 г. П. С. Ткачевский совместно с краеведом К. 51. Виноградовым раскопали 3 кургана из 45 у с. Курган Людиновской волости Брянского уезда. Находки: 2 брас-

лета, 7 бубенчиков, 2 кольца, 1 сосуд с линейным орнаментом, часть воротника и 3 медные пуговицы.

8 сентября 1923 г. П. С. Ткачевский совместно с краеведами К. Я. Виноградовым и Горбачевым раскопали 2 кургана из 25 у д. Гать Орловского уезда. В одном находок нет, в другом — кремневое огниво. Кроме того, проведены раскопки на городище Гать. Найдены кремневые осколки, глиняные черепки с линейным и ямочным орнаментом, кости животных.

5 сентября 1924 г. П. С. Ткачевский и К. Я. Виноградов раскопали 1 курган из 4 у д. Лобаново Тербуновской волости Елецкого уезда. Находки: 9 раздавленных глиняных сосудов, 1 глиняная погребальная урна, кости животных, остатки сруба,зола.

14 сентября 1924 г. П. С. Ткачевский раскопал 1 курган из 20 в г. Мценске. Находки: браслет и кольцо.

7 января 1924 г. вышел Декрет ВЦИК и СНК «К сведению краеведов (указания по вопросу производства раскопок)»/’ где говорилось, что по существующему законоположению, утвержденному ВЦИК и СНК от 1 января 1924 г., правом производства археологических раскопок пользуются лишь специалисты, получившие «Открытый лист» по мотивированным заявкам и с отзывом Государственной Академии материальной культуры. Правом археологических обследований с небольшими земляными работами пользуются лица достаточно квалифицированные, но с разрешения Главнауки Наркомпроса, в форме соответствующих именных «Открытых листов». Исключительно внешний осмотр и описание археологических памятников(обмеры, зарисовка, запись легенд и т. п.) может производить каждый краевед, но при условии сдачи в музей всех предметов древности, случайно найденных или полученных от крестьян и прочих лиц. Все нарушавшие вышеуказанные правила привлекались к уголовной ответственности.

В феврале 1925 г. заведующий губернским музеем П. С. Ткачевский на запрос Российской Академии наук посылает в Москву следующий отчет: «Орловский научно-художе-

ственный музей имеет сообщить следующее. Работа по исследованию Орловского края в отношении археологических ... памятников ведется при Орловском областном музее и губмузее. Лиц, занимающихся исследовательской работой ... насчитывается до 12-ти. С 1923 г. по 8 сентября 1924 г. (проведено) 15 археологических раскопок. В текущем году предположено произвести следующие исследования: 1. Близ г. Мценска вскрыть 1-2 последних кургана из могильника, совершенно уничтоженного обывателями для нужд хозяйственных и распаханного (могильник расположен на огородах), и исследовать городище Мценска... 2. Близ с. Лебедки Нарышкинской волости Орловского уезда вскрыть несколько курганов (погребение в урнах). 3. В д. Гать Орловского уезда вскрыть последние 1-2 кургана, разрытых кладоискателями и любителями (эти курганы под г. Орлом). 4. Исследовать городище в с. Городище Орловского уезда (бывшее Комаровского), Мерцаловское городище в с. Мерцаловка Орловского уезда и Масловское городище близ с. Маслово, в целях проверки имеющегося инвентаря и отрывочных сведений, имеющихся об этих памятниках (дневники не сохранились). Кроме того, предположено вместе с представителем главмузея тов. Виноградовым, завгубмузеем г. Брянска тов. Деевым произвести археологические раскопки в Брянской губернии, в бассейнах рек Десны, Болвы для проверки тех же сведений, о которых говорится в брошюре Шульгина... Весь разрозненный археологический материал бывшей Архивной комиссии, Орловского историко-археологического общества и позднее поступивший материал по археологии, палеонтологии и т. п. хранится в Орловском естественно — историческом музее (отдел областного музея), часть археологического материала хранится в Волховском и Елецком музеях. Группа членов вновь организованного Общества Краеведения предполагает произвести точный учет всех имеющихся археологических памятников (городищ, курганов и пр.), случайных находок, кладов, палеонтологических находок и пр., с занесением всего материала на особые карты».[7]

В мае 1925 г. П. С. Ткачевский едет в г. Москву, в Главнауку, где получает Открытый лист на право производства археологических раскопок. Кроме того, он работает в Румянцевской публичной библиотеке (ныне Российская национальная библиотека), где изучает и конспектирует работу краеведа А. Г. Пупарева «Городища и курганы в Орловской губернии». Он детально прорабатывает местонахождение каждого памятника, выписки иллюстрирует чертежами городищ и курганов с указанием их размеров. Любопытны отчеты археолога, сохранившиеся в его полевых дневниках (дневники П. С. Ткачевского хранятся во Мценском краеведческом музее) (илл. 28). Учитывая, что данные раритеты могут прочесть лишь немногие исследователи, имеющие право доступа к фондовым документам, позволим себе привести несколько страниц из дневников П. С. Ткачевского в полном виде:

«Отчет по поездке в с. Нарышкино для обследования городищ и курганов, находящихся в районе с. Нарышкина Орловской губернии. 5-8 июля 1925 г.

5 июля совместно с членом Правления Орловского Общества Краеведения С. Н. Горбачевым в 6 часов утра выехали в Нарышкино по М. Б. Б. ж. д., в 8 часов утра были на месте, где были встречены членами Кружка Краеведения. После небольших сборов группа в 18 человек направилась в д. Титово, в расстоянии 3-х верст от Нарышкина. В 1 час дня, после предварительного осмотра городища, его обмеров и фотографирования, заложили 1 пробную канавку (траншею) у юго-западной части городища, где на глубине 1 м обнаружен костяк человека, головой на запад. В насыпи встречалось огромное количество осколков глиняной посуды, костей животных и предметов обихода. В 6 час. вечера возвратились на краеведческую станцию, где в 7 час. вечера состоялось заседание Кружка с моим докладом «О задачах археологии». Доклад закончился обменом мнениями.

6 июля группа в 20 человек направилась на хутор Лозневых (в 6 верстах от Нарышкина), где на месте, называемом «Игрище», после предварительного осмотра могильника

было вскрыто 6 курганов. Вечером состоялось собрание Кружка, на котором с докладом выступил зав. школой т. Фомин на тему: «Задачи кружка краеведения », мною сделано информационное сообщение о добытом археологическом материале путем раскопок.

7 июля с утра направились в городище Мерцаловское, в 8-ми верстах от Нарышкино. Приехав в д. Городище, мы направились в овраг близ р. Цона, где в различное время было найдено несколько костей ископаемых животных. В результате осмотра была найдена плечевая кость носорога, морские раковины, окаменелое дерево и кусочек слюды. Один из крестьян предложил несколько кусков обугленного дерева, найденного при копании торфа в 3-х верстах от д. Городище. В 5 час. вечера прибыли на городище, на крутом берегу р. Цона. После осмотра, обмера и зарисовок были заложены траншеи, числом 6, давшие обильный керамический материал к истории жизни данного городища».[8]

«Отчет по поездке в с. Городище на границе с Тульской губернией для обследования городка и курганов. 1-4 августа 1925 г.

Утром на нанятой подводе я выехал в с. Городище через с. Спасское, в расстоянии 25 верст от Мценска. Проезжая мимо д. Роженец, расположенной на берегу р. Зуши, я заметил укрепленную возвышенность, оказалось, что это городище (в литературе оно не упоминается), осмотрев его и обмерив, поехал дальше. К вечеру приехал в с. Спасское, где остановился у гр. Руденского, служащего в Губполитпросвете, который оказал не только содействие, но проявил много энергии и принял активное участие в деле обследования археологических памятников.

2 августа утром была собрана группа комсомольцев, с которыми направились осматривать курганы в 1,5 верстах от Спасского. Осмотрев место бывшего здесь лет 10 назад могильника, мы заметили только 2 полураспаханных кургана, один из них нами был вскрыт, в нем оказалось погребение при обряде сожжения.

Вечером осматривал возвышенность в 0,5 версты от Спас-

ского, на правом возвышенном берегу р. Оки, находящуюся под пашней. На этом месте, как говорят об этом старики, была когда-то церковь и кладбище, теперь на небольшой глубине выпахиваются человеческие кости.

3- го, на лодке, вниз по течению р. Оки, мы совместно с гр. Руденским и врачом Соловьевым направились в с. Городище, близ которого находились курганы. Городище с внешней стороны имеет хорошую сохранность, посредине его находится церковь. С городища открывается вид на долину рек Оки и Зуши. Поднявшись вверх по р. Зуше, мы подъехали к курганам, которые расположены на возвышенном берегу р. Зуши. Осмотрев их, вскрыли 1 курган, в котором было сожжение.

4- го производил обследование на месте бывшего кладбища, где была заложена 1 траншея, обнаружившая 5 скелетов.

Вечером были заготовлены афиши с объявлением о лекции на тему: «Жизнь древнейших людей», которая прочитана при огромном стечении народа, по преимуществу крестьян. Лекция вызвала много вопросов, живой обмен которыми продолжался до 1 часа ночи.

Кроме обследования курганов и городищ, был осмотрен глубокий овраг, спускающийся в р. Зушу, в котором в разное время находили кости ископаемых животных, а близ него, на берегу р. Зуши, в 1895 г. были найдены каменный топор и долото (гр. Бейер показал эти предметы). 5-го в 5 час. утра выехал обратно во Мценск, где мне предложили осмотреть каменный наконечник стрелы и глиняную бусу, найденные между с. Городище и д. Шлыково исследователем Кромом. Предметы хранятся во Мценском музее».[9]

«Раскопки в 1926 году в Орловской губернии, произведенные П. С. Ткачевским совместно с членами Общества Краеведения.

Продолжая исследование городища в д. Титово, начатое в 1925 г., мы заложили 2 пробных траншеи — 1х2х1 метр в западной части городища, которые дали нам нижеследующие материалы: славянскую керамику с линейным и

волнистым орнаментом, кости домашних животных и птиц, куски медных прутьев неизвестного назначения и человеческий костяк на глубине 8 вершков от поверхности земли. На глубине 1 м керамика по своей форме и рисункам не представляла особых разнообразностей, а потому проследить культурное напластование не удалось. Материалом посуды была одна и та же глина с сероватым и красноватым изломом. На глубине 8 вершков костяк человека был небрежно брошен головой на запад, со сложенными руками на животе, сильно согнутой вправо головой, с подвернутой правой ногой. Под костяком найдено несколько осколков глиняной посуды. В грунте встречались угольки, признаки золы, кости не имели ритуального характера. В западной части городища, на месте сарая, обнаружено 2 костяка, при обследовании их установлено, что они положены на запад головами, на глубине 8 вершков от поверхности. По опросам местных жителей оказалось, что все ранее попадавшиеся костяки были зарыты на глубине 1 аршина. При одном костяке найдено бронзовое кольцо. При обследовании местности вблизи городка замечено большое количество костей человека, разбросанных по всем направлениям в ближайших огородах. Кости эти выпахиваются при вспашке огорода. Предположение наше, высказанное в прошлом 1925 г., что на месте Титовского городка и вблизи него было побоище, подтверждается и теми данными, которые пришлось получить в текущем 1926 г. Недостаток денежных средств не позволил нам раскопки городка поставить более широко.

В с. Городище (Комаровское) на речке Людской, близ р. Цон, нами обследован городок. Форма городка круглая, в диаметре 65 аршин, в окружности по валу — 250 аршин, высота вала до 4-х аршин, глубина рва до 8 аршин. Сохранность городка плохая (под ним добывали глину и песок). После обмеров и зарисовок на городке были заложены 2 пробных траншеи: одна посередине, другая около вала с южной стороны. На первых штыках были обнаружены черепки глиняной посуды с серым и темно-серым изломом,

здесь же встречались кости животных и птиц. На 3-4 штыках попадались те же черепки с линейным и волнистым орнаментом, кости козы, кремневый осколок (огниво). Верхний слой земли — чернозем, а нижний — суглинок. По форме и рисункам глиняных черепков культуру керамики Городищенского городища можно сравнить с культурой Титовского городища Нарышкинской волости, и это городище можно отнести к XII веку. Других предметов быта и обстановки на городке не обнаружено, а потому судить точнее о времени построения его земляных сооружений и составе его обитателей — не представляется возможным. Легенд о городке, кроме пребывания на нем Кудеяра, собрать от местных жителей не удалось. При подрывах городка, которые производили жители, последним попадались кости и какие-то предметы. О прекращении порчи городка заявлено местным властям и уисполкому. Гражданином Постниковым в 1926 г. осенью был найден на городке железный предмет, который оказался наконечником пики XVII в.

На берегу р. Цон найдено неоконченное каменное оружие раннего периода. Предметы означенных городищ хранятся в археологическом подотделе облмузея.

На хуторе Никитиных на р. Оке, близ границы с Тульской губернией. Хутор Никитиных расположен на высоком берегу р. Оки, близ с. Городища Волховского уезда. На территории усадьбы лет 15 назад имелось до 15 курганов, высотой до 4-х аршин, но в настоящее время их уцелело только 8, остальные 7 разрыты бывшей владелицей усадьбы — Лавровой, которая, по словам местных крестьян, результаты раскопок отсылала в Тулу. Нами обследован 1 курган, оказавшийся пустым, в его насыпи найдено несколько глиняных бус. В насыпи другого кургана, расположенного на берегу р. Оки (вскрытого гр. Лавровой), были найдены 3 стеклянных бусы и замечены следы золы. В насыпи большого кургана яйцевидной формы найдены осколки грубой глиняной посуды с ногтевым орнаментом. Гр. Никитиным были переданы нам предметы, найденные им случайно на пашне: каменный подвесок с дырочкой на конце, 2 нако-

нечника каменных стрел, 2 глиняных прясла, 2 небольших кремневых осколка, 2 ручных жернова из местного камня. Кроме того, в д. Шашкино на берегу р. Зуши были найдены каменный топор и долото, по определению профессора А. А. Спицына, фатьяновского типа. Установить время возникновения курганов на хут. Никитиных по случайным находкам не представляется возможным. Присутствие же на месте хут. Никитиных предметов каменного века дает основание решительно высказаться за пребывание в указанном месте человека каменного века. Инвентарь раскопок хранится в археологическом подотделе обл. музея.

Село Городище Волховского уезда. Городище расположено в 50 саженях от р. Оки, на высокой естественной возвышенности, поднимающейся над уровнем реки на 10 сажен высоты. На северной стороне, выходящей в поле, хорошо сохранились рвы и валы, которые как бы отрезывают городок от сплошной возвышенности, раскинувшейся на запад и восток. Южная сторона, расположенная к реке, оканчивается крутым обрывом. Размер: длина — 110, ширина — 94, окружность по валу — 305 аршин, вал с севера до 4-х аршин высоты, ров до 5 аршин глубины, к югу вал постепенно сглаживается. Первая пробная канава была заложена на западной стороне, вблизи другого входа, у воронкообразной ямы, имеющей диаметр 7 аршин. В грунте культурных предметов не встречалось, кроме отдельных угольков. По предположению, эта яма была сделана позднее, для нужд церковной постройки. Вторая канава была заложена на западной стороне, вблизи другого входа. Размер: 2х1, глубиной ок. 2 аршин.

Срывая пласт за пластом, обнаружили много гладкой и с линейным орнаментом керамики, кости домашних животных и птиц, кусочек стекла и железа. На всех 6-ти штыках оказался однородный материал (черепки), ввиду чего культурные наслоения определить трудно. Третья канавка была заложена на обрыве, при входе с запада, где замечены были кости человека, зольный слой и угольки. Срезав край почвы всего на 1/4 аршина, обнаружили, что зольный слой

исчез (кости человека, по-видимому, на косогор попали случайно). Судя по добытому инвентарю, сооружение городка можно отнести к XV-XVI вв.

На поле, в северной части городка, в разное время местными жителями были найдены 2 ядра и чугунная пушка около 1 м длины, переданы в Волховский музей. По окончании работ были сделаны фотографические снимки и схематический чертеж городища (илл. 29).

Сотрудником Общества Краеведения т. Хохловым позднее доставлены в г. Орел семилопастные подвески и ажурное кольцо, найденные случайно в 10 саженях от городка при рытье ямы. Предметы хранятся в археологическом подотделе обл. музея.

По дороге в Мценск, в 3-х верстах от Спасско-Шашкина, на берегу р. Зуши, был осмотрен Роженский городок, обследование которого назначено на весенний период 1927 г.».[10]

В 1927 г. П. С. Ткачевский в соавторстве с И. И. Лебедевым выпустил книгу «Город Орел». Во вступительной части авторы пишут: «В первую очередь мы даем материалы по городу Орлу. Разумеется, на исчерпывающую полноту сведений не претендуем ... т. к. существуют пробелы, которые заполнить ничем нельзя — источники уничтожены или исчезли (например, в 1737 г. пожаром уничтожены дела Орловской Приказной избы, сосредоточивавшей в себе всю переписку и отчетность по воеводскому управлению; в вихре революции погибли многие ценные архивы как старинные, так и новейшего времени и т. п.). Сохранившиеся архивы еще не приведены в порядок... Но мы даем возможное и доступное нам».[11] В книге поднят вопрос о древнейшем населении Орловского края: «Археологические раскопки говорят нам о том, что человек обитал в центральной России еще в четвертичный геологический период, т. е. еще в то время, когда он только что вышел из животного состояния и превратился в так называемого первобытного человека. (Раскопки у с. Губкина Малоархангельского уезда в 1899 г., когда были найдены останки северного оленя, пещерного медведя и человека).

Такие же раскопки дают основания полагать, что в Орловской губернии были киммерийцы — народ, живший тут за 2000 лет до н. э., т. е. почти 4000 тысяч лет тому назад. Свидетельства древних историков и географов (Страбон, Геродот и др.), подкрепленные археологическими находками, говорят нам о том, что и после киммерийцев, ушедших под напором новых пришельцев в другие места, в Орловской губернии жили люди — скифы, потом сарматы. Русские летописи говорят о том, что тут жили вятичи. Целый ряд городов Орловской губернии ... упоминаются в летописях в начале XII века.

...Верхнее течение р. Оки, на котором расположен Орел, покрыто многочисленными курганами — могильниками, городищами, селищами, дворищами, свидетельствующими о пребывании здесь человека... В самом Орле, однако, не обнаружено этих курганов, нет непосредственных доказательств пребывания человека в давно прошедшие времена именно на том месте, где стоит Орел. Но странно было бы ожидать обнаружить в самом Орле какой-либо курган: город подвергался перепланировке, несколько раз перестраивался после крупных пожаров, при которых выгорали значительные его части. Не производились в Орле и раскопки, ибо они были связаны с нарушением интересов частных лиц, при производстве же различных земляных работ разными ведомствами, если и попадались какие-либо предметы, то, как не представлявшие материальной или художественной ценности, они не обращали на себя внимание. Кроме сего, до 60-х годов прошлого столетия археологических исследований, поставленных научно, вообще не было.

Во всяком случае, отсутствие в Орле курганов и вещественных доказательств из раскопок или находок на его территории еще не говорит, что здесь не жили люди ранее 1564 г.

...Итак, город Орел возник в конце 1564 года, но первоначальная его заселенность теряется во мраке веков».[12]

Авторы рассматривают целый ряд вопросов по истории Орла, таких как: почему Орел стал городом; Орел — крепость,

торговый пункт, центр губернии; город в XVIII-XIX вв.; публикуют список памятных дат по истории Орла.

Повествуя о различных исторических событиях, связанных с историей Орла, авторы делают вывод, что «чтобы уважать, т. е. ценить тот или иной памятник прошлого, необходимо знать его историю, а для того, чтобы знать, надо изучить относящиеся к данному вопросу материалы — в крайнем случае, ознакомиться с историческими описаниями его». [13]

Историю Орловского края П. С. Ткачевский на протяжении ряда лет изучал самыми различными методами: работа в архивах, с памятниками на местах, опрос старожилов и сбор всего имеющегося материала о конкретном памятнике, но главное внимание при исследовании древнего периода жизни в крае он уделял археологическим раскопкам. Последним годом археологических исследований на Орловщине для П. С. Ткачевского стал 1928 г. В сентябре он совместно с археологом Мазиным и членами археологического кружка обследовал запаханный курган у Д. Титове — Мотыка и ряд археологических памятников вокруг пос. Нарышкино.

В своем отчете он писал: «20 сентября 1928 г. утренним поездом выехал в Нарышкино, прибыл в 10 часов. Члены археологического кружка, ученики и администратор школы были оповещены заранее, поэтому все были в сборе. Седьмая (старшая) группа была предоставлена руководителями на все время работ и снабжена достаточным количеством лопат.

Перед школой я провел небольшую беседу с участниками раскопок, в 11 час. 30 мин. тронулись в путь. План работ был следующий. Достичь хутора Лознева (в 5 верстах от Нарышкино), где раскопать один из небольших курганов, работу закончить засветло и отправить обратно одну группу учащихся, а с другой группой отправиться в с. Городище (в 12 верстах от Нарышкино), где переночевать, а на следующий день провести работы по берегу р. Людской и на Городище. Работы в с. Городище закончить в 12 часов дня, с

тем, чтобы учащиеся могли вернуться в школу на занятия в 3 часа, а в 5 часов — участвовать на работах у д. Титово-Мотыка, что в версте от п. Нарышкино. Эти работы разведочного характера являлись последними, и руководители отбывали в 21 час поездом в Орел. Намеченный план был полностью выполнен.

Результаты работы. Близ хутора Лознева раскопан 1 курган 3 х 3 м, глубина на 3 штыка. Найдены 4 горшка с пережженными человеческими костями. Стояли по два, сохранность хорошая. В одном из горшков была мужская железная пряжка. Погребение относится к VIII — IX вв. и является единственным памятником трупосожжения в Орловской области. Предметы переданы в местный школьный краеведческий музей, кроме горшка № 1 (с пряжкой) — его — в Орловский естественно-исторический музей, в археологический отдел. Сделаны 2 фотоснимка и зарисовки.

Раскопки на берегу р. Людской. По указанию местного краеведа т. Постникова, находившего случайные находки на берегу реки, часть которых хранится в Орловском музее (каменные орудия), заложены были шурфы в нескольких местах на 1-2 штыка, на кукурузном поле. Найдено: 2 куска обуглившегося дерева со следами обработки, 2 челюсти и кости мелких животных. Высокий уровень воды не позволил обследовать дно реки. Часть предметов передана Нарышкинскому музею, часть — Орловскому.

Раскопки городка при с. Городище. На верху городка заложен шурф: 5 м длины и 75 см ширины, глубиной 3 штыка. Найдены: кости мелких и крупных животных, керамика с серым и красным изломом, с линейным и ногтевым орнаментом. Датируются XIIHXV вв. Находки переданы в Нарышкинский и Орловский музеи. В 1926 г. на этом городище т. Постников нашел наконечник железной пики (хранится в Орловском музее).

Работа на кургане близ с. Титово. Заложен шурф 6 х 1 м и на 3 штыка в глубину. Копали колодцем, на 1 м в глубину. Погребение в срубе (типа Елецких курганов). Для раскопок потребуется 2 дня и рабочая сила 10 человек, т. к. необхо-

димо срыть площадь 8 х 8 м до материка и подрыть в нем сруб. Сделаны снимки».[14] .

Уникальные открытия были сделаны во второй половине 1920-х гг. на Брянщине — здесь обнаружены самые северные (в то время) палеолитические стоянки на территории Европы.

В 1926 г. П. П. Ефименко начал раскопки позднепалеолитической стоянки у с. Супонево на р. Десне, где выявил два типа жилищ: зимние — углубленные в землю, с очагами и конструкциями из бивней, черепов и длинных костей мамонта; летние — без очагов, с конструкциями из крупных костей мамонта. В наборе кремневых орудий преобладают резцы, скребки, проколки и пр. Обнаружены также наконечник дротика, иглы, бусы, браслеты из кости и рога. Некоторые костяные предметы покрыты геометрическим орнаментом.

В связи с этим газета «Брянский рабочий» (14.07.1927 г.) писала: «Закончились раскопки в районе с. Супонева, которые в этом году продолжались 14 дней, начавшись 24 июня. Раскопки, по примеру прошлого 26 года, производились комиссией, назначенной главнаукой, в составе начальника экспедиции профессора Б. С. Жукова и декана физико-математического факультета профессора Г. Ф. Мирчинка и зав. Брянским губмузеем С. С. Деева. Кроме этих лиц, в раскопках приняли участие студенты I Московского университета, по специальности —■ геологи и археологи, и брянские краеведы.

Раскопки посетили экспедиции: из Орла — проф. В. Н. Хитрово, из Смоленска — антропологический отряд под руководством Н. И. Лебедевой, из Москвы — проф. С. А. Добров, из Минска, от института Белорусской культуры — научный сотрудник К. М. Поликарпович и аспирант Московского университета Г. П. Сосновский. Проявление интереса к раскопкам в с. Супоневе со стороны иногородних научных учреждений и лиц объясняется исключительным по научной важности значением нашей стоянки.

Раскопки проводились в несколько меньшем масштабе,

чем в 26 году. Было вскрыто ок. 40 кв. м площади. Но результаты раскопок весьма значительны. Кроме большого количества кремневых орудий и остатков животного мира, экспедиции посчастливилось добыть значительное количество орудий и предметов украшений из кости мамонта. Найдены костяные наконечники копий и костяной пояс. Кремневые орудия ничего нового, в сравнении с прошлым годом, не дали. Находка двух зубов шерстистого носорога, прекрасной сохранности, окончательно установила его наличие среди животных, которые когда-то населяли район нынешнего Супонева. Было найдено много костей мамонта, кости первобытной лошади, первобытного быка, северного оленя, шерстистого носорога, волка и песца. Разрозненность костей и отсутствие некоторых из них служит доказательством того, что охота происходила где-то на стороне, а на место стоянки приносились только отдельные части. Каким образом первобытный супоневский человек мог убивать такого громадного и сильного зверя, каким был мамонт, сказать определенно трудно. Можно догадываться, что первобытные люди выходили на охоту большими толпами, рыли ловчие ямы, которые сверху маскировались, загоняли туда мамонтов, и уже в ямах, — добивали. Сравнительно незначительная величина кремневых орудий говорит за то, что кремневые орудия не служили для охоты. Вероятно, пользовались естественными камнями значительной величины.

Раскопки настоящего года дали интересную находку — длинную трубчатую кость крупного животного, вероятно, первобытного быка, с отверстием на конце. Прошлогодняя раскопка дала несколько крупных костей мамонта также с отверстием. Возможно, что первобытный человек пользовался этими костями, как палицами. Был найден также обработанный кусок бивня мамонта, в виде большого кузнечного молота.

Находки оббитых костей (клыков) мамонта дают возможность установить, что человек широко пользовался костью при изготовлении для себя орудий и предметов укра-

шений. В одном из раскрытых очагов было найдено ожерелье, состоящее из тонких круглых и квадратных пластинок, с отверстием посредине. Найдено несколько костяных иголок, величиною и толщиною с современную штопальную иглу, значит, древний супоневский человек занимался шитьем.

Громадное количество костей, расположенных вокруг очагов в известном порядке, рисует до некоторой степени картину быта первобытных людей. Первобытный человек прежде всего — охотник. Охотился по преимуществу за крупными животными, мамонтом, носорогом, лошадью, первобытным быком и северным оленем. Наличие костей северного оленя и песца указывает на суровый холодный климат. Человек грелся у своих очагов, явные следы которых были обнаружены раскопками, и шил себе платье костяными иглами из шкур убитых животных. Супоневская стоянка еще не исчерпана. Возможно, что к разработке ее вернутся еще не один раз...».[15]

В 1927 г. М. В. Воеводский обнаружил на р. Десне еще одну позднепалеолитическую стоянку, теперь у д. Тимоновка, которую позже, в 1929-1933 гг., обследовал В. А. Городцов. Были обнаружены очаги, кострища, площадки для обработки кремня, конструкции из крупных костей мамонта, изделия из кремня, костей и бивней мамонта. Интересны бивни мамонта, гравированные ромбическим орнаментом. Стоянка датирована 10 тысячелетием до н. э.

Журнал «Вокруг света» (апрель 1934 г.) сообщал о раскопках тимоновской стоянки: «...Вот уже пятый год, как идут раскопки так называемой «Тимоновской палеолитической стоянки», обнаруженной в окрестностях г. Брянска. Особенно ценны результаты, полученные за истекший год. Помимо земляных ям, куда прятался от непогоды пещерный человек, вскрыты кладовки и даже целая мастерская кремневых орудий.

Оказалось, что лагерь древнего человека занимал площадку в 24 тыс. кв. м. Из них покамест исследовано немногим более тысячи кв. м, но и этого оказалось достаточно, чтобы собрать колоссальную массу древних предметов. Рас-

копки нынешнего года дали 42 тыс. находок, и, таким образом, тимоновская коллекция увеличилась до 105 тыс. экземпляров. Здесь найдены рубанки, долота, отбойники, наковальни, скребки, резцы и пр. Все это — из камня... В небольших количествах найдены костяные изделия — иглы, шила, ножи и пр. Обнаружены незатейливые украшения тогдашних «модниц» — ракушки, служившие для ожерелий, костяные палочки и пр. Установлено, что палеолитический человек знал и умел пользоваться красками. Куски ее, цветом напоминающие современную синюю, обнаружены среди других находок... Находки доставлены в Ленинград, в Академию истории материальной культуры и в Академию наук. Они внимательно и тщательно изучаются». [16]

В 1930 г. К. М. Поликарпович обнаружил и потом ряд лет раскапывал две позднепалеолитические стоянки (15-10 тысячелетия до н. э.) у д. Елисеевичи. Здесь впервые были открыты остатки жилищ, при сооружении которых использованы крупные кости и черепа мамонтов. Находки представлены кремневыми резцами, скребками, проколками, пластинами и пр. Многочисленны орудия из кости, рога и бивня — землекопалки из ребер мамонта, кинжал, наконечники копий, лощила, рукоятки, иглы и шилья. Особый интерес представляют орнаментированные костяные пластины, изображения рыб, головка животного, фигурки мамонта и женские статуэтки.

В 1930-х гг. по материалам Деснинской экспедиции Института истории материальной культуры М. В. Воеводский выделил деснинскую мезолитическую культуру.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Орловские известия. — № 97. — 21 июня 1918 г.
2. Ткачевский П. С., Лебедев И. И. Город Орел. — Орел, 1927.
3. Ткачевский П. С. Музеи, как проводники идей краеведения. Бюллетень Орловского губернского бюро краеведения. — № 1. —Орел, 1927.— С. 15.
4. ОКМ. Фонд № 30145.
5. Там же. — С. 20.

6. Там же. — С. 20-а.
7. Мценский краеведческий музей. Фонд № 2719.
8. Там же.
9. Там же.
10. Ткачевский П. С., Лебедев И. И. Город Орел. — Орел, 1927. — С. 3-4.
11. Там же.
12. Там же. — С. 2.
13. ОКМ. Архив. Д. 334.
14. Брянский рабочий. — № 158. — 14 июля 1927 г.
15. Вокруг света. — №4. — Апрель 1934 г. — С. 31.
16. Там же.

ГЛАВА 8. Археологическая деятельность Орловского губернского краеведческого общества во второй половине 1920-х гг.

Вернемся в середину 1920-х гг. В 1925 г. было создано Орловское губернское общество краеведения, в котором к 1927 г. насчитывалось 850 человек. Оно проводило губернские краеведческие конференции, имело свой печатный орган, выходивший тиражом 500 экземпляров — «Бюллетень Орловского губернского бюро краеведения», издававшийся в 1927-1928 гг. В самом первом номере «Бюллетеня» говорилось, что Орловское губернское бюро краеведения «выпуском «Бюллетеня» приступило к выполнению давно назревшей потребности в печатном органе, способном служить объединению многочисленных краеведческих сил, рассеянных по всем уголкам губернии... Редакция надеется, что краеведческие организации и отдельные краеведы позаботятся о том, чтобы «Бюллетень» сделался действительно отражением краеведческой работы, чтобы каждый шаг краеведческих изысканий был бы отмечен на страницах «Бюллетеня ».'

И этот призыв был услышан и поддержан. В «Бюллетене » печатались такие известные краеведы того времени, как

П. С. Ткачевский, П. М. Воскресенский, И. Н. Фомин, В. В. Понятовский, П. В. Малашенко, В. Глаголев, А. И. Куренцов, В. Ф. Лебедев, Г. И. Шабанов и многие другие.

Важное место в деятельности краеведческого общества уделялось археологии края. В «Бюллетене» за 1927 г. П. В. Малашенко (илл. 30) публикует статью «Как вести собирание материала по геологии, палеонтологии, археологии и ботанике», где об археологии пишет: «Орловским государственным краевым естественно-историческим музеем, находящемся при губернском Доме крестьянина, собрано от посетителей с мест — крестьян, сельских учителей, совслужащих и других лиц, около 500 заявок о находках ... являющихся ценным краеведческим материалом. Это толкает Орловское губернское бюро краеведения на мысль, что подобным путем можно значительно подвинуть дело изучения края, а потому оно обращается к гражданам нашей губернии с просьбой усилить количество подобных заявок, а при возможности сбор и доставку в музей интересных предметов по археологии. Археологическая наука изучает памятники древнего человеческого быта, искусства и вообще страны. К отделу археологии относятся сведения: о городищах, курганах, старинных постройках, остатках земляных валов, древних стен, башен, жилья, старинной утвари, хотя бы части, куски ее. К этому отделу относится оружие или обломки его, монеты (желательно прилагать оттиски на бумаге), рукописи, хотя бы и изорванные, части их, переписка, портреты, фотографии исторических лиц, найденные в земле клады, горшки с деньгами, целые, а если разбитые, то желательно собрать все черепки в бумагу, тряпку; кремневые предметы — стрелы, копья, топоры, молотки, целые или части их, изделия из костей животных, глины, меди, бронзы, железа, посуда медная, найденная в земле и т. п.» [2]

П. С. Ткачевский публикует копию своего дневника раскопок, произведенных им совместно с членами общества краеведения — «Раскопки в 1926 году в Орловской губернии» («Бюллетень» за 1927 г.). В этом же номере член Рус-

ского географического общества П. Н. Кузнецов помещает статью «К сведению краеведов» с инструкциями по вопросу производства археологических раскопок.[3]

Учитывая тот факт, что большую часть населения Орловской губернии составляло крестьянство, П. В. Малашенко публикует статью «Участие крестьянства в накоплении краеведческого материала », в которой, в частности, пишет: «По условиям моей работы заведующего Государственным естественно-историческим музеем с сельскохозяйственным отделом при Орловском губернском доме крестьянина в течение трех лет мне представилась возможность, проводя беседы с крестьянами, которых за это время прошло через музей более десяти тысяч человек, несколько познакомиться с этой преобладающей частью населения Орловского края. Крестьянство хранит уже, накопляет и будет накоплять по роду труда очень многие краеведческие ценности».[4] Например, запись из дневника П. В. Малашенко от 8 октября 1926 г.: «Крестьянин Николай Иванович Перелыгин, хутор Нижний Лавровской волости Орловской губернии и уезда. 6 октября прокладывали на полугоре дорогу от берега р. Рыбницы. Место называется «Крутое», нашли каменный топор (хранится в археологическом подотделе естественно-исторического музея, пожертвован тов. Перелыгиным). В этом месте, где найден каменный топор, начинается зольный слой в палец толщиной и тоньше и идет вглубь горы».'

П. В. Малашенко делает вывод: «Чтобы упорядочить учет сырого краеведческого материала на местах, необходимо его систематически записывать немедленно по выявлении... Даже самые из кратких — краткие дневники — драгоценны, в этом легко убедиться в процессе краеведческой и других работ».[6]

В июне 1927 г. в Орле проходила III губернская краеведческая конференция, в резолюции которой было записано: «Придавая чрезвычайно важное значение археологическим памятникам как источникам, таящим в себе материал для определения аборигенов края, Культурно-историческая секция предлагает краеведам:

1. Доводить до сведения ближайших музеев все полученные ими данные об обнаруженных новых городищах и курганах, а находимые предметы каменного, бронзового и древне-исторического века сдавать в музей.
2. Ознакомиться с разосланной на места брошюрой профессора Спицына об археологических разведках, а для распознания керамики, часто находимой на поверхности городищ, использовать археологический материал, хранящийся в Орловском естественно-историческом музее (илл. 31—33).
3. Провести на местах широкую агиткампанию о значении памятников археологии, организовать среди учащейся молодежи вообще и среди крестьянства в особенности краеведческие ячейки.
4. Изыскать на местах необходимые денежные средства для популяризации археологии путем постановки докладов-бесед с приглашением для этой цели специалистов».[7]

По вопросу об охране археологических памятников конференция постановила:

«Для сбережения культурных ценностей всем краеведческим организациям Орловской губернии оказывать всякое содействие местным музеям в деле охраны памятников искусства старины, народного быта... Открыть на местах беспощадную борьбу против спекулянтов, скупающих предметы музейного значения, обращаться в случае необходимости за содействием в этом деле органов ГПУ. Всем уездным организациям и ячейкам выразить пожелание взять на учет все памятники старины и немедленно извещать Губернское Бюро в случае их разрушения. Организовать на местах ряд популярных лекций о значении культурных ценностей...».[8]

Летом 1927 г. группа орловских краеведов предприняла путешествие по р. Оке на весельной лодке. Отчет об этом был напечатан в «Бюллетене» № 2 за 1927 г. — «Краеведческая экскурсия на лодке из Орла вниз по Оке до Паслова и обратно». В нем говорилось: «Летом 1927 года группа орловских краеведов в составе заведующего музеем учеб-

ных пособий В. Ф. Лебедева, преподавателей и любителей Ф. Ф. Руднева, В. А. Ильинского, Е. В. Миленушкина и Г. И. Шабанова совершила экскурсию от Орла вниз по Оке на гребной лодке... Каждый участник избрал себе определенную, наиболее интересующую его отрасль наблюдения. Во время пути велись археологические, этнографические и ботанические наблюдения. Осмотрен и измерен ряд городищ и курганов на левом берегу Оки и правом берегу Оптухи. Записи сопровождались фотографированием и черновыми набросками в дневнике. Всего за неделю с 3 по 10 июля пройдено на веслах 50-60 км. Выполнен следующий намеченный маршрут: по Оке — селения Щекотихина, Лужна, Плещеево, Пашково, Гонючее, Тайное, Вязки, Цветынь, Саньково, Хрыки, Паслово и обратно тем же путем, с заходом на реки Оптуху и Неполодь. Часть экскурсии из д. Саньково ходила пешком на р. Оптуху в д. Черемисину, где, по слухам, было интересное в археологическом отношении городище »?'

Отчет об исследовании археологических памятников был составлен Г. И. Шабановым. Он писал: «Река Ока еще в глубокую старину была местом становищ и сельбищ древних обитателей Орловского края. До прихода славян на берегах Оки и ее притоков жили финские племена, занимавшиеся охотой в дремучих орловских лесах и рыболовством. И само слово Ока — финское слово, что значит «вода» или «быстрая вода». Следы этих древнейших поселенцев, и в особенности следы сторожевых поселений, связанные с татарскими набегами, смутным временем, кое-где остались на берегу реки Оки, которая, как известно, была пограничным рубежом и серьезным препятствием для врагов Московского государства.

Эти остатки былого сохранились в иных местах в форме городищ, кругов, курганов. И с именем этих руин связано много поверий и легенд. Здесь и легенды о богатырях и лихих людях, разбойниках и французском нашествии, и о крепостном праве. Все это переплелось в памяти народной и покрылось наносами, которые отделит и вскроет исследователь будущего.

Первое крупное городище по Оке было встречено у самого западного конца д. Гонючее (12 км от Орла). Городище у д. Гонючее имеет овальную наклонную форму, являясь в старое время оборонительным укреплением. По данным предшествующих исследователей, городище относится к XV—XVI вв. и имеет назначение опорного пункта, наряду с другими городищами, окружающими Орел и защищающими его от татар и ногайцев. Городище находится на нагорном левом берегу Оки при впадении в нее оврага. С него виден Орел, Московско-Курская железная дорога и ряд деревень, лежащих на луговой правой стороне Оки. Кольцевой размер городища 45 х 50 м. Окружность — 180 м. Высокий вал и глубокий ров со стороны поля, равно как и все городище, сохранились великолепно. Интересны версии о происхождении названия деревни Гонючье. Первая версия та, что выселенцы из с. Мезенки (находится в 5 км) во время смутного времени образовали поселок Гонючье. В смутное время поляки и шайки самозванца сожгли церковь и с. Мезенку и «разогнали» крестьян. Жители бежали, спасаясь, кто куда. Иные ушли к востоку в дремучий лес, что шел по Оке и образовали починки «Гонючье», «Тайное». Здесь «разогнанные» «таились»в лесах.

Вторая версия та, что в городище была царская застава Московского государства и при появлении татар с этой заставы гонцы «гнали» в Орел к воеводе с предупреждением об опасности. От слова «гнали», «гонцы» и произошло название деревни Гонючье.

Следующее встреченное на пути нашей экспедиции было городище у с. Цветынь, в 16 км от Орла по реке и в 5 км от Гонючьинского. Оно находится при впадении р. Цветынки на высоком нагорном левом берегу Оки под углом 45 градусов. Окружность вала 125 м.

Диаметр 26 х 40 м. Ров, начинающийся с запада и идущий к югу, равен 38 м. Городище имеет форму круглой плоской террасы. Оно покато к юго-западу. Частью разрыто. Высота над уровнем реки 80-100 м. Занимая, подобно Гонючьинскому, командное положение над местностью, Цветын-

ское городище имело тоже военное оборонительное значение. С него видны на севере станция Песочная и д. Вязки... Название «Цветынь» произошло от роскошных цветущих лугов и балок, здесь найдены остатки степи. На самом городище находится усадьба крестьянина Правоторова, который передал железный наконечник копья (XVI век), найденный им при рытье колодца. Здесь находили кости и рога домашних животных, каменный ручной жернов и монеты с надписью «гривенник».

Как о Гонючьинском, так и о Цветынском городище, которое в народе носит название «круга», крестьянин-однодворец д. Тайное Андрей Федотович Плахов, 73 лет, сообщил следующее: «На этих городищах, в незапамятные времена, жили богатыри и, когда им понадобится, они кричали и друг дружке перекидывали чугунные топоры».

Продвигаясь дальше, мы нашли между с. Паслово и д. Кокориной, недалеко от Оки, на левом берегу, 3 кургана. Вот приблизительные обмеры курганов у д. Кокориной в 30 км от Орла.

Зеленый. Окружность 36 м, диаметр 9 х 9 м. Высота насыпи около 2 м. Над поймой реки около 10 м. В середине кургана яма 2 х 2 м и глубина 1,5 м. Грунт суглинок. Курган стоит среди черного поля, как большая зеленая горка.

Запаханный. От первого кургана в 35 м. На пашне между ними найдены кремни и черепки из грубой глины. Размер кургана такой же, как и Зеленого.

Разрытый курган. Находится к северо-западу в 45 м от последнего. Он не запахан. Окружность 42 м. Диаметр 10 х 10 м. Высота 1 м. Курган разрыт и имеет в середине яму 9 х 9 м. Говорят, крестьяне искали клады.

Все эти 3 кургана находятся на левом берегу р. Оки в 250 м от реки. Говорят, что это могилы богатырей и что в них зарыто «экономическое добро» помещика Орлова-Давыдова, вотчина которого находилась недалеко, у с. Паслова...

По слухам, подобные курганы находятся в километрах пяти при «Хохлацких» выселках по р. Оке, а у с. Жукова, еще ниже, находится городище. Но за недостатком време-

ни и потому, что идти дальше по Оке не входило в план нашей экспедиции, мы пока оставили без осмотра эти памятники старины и стали возвращаться назад. По р. Оптухе на лодке пробраться не удалось к д. Черемисиной. Пришлось остановиться у д. Саньково, а части экспедиции отправиться пешком в д. Черемисино для осмотра городища. Придя днем в с. Богослово или Блудово, а затем в Черемисино (название этих деревень произошло от вотчин помещиков графа Блудова и генерала Черемисина), мы отправились осматривать древний погост и городище у Черемисино. Городище у названной деревни находится в 7 км от впадения Оптухи в Оку, в 5 км от с. Блудова, на высоком берегу р. Оптухи. Городище имеет яйцевидную форму, наклонено узкой частью к юго-западу и имеет со стороны поля двойной вал. Окружность городища с одним валом 170 м, диаметр 60 х 45 м. Вал первый — 5 м ширины и 1,5 м высоты, длина 50 м. На нем имеются 2 небольшие ямы. Длина первого рва — 110 м, ширина 3 м. Длина второго вала — 100 м, ширина — 2 м, высота около 4 м. Глубина второго рва — 1,5 м, ширина 3 м, длина — 90 м. Высота городища над уровнем реки — 13 м. Угол отклонения 60 градусов. Грунт— земля, глина, камень. Сохранилось хорошо. Раскапывалось любителями до революции — местными помещиками Максимовским, Полибиным и крестьянами, искавшими клады.

К востоку от городища находится кладбище в 50 саженях. Плиты заросли землей, а к северу, на бугре, яма, в которую будто бы провалилась когда-то церковь. Размер 3 х 4 м, глубина 4 м... Среди черемисинских крестьян имеется очень много легенд о городище и погосте. Говорят, что первое было приютом разбойников еще во время царя Михаила Романова, и что разбойники, грабя почты у Большака, что шел в 2-х верстах в стороне, прятались в городище, унося с собой туда награбленное. В окрестностях погоста и городища и на нем самом находили кладоискатели случайно костяки, черепа, монеты елизаветинского и екатерининского времени («котля с деньгами»), У Гремучего ручья, что проходит у городища, впадая в Оптуху, найдены глиняные трубки.

О городище сообщает предание черемисинский крестьянин Иван Дмитриевич Ивашов, 60-ти лет: «Был у нас разговор, что в Сибири был из деревни нашей один в тюрьме, и там тюремщик сказывал, что в городище есть два хода — один с сбруей, а другой с разными вещами. Раньше тут грабежи были и сюда прятали. Лихие люди грабили в Липовом верху. Там была почта. А около Черемисино и до Домнино сквозь шла тайга, и когда в Домнино был царь Михаил, то у этой тайги поляки и зарубили Сусанина... Недалеко от городища была церковь в яме огромная, и что супротив колодца лежат клады, и колодезь этот есть святой — он оберегает старые вещи, и что, наконец, самолично он видел, как горит свеча у городища: «Еду я из города, она и горит повыше колодца». Этот старик говорил и про «гулы», что слышны в провальной яме, где исчезла церковь.

После Черемисинского городища мы возвратились назад в д. Саньково, а затем в Орел тем же речным путем».[10]

Активная работа Орловского губернского краеведческого общества продолжалась до 1928 г., когда в стране начали происходить резкие перемены в отношении к старым кадрам интеллигенции. Их обвиняли в идеализации прошлого, монархических настроениях. В «Бюллетене Орловского губернского бюро краеведения » этого времени можно было прочесть: «Все эти шапки Мономаха, Василии Блаженные, кресты и иконы полезнее не для любопытства. Ибо от любопытства — любование, от любования к умилению, от умиления — приверженность, а это порядочный обломок консерватизма, ненужный и вредный».[11]

В Орловской области, как и практически везде в стране, происходит разгром краеведения, закрываются краеведческие организации, прекращают свое существование краеведческие печатные органы. Вынужден был уехать из Орла в Москву замечательный краевед и талантливый археолог Петр Сергеевич Ткачевский. Он был арестован 27 марта 1931 г. в Москве, где работал научным сотрудником по подготовке кадров в Высшем совете народного хозяйства, и на 3 года выслан в северный край.

11 Заказ №3877

2 февраля 1931 г. арестован Иван Иванович Лебедев, который в 1920-е гг. работал научным сотрудником губернского архивного бюро, был секретарем Орловского губернского краеведческого общества, в момент ареста работал научным сотрудником в антирелигиозном музее. Он был отправлен на 10 лет в концлагерь, где в 1937 г. был вторично осужден (за «антисоветскую пропаганду») и расстрелян.

2 февраля 1931 г. арестован и выслан на 5 лет в лагерь Петр Васильевич Малашенко, работавший заведующим отделом музея в г. Орле, один из организаторов краеведческого движения в губернии.

18 февраля 1931 г. арестован и впоследствии расстрелян Владимир Васильевич Петиков, являвшийся ученым секретарем Орловского губернского бюро краеведения.

7 марта 1931 г. в г. Москве арестована и выслана на 3 года в Казахстан Вера Михайловна Викторова, которая в 1920-е гг. была хранителем Тургеневского музея в г. Орле.

И этот список можно продолжать. Оставшиеся на свободе краеведы чувствовали непрочность своего положения и старались избегать всякого участия в общественной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бюллетень Орловского губернского бюро краеведения. — № 1, — 1927.— С. 1.
2. Там же. — С. 19-20.
3. Там же. — С. 22-24.
4. Там же. — С. 24.
5. Там же. — №2. — С. 9.
6. Там же. — С. 12.
7. Там же. — С. 15.
8. Там же. — С. 49-50.
9. Там же. — С. 50.
10. Там же. — С. 17-20.
11. Тамже. — № 4. — 1928, —С. 22.

ГЛАВА 9. Археологическая деятельность Орловского краеведческого музея в 1930-1940-е гг.

Археологические исследования в области были приостановлены на длительное время. В 1930-е гг. ведутся лишь случайные поиски и сбор археологической информации, которая концентрировалась в Орловском областном краеведческом музее, разместившемся с 1932 г. в здании Торговых рядов.

В мае 1930 г. в Орловский краеведческий музей пришло письмо от директора музея народного образования Новосильского района В. Н. Глаголева об открытии нового городища в урочище Калмыков верх у д. Воздвиженки Студенецкого сельсовета Верховского райисполкома Орловского округа: «Заявка гражданина д. Воздвиженки Александра Максимовича Исаева о существовании подвала в одном из верхов, прилегающих к д. Воздвиженке, и о камне с надписями, которые относятся к народным преданиям, связанным с известными урочищами. О так называемых «разбойных кладах» в Новосильском крае немало сказаний, преданий и вымыслов, как, например, о карете с золотом, зарытой в «разбойном верху» около с. Корсунского-Раклино, бывшего Малоархангельского уезда, ныне Верховского района. Об этом имеется предание былинного стиля. Заявка Исаева, конечно, не открывает ни подвала, ни сорока бочек золота (число обычное для всех кладов), но приобщила еще одно городище, о котором не было известно, и которое оказалось не на берегу р. Зуши, как Новосильское, Воротынцевское и Петровское, а на суходоле. Прежде чем приступить к описанию указанного Исаевым городища, назову его «Калмыкове городище», т. к. верх, в котором находится оно, называется Калмыков верх — часть Большого верха, который подходит к выселкам от д. Воздвиженки. Прежде опишу народные предания, связанные с Калмыковым городищем. Здесь был когда-то разбойничий притон, но в народе не сохранилось имени атамана и деяний, совершенных им.

Был виден подвал и у входа его лежал камень с надписями. Лет 60 назад крестьянин д. Троицкого привез этот камень к своей хате и положил у порога. Священник с. Мохового (имя и фамилия неизвестны) заинтересовался камнем, привез его к себе и прочитал неизвестные никому надписи, которые свидетельствовали о кладе в 40 бочек золота. Народная молва говорит, что у одного из крестьян имелся список драгоценностей, хранящихся в подвале, и указывалось, как достать этот клад. Находились любители отыскать клад, копали, но ничего не нашли. В последнее время досужие люди, а вместе с ними и Исаев, вспомнили о кладе. Пробовали копать, но дальше аршина вглубь не пошли. Исаеву же пришло на ум донести Главнауке, в надежде, что с ее помощью этот клад можно найти скорее. Когда въезжаешь в Калмыков верх, то направо, по склону, невольно примечаешь выступы, вернее насыпь, где видно несомненно деяние рук человеческих. Это совсем непохоже на оползни, которые встречаешь впереди городища. Необычности и форма этого возвышения и место, занимаемое им, говорят за остатки городища. Оно улеглось по правой стороне склона, перерезает верх до самого дна и далее уступает место обычному пологому скату... Старожил Милославский говорит, что здесь был сторожевой пункт от нашествия татар, от того урочище получило название Калмыков верх. Татары двигались к Новосилю от Ефремова, Ельца и Ливен именно в этом направлении, о чем говорит история края. Такое предположение вернее народных преданий... В летописи Ушакова о Новосильском крае, относящейся к 1784 г., упоминается о старце Аврааме, основателе монастыря на «Елецкой тропе», у притонной ямы разбойников. Эта яма сохранилась и доныне (в версте от д. Кресты), помещалась у большака на Ефремов и Елец. Здесь-то Авраамий заложил монастырь. Атаман шайки становится сподвижником старца и ходит в Новосиль (12 верст) просветлять вятичей, населявших этот край. Яма эта называлась и до сих пор называется Печорами. Здесь замучен князь Роман Новосильский татарами после неудачной трехдневной битвы у Ливенского большака.

Осматривая местности от Печор, видим несколько верхов и впадин, удобных по тому времени в стратегическом отношении. Калмыков верх, закрытый тогда лесами, находится на возвышенности, почему и весь окружающий район называется Верховье. Татары, нападая на Новосильский край, двигались именно на Верховье по «Елецкой тропе» с восточной стороны, т. к. с южной и западной сторон г. Новосиль закрывался болотами по рекам Залегощенке, Скварке, Неручи и Зуше. Нападения Литвы были реже, и по «Литовскому шляху» здесь не встречается ни одного укрепления. В 1576 г. Новосиль значится крепостью.

Новосиль от нашествия татар заграждала Воротынцевская крепость. В 5 верстах от нее находились Печоры и в 10 верстах от Печор — Калмыкове городище, всего в версте от «Елецкой тропы», большака на Ефремов, следовательно, этот пункт заслонял и Печоры, и Воротынцево. От Калмыкова городища в 4-х верстах находится интересный памятник — «Конь-камень», в виде коня больших размеров. От времени фигура пострадала, но очертания достаточно сохранились. «Конь-камень» упал и лежит, вызывая толки, догадки и легенды, весьма разноречивые, но исторической ценности не имеющие. Какая-то связь «Коня-камня » с Калмыковым городищем держится в народном мнении. Из расспросов выяснилось, что ни вокруг Калмыкова городища, ни вокруг «Коня-камня» вещей не находили... Следов ворот на городище не приметно. Надо предполагать, что они были со стороны теперешнего поля, откуда подход к укреплению был удобнее, возможно, что следы их запаханы».'

В 1937 г. колхозник Лунин у д. Круглица Архангельского сельсовета (ныне Урицкий район) нашел железный меч IV века, вместе с ним лежали две фибулы и перстень с камнем. Фибулы и перекрестье меча были украшены птичьими головками, а фибулы, кроме этого, — позолочены и инкрустированы красными и зелеными камнями. Академик Б. А. Рыбаков считает, что эти находки боспорского изготовления, т. к. в IV-V вв. племенной союз, где потом сложилась Русь, был связан с Понтом и Боспором. К сожалению, эти уникаль-

ные предметы боспорско-крымского происхождения были безвозвратно утрачены во время оккупации фашистами г. Орла в годы Второй мировой войны.[2]

Весной 1938 г. дирекция Орловского областного краеведческого музея сообщила в научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы о необходимости проведения обследования археологических памятников феодального времени близ г. Орла с целью решения вопроса о возможности пополнения фондов музея новыми материалами. Орловский музей просил помочь в разборке археологических коллекций и в проведении необходимых изменений в существующей экспозиции по разделу, где имеются археологические материалы. Научно-исследовательский институт удовлетворил просьбу музея и командировал в г. Орел археолога Н. П. Милонова,[3] который разработал план полевых археологических работ. План предусматривал проведение обследований на городище Гать Орловского района, а также на городищах Мерцаловка, Комарове, Алексеевское и Ильинском городке у сел Ледно и Титово-Мотыка Урицкого района. Для проведения данной работы Орловский краеведческий музей организовал отряд в составе директора музея Мазина, зам. директора музея Каплинского, зав. историческим отделом музея Воробьевой и московского археолога Милонова. На работы было отпущено 2 тысячи рублей.

Отряд выехал в поле 6 июля и непрерывно проводил исследования до 14 июля. Первым было обследовано и частично подверглось раскопкам городище Гать. Мыс, на котором располагалось городище, в это время разрабатывался для добывания камня, т. к. был сложен из известковых пород. В отвесной стороне мыса имелся целый ряд пещерообразных проходов вглубь берега. На площадке городища заложили 4 шурфа и зачистили край обрыва со стороны р. Оки. Найдены: гончарная керамика с волнистым и линейным орнаментом, кости животных, неолитический черепок с ямочно-гребенчатым орнаментом, следы специальной каменной кладки и остатки очага, т. е. следы жилища, вернее,

его фундамент, который располагался в виде правильного квадрата на длину в 3,35 м. Четыре стенки фундамента, каждая шириной в 1 м, были выложены из известняковых плит, в одном из углов находились остатки печи в виде полукруглого каменного фундамента из валунов, известняковых плит, промазанных густым раствором глины. Диаметр печи — 2 м. Верх печи состоял из глиняного свода, от которого сохранились характерные большие куски глины закругленной формы, одна сторона которых была закопчена. Пол в жилище набит из мелкой гальки с глиной.

Кроме этого, были обнаружены остатки еще двух жилищ, одно из которых, вероятно, являлось остатками металлургической мастерской, т. к. здесь обнаружены крицы, шлаки металлических изделий, остатки горна. При раскопках жилищ были найдены многочисленные обломки разноцветных стеклянных браслетов, а также железные ножи, ключи, кресала, наконечники стрел, медный витой браслет. Среди находок присутствовали кремневые скребки, наконечник стрелы, отщепы и типичная неолитическая керамика, что свидетельствовало о наличии здесь стоянки. Интересно, что неолитическая стоянка располагалась на сравнительно высоком берегу реки, и это резко отличало ее от обычных неолитических стоянок, находящихся близко к воде, на низких берегах реки. В результате четырехдневной работы на городище Гать исследователи сделали заключение, что, согласно находкам, оно относится к XII в., а нижний слой — к периоду неолита.

Следующим памятником, подвергнутым обследованию, было городище у д. Мерцалово на р. Цон. Шурфы дали куски угля, фрагмент стеклянного браслета и обломки поздней керамики. При зачистке вала обнаружен нижний ярус крепления — по подошве — следы обугленных деревьев, над которыми лежала прокладка из булыжника. Возможно, что вал насыпался на площадке, заранее утрамбованной и обложенной обожженными бревнами. Работы на Мерцаловском городище продолжались всего один день.

Более детально изучалось городище у с. Городище. Го-

родок был сильно разрушен. Разведывательная шурфовка дала следующие результаты: обломки гончарной посуды с линейным и волнистым орнаментом, обломок стеклянного браслета, кости коровы, кусочки меди и медную пластину. В результате изучения культурного слоя на городище выявлены три разновременных пласта: верхний — не ранее XVII в., средний — XII в. и нижний — X-XI вв.

Предварительному осмотру подвергли городище у д. Титово — Мотыка при слиянии Сухого Орлика с Орликом, в Урицком районе. По краям имеющихся ям в большом количестве встречалась гончарная керамика XI—XIII вв.

Около д. Малое Селихово, в лесу, близ большого оврага, обследовали Алексеевский городок, валы и рвы которого были распаханы и сравнены с окружающим полем. Повсюду на пашне находилась лепная керамика, имеющая сильную примесь дресвы. Венчики фрагментов керамики имели волнистый край, а стенки имели ямочный, рубчатый орнамент. На поверхности и при зачистке просматривались остатки жилищ, следы печей, в пределах которых обнаружены литейные формочки, каменный пест и многочисленные остатки металлических изделий. Согласно находкам, Алексеевский городок датировали X-XI вв.

Недалеко от д. Ледно Урицкого района осмотрели очередное городище, которое со всех сторон было окружено оврагами и покрыто крупным лесом. При закладке шурфов найдена керамика X-XI вв.

Обследование всех вышеперечисленных городищ являлось первичной формой изучения памятников и предполагало проведение археологических раскопок в 1939-1941 гг.

В многочисленных письмах, приходивших в музей, часто звучала тревога за сохранность археологических памятников. Так, в 1938 г. А. Романов из Брянского уезда писал: «Лет 80 назад находившиеся здесь курганы оказались под пашней. Плуг срезал не только насыпи (около 20), но и основания их. Пять уцелевших насыпей неопределенного типа сейчас спахиваются и им грозит уничтожение. Год от года Дунское поселение разрушается. Орловскому областному кра-

еведческому музею необходимо произвести здесь археологические раскопки и обследование памятников старины».[4] Таких писем было много.

Памятники археологии и старины уничтожались в губернии десятками, а то и сотнями: сравнивали с землей курганы, расположенные на пахотных полях, чтобы не мешали при обработке земли, скапывали валы городищ в поисках кладов и для хозяйственных нужд при строительстве погребов, фундаментов и пр. Это вызывало большую тревогу у археологов, историков и краеведов.

10-18 апреля 1939 г. в Москве состоялась I Всероссийская археологическая конференция музеев Наркомпроса РСФСР.[5] Основным вопросом, который обсуждался на конференции, было состояние археологических исследований и задачи дальнейшей работы. Конференция отметила, что археологическая наука в СССР практически не развивалась, поскольку археологические отделения и кафедры в вузах закрывались. Это привело к полному прекращению подготовки археологических кадров в течение целого ряда лет. В целях дальнейшего подъема археологической работы конференция предложила ряд мероприятий: произвести полный учет археологических кадров, степень их квалификации; принять меры для их подготовки —■ организовать кафедры археологии в педагогических институтах, курсы повышения квалификации, командировать работников местных музеев в экспедиции Института истории материальной культуры, ввести в штат музеев специальные единицы археологов. Предлагался также ряд других мер:

С помощью краеведческого актива широко популяризировать археологическую науку.

Все музеи должны начать работу по составлению археологической карты своего региона.

Основные археологические исследования направить на изучение истории ранних славян.

Необходимо, чтобы музеи получили копии всех отчетов об археологических работах, проводившихся в данной области.

Исключительно важно обязательное проведение музеями систематических полевых работ и научной разработки материалов.

21 мая 1939 г. Орловский краеведческий музей получил эти рекомендации I Всероссийской археологической конференции и, следуя им, с 10 июля принял участие в работе Деснинской экспедиции Академии наук СССР.[6] Орловским отрядом на средства Орловского краеведческого музея была проведена археолого-геологическая разведка по правому берегу р. Десны от с. Вщиж Брянского района до границы с Черниговской областью Украинской ССР. Отряд работал под руководством геолога В. А. Хохловкиной. В его состав входили: археолог Т. Н. Тралло, научный сотрудник Орловского краеведческого музея Т. С. Кулигина и старший рабочий (научно-технический сотрудник) М. А. Хохловкин. В г. Трубчевске к отряду присоединились директор Трубчевского краеведческого музея В. П. Левенок и сотрудник музея В. А. Падин. В результате проведенной разведки были обследованы ранее известные палеолитические стоянки — Тимоновская, Супоневская, Елисеевичская, Трубчевская, а также открыты новые археологические памятники — палеолитические стоянки у д. Бетово, между деревнями Сельцо и Хотылево (илл. 34, 35).

Трубчевский археолог К. М. Поликарпович рассказал, что в середине 1930-х гг. он провел небольшие раскопки в урочище «Шакин ров», где при взятии песка местными жителями были обнаружены следы палеолита. Стоянка была взята на учет вместе с другими, выявленными в урочище «Холм» на Неруссе, у г. Трубчевска, вблизи д. Сагутьево. Стоянки содержали богатый культурный слой, но были очень сильно разрушены реками Неруссой и Горицей. Экспедиция отметила, что необходимо провести раскопки на Вщижском городище XII в., которое за последние годы все больше и больше застраивается. Сотрудникам Брянского краеведческого музея было поручено осматривать состояние стоянок и собирать подъемный материал в музей.

В последующие годы сотрудник Деснинской экспедиции

Т. Н. Тралло поддерживал самые тесные связи с орловскими, брянскими и калужскими краеведами, вел с ними активную переписку, получая сведения о новых археологических памятниках и состоянии уже известных. Например, в 1939 г. он получил такое письмо от директора Жиздринского музея Плюснина: «Тов. Тралло!... В районе уже выявлено 12 точек: 5 городищ и 7 могильников, очевидно, выявлю еще, оказывается, их здесь много. Сам начертил карту рек района и прилегающих к ним окрестностей и пока наношу точки местонахождения городищ и могильников. После вашего отъезда обнаружил городище около д. Улемца, в 1,5 км, осмотрел наскоро и поверхностно. Часть городища разрыта в 1937 г. для запруживания речки. В числе нескольких найденных предметов есть кость — по внешнему виду зуб от какого-то животного, не знаю. Посылаю рисунок. Это от какого-то крупного животного. Но я такого зуба не видел, т. к. внутри сквозные пустоты с тонкими, в 0,5 мм, ребрами... Кроме того, каменный с отверстием топор-молоток, найденный в д. Орля Еропкинского сельсовета Жиздринского района Орловской области при рытье погреба, на глубине 1,5 м (находится в Жиздринском музее); каменный шлифованный без отверстия топор, восьмерковидный, найден при пахоте поля в Петровском сельсовете Жиздринского района (хранится в Жиздринском музее)».[7]

В августе 1940 г. в Орловский областной краеведческий музей приходит письмо от председателя Погарского райисполкома Орловской области Никончука: «Летом 1934 г. колхозник колхоза «Первомайский» И. С. Юдинов копал яму для погреба на правом берегу р. Судость и на глубине 1,5 м обнаружил большое количество костей, полностью занимавших дно ямы площадью 9 кв. м. Поверхностное обследование показало, что это главным образом кости мамонта. Здесь были бивни молодых животных, челюсти, кости ног, спинных позвонков взрослых животных. Беспорядочная набросанность костей, наличие около костей значительного количества кремневых наконечников для стрел, дает основание предполагать, что обнаруженное не явля-

ется местом гибели одного животного, а местом свалки костей, стоянки первобытного человека. Кроме того, в 1924 г. в этом же месте, в р. Судость, неводом был выловлен большой бивень мамонта, переданный Гомельскому музею. Дальнейшая копка ямы была прекращена, телеграфно извещен Смоленский областной отдел народного образования, откуда выехал сотрудник и предложил яму зарыть без нарушения фактического расположения костей, заявив, что на будущий год, т. е. в 1935 г., сюда выедут научные сотрудники для производства исследования. Но прошел не только 1935, но даже 1940 г., а об этой находке все забыли, несмотря на то, что я лично дважды писал Орловскому областному музею, куда с осени 1937 г. перешел Погарский район...».[8]

26 августа 1940 г. в с. Юдиново выехал Т. Н. Тралло и установил, что здесь зарегистрирована палеолитическая стоянка, которая была обследована в 1934 г. археологом К. М. Поликарповичем, о чем приславший в музей письмо Никончук не знал.

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. нарушила перспективные планы археологических исследований на Орловщине. Область почти три года находилась в оккупированной фашистами зоне. Пострадал и Орловский краеведческий музей. Здание музея было основательно разрушено, многие коллекции разграблены фашистами, а из того, что успели эвакуировать, впоследствии многого не досчитались. Большие потери понесла и археологическая коллекция: пропали многие изделия из благородных металлов, оружие, украшения. «Из материалов, предоставленных Департаментом по сохранению культурных ценностей Министерства культуры Российской Федерации, следует, что 4 декабря 1947 года в Киев прибыл эшелон № 201/3854 из 8 железнодорожных вагонов, направленных из Берлина Советской военной администрацией в Германии. В вагонах находились вывезенные гитлеровцами из Советского Союза музейные ценности, найденные на территории послевоенной Германии. Среди 1136 ящиков оказался один с «орудиями и фрагментами позднего неолита», принадлежавший

Орловскому краеведческому музею. Он был обнаружен в американской оккупационной зоне в замке Хохштадт (Бавария). В Киеве комиссия специалистов по внешним признакам (шифры, надписи и пр.) установила принадлежность одного ящика с археологическими материалами Орловскому краеведческому музею. В 1948 году археологические материалы были возвращены в Орел. Благодаря этому многие материалы еще дореволюционных раскопок вновь входят в собрание музея».[9]

После освобождения Орла 5 августа 1943 г. началось восстановление краеведческого музея и создание новой экспозиции, открывшейся в 1945 г.

В марте 1945 г. и. о. директора Орловского областного краеведческого музея Елизавета Николаевна Коренева обращается с письмом к секретарю по агитации и пропаганде Обкома ВКП(б) и заведующему отделом народного образования Брянской области с предложением провести совместно с Государственным историческим музеем археологическую экспедицию по течению р. Неруссы от г. Дмитровска до д. Холмичи, где имелись уже пункты, давшие интересные находки (данные разведок Трубчевского музея и находки на Брасовском могильнике).[10] Предполагалось, что на маршруте будут открыты и новые памятники, возможно, даже городища. Работы должны были занять около месяца. Е. Н. Коренева предлагала провести эту экспедицию с Брянским краеведческим музеем, чтобы совместно пополнить музейные фонды. Она просила обеспечить рабочую силу и предоставить две лодки для перемещения по р. Неруссе.

Еще одно письмо Е. Н. Коренева адресует заместителю председателя Орловского облисполкома Огневу, где информирует, что Орловский краеведческий музей совместно с Государственным историческим музеем в мае — июне 1945 г., в целях пополнения фондов и экспозиции археологическими материалами, планируют провести экспедицию по течению рек Орлик, Орлица и Цон. «Это связано с тем, — говорится в письме, — что в период оккупации г. Орла фашисты

вывезли из Орловского областного краеведческого музея в Германию археологическую коллекцию, собранную музеем за период с 1887 г., и в настоящее время музей не имеет ни одной археологической коллекции».[11] Именно поэтому запрашивалось разрешение на производство раскопок и указывались возможные варианты маршрутов. Их было два.

Первый. По течению рек Орлик и Орлица, близ населенных пунктов Телегино, Образцово, Солнцево, Бутово, Титово-Мотыка, Большой Рог.

Второй. По течению р. Цон, близ населенных пунктов Гать, Сабурово, Саханская, Дашково, Луначарцы, Богдановка, Лебедка, Городище, Нарышкино.

Е. Н. Коренева сообщала, что по договоренности с председателем Облосоавиахима была проведена вторичная проверка мест экспедиции на предмет наличия взрывчатых веществ. Получено заключение, что минных полей нет. К сожалению, в архиве музея не сохранились документы, проливающие свет на дальнейшую судьбу двух запланированных экспедиций.

В 1949 г. Орловский краеведческий музей совместно с Орловским отделением общества краеведения обследовали городище в поселке Кромы, у слияния рек Крома и Недна, где были найдены славянская керамика и кости животных.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ОКМ. Архив. Д. 334, —С. 8-11.
2. ОКМ. Архив. Д. 418.
   Сводный Каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период второй мировой войны. Том 9. Орловский областной краеведческий музей. Москва, 2002. — С. 94.
3. Милонов Н. П. Отчет об археологических исследованиях, проведенных Орловским областным музеем на территории Орловского и Урицкого районов летом 1938 года. Архив ИИМК. Ф. 2, —Д. 78.
4. ОКМ. Архив. Д. 418.
5. Там же. — Д. 10.

6. Там же. ■—Д. 418.
7. Там же. — Д. 418.
8. Там же.
9. Сводный Каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период второй мировой войны. Том 9. Орловский областной краеведческий музей. Москва, 2002. — С. 15.
10. Там же. — Д-41.
11. Там же.

ГЛАВА 10. Археологические исследования в Орловской области в 1950-1980-е гг. Верхнеокская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР под руководством Т. Н. Никольской. Орловский археологический отряд под руководством Л. Н. Красницкого

Планомерные и многолетние археологические исследования начались на территории Орловской области с 1950 г., когда научный сотрудник Института археологии Академии наук СССР Татьяна Николаевна Никольская во главе Верхнеокского археологического отряда, а затем во главе Верхнеокской археологической экспедиции изучала как известные ранее памятники, так и вновь открытые городища, курганы и селища в бассейне верхней Оки (илл. 36).

Т. Н. Никольская (1919-2001 гг.) родилась в г. Самаре. Окончила исторический факультет МГУ (кафедра археологии); в 1947 г. защитила диссертацию на степень кандидата исторических наук по теме: «Курганы верхнего Поволжья X~XШ вв.»; работала научным сотрудником сектора славяно-русской археологии Института археологии АН СССР. С начала 1950-х гг. она налаживает тесные связи с Орловским областным краеведческим музеем, продлившиеся вплоть до середины 1980-х гг. Многие научные сотрудники

Орловского краеведческого музея принимали участие в работе экспедиций Т. Н. Никольской: Е. Н. Коренева, А. В. Гольцова, В. Г. Демкина и др.

В 1950-195 5 гг. исследования Т. Н. Никольской были направлены на изучение культуры племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. Своеобразие верхнеокских памятников (деревянные срубы или ящики, окруженные оградкой из столбов в курганах с трупосожжениями, бронзовые вещи с эмалью, черная лощеная керамика и т. д.) позволяло выделить их в отдельную группу. Для проверки и подтверждения имеющегося материала и были организованы Институтом археологии АН СССР полевые исследования под руководством Т. Н. Никольской.

На территории Орловской области в эти годы ею были обследованы 49 памятников археологии, наиболее интересные подвергались раскопкам. Это городище Пашково (Лужки) Кромского района, городище у с. Городище Волховского района, городище у с. Звенигород Орловского района, городища у деревень Гонючево, Титово-Мотыка, Мерцаловка, курганы у д. Лебедка Урицкого района, у с. Воротынцево Новосильского района, курганы и городище у д. Гать, городище у д. Надежда Орловского района и многие другие (илл. 37—39).

Итогом этой многолетней работы стала монография Т. Н. Никольской «Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии нашей эры»[1], опубликованная в 1959 г. О научной значимости исследований автора свидетельствует тот факт, что первая глава этой книги, вместе с несколькими отдельными статьями, являются до сего времени основными работами по истории верхнеокской культуры. Исследователь сделала важный вывод о прапредках жителей Орловской области: верхнеокская культура близка к культуре древних балтов верхнего Днепра, а не угро-финского населения верхней Волги.

На втором этапе своей деятельности (1960-1970 гг.) Т. Н. Никольская проводит многолетние раскопки древнерусских городов. Ею обследованы городища Новосиля,

Кром, Мценска, Домагоща (у д. Городище Волховского района); раскопками установлено местонахождение города-замка Спащь (у с. Спасское Орловского района); проведены раскопки городища Воротынцево-1 у одноименной деревни Новосильского района; осуществлялся поиск самого раннего центра вятичей — Коръдно (по мнению Т. Н. Никольской — уд. Корнади Новодеревеньковского района).

Результатом этих изысканий стала вторая монография Т. Н. Никольской «Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв.»,[2] вышедшая в свет в 1981 г. В книге рассматривается процесс расселения славянских племен на обширной территории вдоль р. Оки на основе археологических, этнографических и летописных материалов, касающихся этого крупного района Древней Руси. В монографии имеются разделы, посвященные истории городов, городского ремесла, домостроительства и вятичских сельских поселений (илл. 40, 41).

Третьим этапом научно-исследовательской работы Т. Н. Никольской стали раскопки городища у д. Слободка Шаблыкинского района (илл. 42). Была раскопана площадь в 5 тыс. кв. м. Вскрыт почти полностью детинец (центральная часть городища с замком феодала), часть окольного города и посада (илл. 43, 44). В результате были изучены остатки городских крепостных башен и стен, многочисленные жилища, хозяйственные и производственные постройки. Здесь были собраны сотни предметов быта, инструментов для обработки дерева и металла, орудий сельского хозяйства и промыслов, предметов вооружения, украшений, среди которых выделяется клад женских серебряных ювелирных украшений, изготовленный в технике черни (илл. 45). Т. Н. Никольская делает вывод, что «все эти сооружения и находки, являвшиеся результатом активнейшей человеческой деятельности, наглядно показывают, что в ХП-ХШ вв. в исследованном городе, так же как и в других поселениях земли вятичей, происходит расцвет материальной и духовной культуры населения, связанных с интенсивным развитием пашенного земледелия, ремесла, торговли».[3]

12 Заказ № 3877

Разрушенный в начале XIII в. монголо-татарами город у д. Слободка Т. Н. Никольская вначале отождествила с летописным городом Домагощем (1147 г.). Но на основе дальнейшего тщательного изучения исторической географии и повторного прочтения летописей отказалась от этой версии, склонившись к тому, что городище Слободка, вероятнее всего, представляет собой остатки древнерусского летописного города Болдыжа (1146 г.)

В 1987 г. по материалам раскопок выходит третья монография Т. Н. Никольской «Городище Слободка ХП-ХШ вв. К истории древнерусского градостроительства в Земле вятичей».[4] Автор подробно исследует материальную культуру вятичей по системе оборонных сооружений, жилищных и хозяйственных построек, изделиям ремесленников и показывает, что города в земле вятичей были сравнительно невелики по размерам, хорошо устроены для отражения натиска кочевников и недоброжелательных соседей. В них развивалось ремесло со всеми видами специальностей, имевшихся в период раннефеодального средневекового государства. Представленные в книге многочисленные иллюстрации остатков мастерских ремесленников, реконструкции оборонительных сооружений, жилищ феодалов и простолюдинов, бытовых изделий и украшений восстанавливают не отраженные летописями картины жизни наших предков до нашествия монголо-татар на Русь. На территории Орловской области Т. Н. Никольской было открыто и обследовано более 100 археологических памятников.

Параллельно с экспедицией Института археологии АН СССР летом 1952 г. на территории Орловской области работала археологическая экспедиция Государственного исторического музея (ГИМ) под руководством научного сотрудника музея М. В. Фехнер,[5] которая обследовала бассейн верхнего течения р. Оки на предмет выявления славянских селищ и городищ. Эта разведка проводилась в связи с работой музея по изучению древнерусской деревни X-XIII вв. За время работы экспедиции, с 19 августа по 6 сентября, было обследовано 9 славянских поселений, расположенных

в Глазуновском, Кромском и Володарском районах Орловской области (остальные районы области, через которые протекает р. Ока, были обследованы в 1951 г. Т. Н. Никольской).

Работы были начаты в Глазуновском районе, где краеведом А. Н. Шульгиным в начале XX в. были обнаружены в окрестностях с. Тагино два городища. Одно из них находилось в 0,7 км от правого берега Оки (на противоположном берегу стоит с. Тагино), в местности, известной у населения под названием «Острог». Оно располагалось на высокой гряде, глубоко вдававшейся в пойму реки, на высоте 25 м. Заложенные экспедицией шурфы выявили культурный слой, который не изобиловал находками: обломок каменного скребка и несколько фрагментов гончарной керамики с волнистым орнаментом. По находкам керамики городище Тагино датировали X-XIII вв.

Второе городище располагалось в 1 км от первого, на правом берегу р. Оки близ д. Захаровки. Оно было известно у населения под названием «Родин бугор». Городище не было окружено валом и рвом, не просматривались и следы искусственных укреплений.

Заложенные шурфы не выявили культурного слоя. Экспедиция ГИМа пришла к заключению, что «Родин бугор» был принят за городище А. Н. Шульгиным ошибочно.

Рядом с Тагинским городищем экспедиция выявила селище, на котором, по словам местных жителей, во время распашки земли находили большое количество обломков глиняной посуды и различные поделки из железа. Заложенный шурф дал многочисленные фрагменты гончарной керамики, кости животных и птиц, куски угля и обожженной глины, золу, обуглившееся дерево. По полученным находкам селище датировали X—XIII вв.

У д. Богородицкое Глазуновского района, вниз по течению р. Оки, на ее левом берегу, было найдено еще одно славянское селище ХП-ХШ вв., где собрана многочисленная гончарная керамика с линейным и волнистым орнаментом, а также чернолощеная керамика XVI-XVII вв.

Из Глазуновского района работы были перенесены в Кромской район. Здесь у д. Ретяжи, на пахотном поле, выявлено поселение XII—XIII вв., по поверхности которого в изобилии была собрана гончарная керамика.

Интерес у исследователей вызвало городище Кромы, упоминаемое в летописи под 1147 г. В обрыве, размытом р. Недной, просматривались следы бревенчатых срубов, поставленных в основании вала, и пласты обожженной глины. Было собрано множество фрагментов гончарной керамики XII—XIII вв., а также красной керамики, покрытой белым ангобом, и чернолощеной. Разведочных шурфов здесь заложить не удалось, т. к. вся площадка городища была застроена жилыми домами, около которых разбиты огороды. К востоку от городища располагалось селище, которое, судя по подъемному материалу (керамика), существовало одновременно с городищем. По словам местных жителей, здесь находили во время обработки земли обломки глиняной посуды, железные подковки, оселки, глазчатые пастовые и стеклянные бусы.

Из Кромского района экспедиция перенесла свою работу в Володарский, где были обследованы три городища XII—XIII вв.: Цветынь, Спасское и Редькино.

Городище Цветынь возвышалось на левом берегу р. Оки близ устья р. Цветынки, недалеко от д. Цветынь, и было известно у местного населения под название «Рябая гора». Археологи увидели, что на площадке городища стоит жилой дом, вокруг которого разбит огород. Вся поверхность была выровнена, и лишь с одной стороны слабо угадывался вал. Собранные по поверхности огорода находки представляли собой фрагменты гончарной керамики.

На левом берегу р. Неполоди (приток р. Оки), при устье Безымянного ручья, располагалось городище Спасское, рядом с одноименным населенным пунктом. Оно было окружено высоким, хорошо сохранившимся валом с ярко выраженным въездом на городище. При зачистке стенок ям, неизвестно кем и когда вырытых на площадке городища, найдена гончарная керамика с линейным ор-

наментом и несколько фрагментов грубой, толстостенной лепной посуды.

Городище у с. Редькино, на левом берегу р. Густоварь (приток р. Неполоди), имело хорошую сохранность высоких валов, но вся его площадка была занята старым кладбищем. В самом центре городища частично сохранился фундамент бывшей здесь до революции церкви. Подъемный материал был представлен фрагментами славянской гончарной керамики.

В заключение работы экспедицией ГИМа было обследовано городище при д. Кошелево Паюсовского сельского совета Володарского района, о котором упоминал еще в 1907 г. И. Е. Евсеев. Культурный слой здесь выявлен не был. По словам местных крестьян, полуметровые вилообразные насыпи, хорошо здесь сохранившиеся — это остатки от барского сада, существовавшего в конце XIX — начале XX в.

Изучением древнейшей истории Орловского края занимались не только столичные археологи, но и местные краеведы. В 1958-1959 гг. археологические разведки в Сосковском районе проводил учитель Рыжковской школы Николай Петрович Макаров, совместно со школьным краеведческим кружком/’

У д. Еньшино, на левом берегу р. Кромы, они выявили на высоком луговом холме неолитическую стоянку, на которой собрали фрагменты лепной керамики, два кремневых скребка, резец, кремневые отщепы, осколки костей, охру. Стоянка была сильно повреждена водами реки. Также у д. Еньшино, в лесочке под названием «Городище», было обнаружено городище, на площадке которого собраны мелкие фрагменты лепной керамики.

Близ д. Прилепы (Выдумка), в Гремячем логу, было найдено болотное городище с сохранившимися, но слабо выраженными валом и рвом. Рядом с городищем находились два селища, на которых в изобилии присутствовали фрагменты толстостенной лепной керамики, а также глиняные пряслица, кремневые скребки и отщепы. Кроме того, рядом с городищем, в торфянике, нашли деревянное копье и осколок каменного рубила.

У п. Степь, на правом берегу р. Кромы, Н. П. Макаров обследовал селище XI—XIII вв,, где собрал фрагменты славянской керамики. Проводившая здесь разведки в 1957 г. Т. Н. Никольская нашла на этом памятнике пластинчатый железный наконечник стрелы, часть пружинных ножниц и косы-горбуши, кузнечный и керамический шлак, осколки железной руды, а в нижнем слое — фрагменты толстостенной лепной керамики V~VII вв,

У с. Маслово краеведы выявили селище, известное у местного населения под названием «Городок». На нем было собрано множество фрагментов лепной керамики V-VII вв.

Кроме обследования археологических памятников, Н. П. Макаров собрал сведения о случайных находках на территории Сосковского района. Во время летних сельскохозяйственных работ в поле у д. Волчьи Ямы Кировского сельского совета тракторист нашел каменный шлифованный топор с полупросверленным отверстием. На топоре ясно был виден шов, а с боковых сторон — утолщения в виде отверстий. Второй топор клинообразной формы, без отверстия, нашел учитель Рыжковской школы Г. И. Захаров в поле у с. Рыжково. При разработке торфа у д. Ельково учащимися был обнаружен каменный шлифованный топор с просверленным отверстием, причем режущая часть его была сильно затуплена. У д. Свободная Жизнь был найден кремневый наконечник стрелы, а у д. Городище — костяная проколка.

В 1961 г. Шаблыкинский район обследовала экспедиция под руководством сотрудника Государственного исторического музея Л. В. Греховой,[7] которая ставила своей целью поиски памятников палеолита. Но при проведении разведки были найдены лишь две неолитические стоянки. На правом берегу р. Навли по направлению от пос. Шаблыкино к д. Железное выявлены две разрушенные стоянки. Первая — напротив д. Новоселки, а вторая у д. Железное. Вторая стоянка оказалась настолько сильно поврежденной, что проводить на ней исследования Л. В. Грехова сочла нецелесообразным.

Бурное строительство жилых зданий и производственных комплексов в конце 1950— начале 1960-х гг. в г. Орле

дало возможность сотрудникам Орловского областного краеведческого музея собрать немало интересной информации и находок, рассказывающих об истории города. В июле 1959 г. при обследовании траншеи, выкопанной для прокладки водопровода от Детского парка по берегу р. Оки (территория крепости XVI—XVIII вв.), были обнаружены фрагменты керамики с линейным орнаментом, осколки зеленого стекла, железный нож, часть ножниц, подкова, кусок булыжного камня от древней мостовой и часть бревна от крепостной стены.[8]

В декабре 1961 г. на углу ул. Черкасской и пер. Безбожников (ныне пер. Рыночный) проводились земляные работы по подготовке места для строительства нового здания. На глубине 3-4 м были обнаружены деревянные долбленые гробы, сделанные из цельного ствола и уложенные порой в два ряда. Многочисленные гробы сохранили свою форму, но само дерево было уже ветхим и гнилым. При вскрытии гробов в некоторых из них были обнаружены остатки кожаной обуви, бронзовые и медные нательные кресты, рассыпавшиеся в зеленый порошок при прикосновении к ним. Также рассыпались при прикосновении женская коса и красный головной убор, предположительно, клобук. На глубине более четырех метров откопали детские гробы, длиной около 80 см. В одном из них хорошо сохранились легкие кожаные тапочки, завязанные спереди на бантик, и бронзовый крестик. Эти находки были переданы в Орловский краеведческий музей.[9] Захоронения отнесли к XVII-XVIII вв. Согласно сведениям по истории г. Орла, на этом месте в XVII —• начале XVIII в. находилась приходская церковь во имя святого Николая Чудотворца, известная в народе под именем Николы Рыбного, ввиду близости к ней рыбных лавок.

В 1960-1970 гг. юго-восток Орловской области по течению р. Сосны обследуют археологические экспедиции Воронежского Государственного университета под руководством археологов А. Н. Москаленко, А. Д. Пряхина, А. Т. Синюка, А. З. Винника.[10]

С конца 1960-х гг., вначале под руководством Т. Н. Никольской, а с 1974 г. по 1983 г. самостоятельно, раскопки и разведки на Орловщине проводит еще один сотрудник Института археологии АН СССР Илья Кириллович Фролов.[11] Одним из интересных исследований И. К. Фролова стали раскопки селища почепской культуры начала I тысячелетия н. э. у д. Железное Шаблыкинского района. Находки представлены многочисленной лепной керамикой как грубой выделки, так и с лощеной поверхностью. Среди керамики выделяется целая группа миниатюрных сосудиков вытянутой тюльпановидной формы, иногда черного лощения. Очень широко представлены в керамическом материале пряслица, найдена глиняная льячка.

В собранном материале из металла необходимо выделить серию железных ножей, железный серп, железное тесло и железный наконечник бронебойной стрелы. На поселении найдены также изделия из бронзы: шейная гривна, подвеска, перстень. Кроме того, были обнаружены серебряный перстень, костяная рукоятка ножа, несколько кремневых пластин и отщепов. Выявлены десять сооружений, пять из которых являются наземными постройками, а остальные углублены в материк.

Исследования И. К. Фролова по программе подготовки Свода памятников истории и культуры народов России продолжила сотрудник Института археологии АН СССР Г. К. Патрик. Она обобщила имевшиеся сведения по археологии Орловской области и опубликовала их в книге «Археологическая карта России. Орловская область».[12]

С начала 1970-х гг. возобновляется деятельность местных археологов-краеведов.

В 1970 г. создается археологический кружок из школьников при областной станции юных туристов. Юные археологи прошли по р. Оке от г. Орла до устья р. Нугри и по самой р. Нугрь, где были открыты три городища и ряд других памятников. Обследовалось течение р. Оки от истоков до г. Орла. С 1985 г., после подключения школьников и студентов исторического факультета Орловского государ-

ственного педагогического института, на базе кружка создается Орловский археологический отряд, действовавший в составе Деснинской археологической экспедиции Института археологии АН СССР под руководством Леопольда Никодимовича Красницкого[13] (илл. 46). В результате разведок Орловского археологического отряда были открыты около 40 неизвестных ранее памятников.

В 1987—1989 гг. отряд проводил раскопки городища у д. Торкуновка Мценского района на правом берегу р. Оки. Треугольная в плане площадка, возвышающаяся над уровнем реки на 25-30 м, отделена с напольной стороны двумя валами со рвами. Расстояние между валами ■— до 30 м. Были произведены раскопки межваловой площадки, сделан разрез внешнего вала и рва перед ним, раскопана задняя часть внутреннего вала со рвом и частью мысовой площадки, в результате чего выявлены особенности оборонительных укреплений.

Находки представлены кремневыми отщепами, скребками, лепной керамикой, глиняными рыболовными грузилами, лезвием ножа, трехгранным втульчатым наконечником стрелы, глиняными ядрами и грузиками, точильными камнями и другими предметами быта и промыслов. Любопытной находкой стали развалы двух горшков, наполненных мелкорубленными костями. В результате раскопок выявлены два этапа существования этого поселения: вторая половина I тысячелетия до н. э. и середина I тысячелетия н. э. Находки мелких фрагментов керамики и кремневых орудий позволяют сделать предположение о существовании на мысе и более раннего поселения бронзового века, относящегося ко II тысячелетию до н. э.

В 1988 г. Орловский археологический отряд под руководством Л. Н. Красницкого проводил охранные раскопки на детинце крепости г. Орла XVI-XVII вв. (илл. 47). С юга на север, от церкви Богоявления до скульптурной группы, были заложены 5 шурфов общей протяженностью 100 м при ширине 2 м. Цель раскопок — выявить местонахождение рва и вала крепости. Удалось установить, что основание вала

было около 20 м, высота более 3 м. По верху вала прослеживались полосы древесной трухи — остатки от крепостной стены. Находки представлены многочисленными фрагментами гончарной керамики XVI-XVIII вв., железными гвоздями, обувными железными подковками, глиняными курительными трубками, рыболовным грузилом, фрагментом глиняного жирового светильника и глиняной поливной ароматницей. Более раннюю датировку имеют несколько найденных предметов: шиферное пряслице, костяной гребень и костяная заготовка для свирели. Они датируются XII—XIII вв. (илл. 48-50). Возможно, в это время у слияния рек Оки и Орлика было древнерусское поселение. Дальнейшие раскопки помогут ответить на это предположение, т. к. находки, датированные ХП-ХШ вв., могли попасть сюда и с привозным грунтом во время многочисленных строительных работ, проводившихся на мысу на протяжении XVI-XX столетий.

В 1989 г. по инициативе производственной группы по охране памятников истории и культуры Управления культуры Орловской области экспедиция Ворошиловоградского Государственного педагогического института под руководством Игоря Анатольевича Козмирчука[14] обследовала бассейн р. Тим в пределах Должанского района с целью выявления новых памятников. Были открыты и обследованы 22 археологических памятника (20 поселений, 1 курганная группа, 1 одиночный курган), составлена археологическая карта района. Обнаруженные памятники относятся к эпохе неолита, эпохе бронзы, раннего железного века и позднего средневековья.’[4]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Никольская Т. Н. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии нашей эры// МИА, 1959, № 72.
2. Никольская Т. Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX—XIII вв. — Москва, 1981.
3. Никольская Т. Н. Городище Слободка ХП-ХШ вв. К истории древнерусского градостроительства в Земле вятичей. — М., 1987, —С. 5-6.

4. Там же.
5. Фехнер М. В. Отчет о полевых археологических работах в Орловской области в 1952 году // ИА РАН. Архив. — Р — 1 — Д. 757.
6. Макаров Н. П. Отчет об археологических разведках в Сосковском районе Орловской области. 1960. // ИА РАН. Архив. — Р —1—Д. 2020.
7. Грехова Л. В. Отчет о работе Орловской экспедиции ГИМ летом 1961 года,// ИА РАН. Архив. — Д. 2253.
8. ОКМ. Архив,—Д. 750.
9. Там же. — Д. 576.
10. Винник А. З. Отчет о разведках по р. Кшень, притоку Быстрой Сосны (Курская, Орловская, Липецкая области). 1969.// ИА РАН. Архив. — Р — 1 — Д. 3730.
11. Фролов И. К. Отчеты о работе Верхнеокской археологической экспедиции 1968-1970,1973,1975-1977,1981-1982.// ИА РАН. Архив. — Д. Д. 4920, 5429, 5679, 6037, 6714, 8962, 10655.
12. Патрик Г. К. Археологическая карта России. Орловская область. — М., «Авто», 1992.
13. КрасницкийЛ. Н. Отчеты о разведках... 1985-1987.// ИА РАН. Архив. — Р — 1 — Д. Д. 11107, 11757, 12020.
14. Козмирчук И. А. Отчет об археологических разведках на территории Должанского района Орловской области летом 1989 года // ОКМ. Архив. Д. 2889.

ГЛАВА 11. Археологическая экспедиция Орловского краеведческого музея под руководством С. Д. Краснощековой. Конец XX — начало XXI в.

В 1987 г. на базе Орловского краеведческого музея был создан археологический отряд, который с 1989 г. стал экспедицией, после того как в него вошли, кроме сотрудников Орловского краеведческого музея, сотрудники Ливенского краеведческого музея, краеведы, студенты орловских вузов, педагоги и учащиеся старших классов г. Орла и г. Ливны (илл. 51, 52). Руководит археологической экспеди-

цией Светлана Дмитриевна Краснощекова[1] — старший научный сотрудник Орловского областного краеведческого музея (илл. 53). Ежегодно в составе экспедиции работают 30-40 человек, среди которых есть как профессиональные археологи, историки, художники, краеведы, так и любители: Л. Н. Красницкий — археолог, В. М. Неделин — художник, Л. И. Ульянова — художник-реставратор Орловского краеведческого музея, О. Н. Булатников — директор Ливенского краеведческого музея, О. Л. Якубсон — старший научный сотрудник того же музея, А. К. Титов, Е. К. Савкова, Л. И. Манина — педагоги школ г. Ливны и многие другие.

В 1987 г. исследования проводились в Орловском и Сосковском районах, где были открыты 9 археологических памятников.

В Орловском районе обследованы 5 селищ, датируемых концом I тысячелетия до н. э. и XVI в., расположенных по течению р. Орлик у пос. Горки и д. Надежда и на р. Оптухе у д. Домнино, а также местонахождение эпохи неолита у д. Снецкая Лука недалеко от впадения р. Оптухи в Оку.

В Сосковском районе открыты 2 селища XVI в. у д. Шаховцы на р. Ицке.

В 1988 г. выборочно обследовалась территория Верховского района, где открыты 7 селищ середины I тысячелетия н. э. и XVI в. по течению р. Любовши в районе д. Коньшино.

С 1989 по 2002 г. археологическая экспедиция проводила сплошное обследование территории Ливенского района, которая являлась практически «белым пятном» на археологической карте Орловской области (илл. 54). В летний сезон 1989 г. был открыт интереснейший археологический комплекс «Ключевка »[2] на р. Ливенке, включающий в себя городище ХП-ХШ вв. и шесть селищ вокруг него конца III — первой половины II тысячелетия до н. э. и ХП-ХШ вв. (илл. 55). Исследования на Ключевском комплексе дали ценные научные результаты и позволили представить социально-экономический облик древнего поселения, его архитектурные особенности, занятия и быт населения.

Городище Ключевка находится в 4-х км к северу от г. Ливны и в 4 км к югу от с. Воротынск на правом берегу р. Ливенки (левый приток р. Сосны) (илл. 56). Оно расположено между двумя глубокими, широкими и длинными оврагами, на мысу высотой 27 м над уровнем реки. Площадка городища почти круглая, диаметр 26-28 м. Учитывая небольшую площадь памятника, его можно считать феодальным замком.

Основу оборонительных сооружений укрепленной усадьбы составлял деревоземляной вал, состоящий из двух рядов параллельных срубов, из которых наружный, для большей крепости, был засыпан землей и «каменьем» (илл. 57). Во внутренних же срубах, с внутренней стороны, были прорублены двери. Срубы служили в качестве осадных клетей для собиравшегося в случае военной опасности «в осаду» населения. Их плоские крыши использовались для размещения во время боя защитников замка и метательных снарядов. Продолжением линии наружных срубов являлась крепостная стена из толстых сосновых бревен, стоявшая непосредственно на валу. Вряд ли она была особенно высока — «в рост человека стоящ», представляя собой деревянную галерею, шедшую по верхушке вала. Наружный слой вала был обмазан глиной. Во время штурма он обливался водой, что делало его труднопреодолимым. Со стороны реки и оврагов, где опасность нападения была меньше, вал насыпать сочли ненужным, ограничившись простым частоколом. Въезд в крепость находился в северо-западном углу и был построен таким образом, что противник при его штурме вынужден был подставлять стрелам оборонявшихся правый, не закрытый щитом бок. Почти наверняка воротный проезд увенчивала четырех— или шестигранная башня. Из-за небольших размеров феодального замка княжеские хоромы и жилые постройки были встроены в крепостную стену (по образцу замка в Любече под Киевом), и вдоль их наружной стены проходила оборонительная галерея. Остальную территорию занимали, по-видимому, складские постройки и погреба. Донжоном (главной башней), предположитель-

но, являлась башня над воротами, соединявшаяся с жилыми помещениями галереей. Перед крепостным рвом, скорее всего, располагались дополнительные оборонительные устройства типа надолбов, деревянных ежей и отдельно вкопанных столбов, которые должны были воспрепятствовать попытке неприятеля подтащить к крепостной стене штурмовые лестницы и перекидные мостки.

Возможно, свою, весьма слабую линию укреплений — мелкий ров, частокол или «столпие », имел и посад (илл. 58). Целью ее сооружения являлась необходимость помешать неприятелю «изгоном», внезапно, захватить поселение и дать возможность населению укрыться в детинце. Наличие подобной линии укреплений было весьма актуально для пограничного степного городка, ввиду постоянной опасности набегов. Никаких видимых следов ее на поверхности не осталось, вероятно, она была позднее распахана в процессе сельскохозяйственных работ (илл. 59, 60).

Что касается жизнедеятельности местного населения, то основным его занятием было земледелие, развито было и скотоводство. Большим подспорьем служили охота и рыболовство. Прекрасно развиты были ремесла — гончарное, кузнечное, деревообделочное, ювелирное.

Одним из показателей развития уровня жизни людей является искусство обработки металла, т. е. металлургическое производство, которое в Орловском крае в ХП-ХШ вв. было основано на местном сырье — болотных и луговых рудах. На селище Ключевка-2, расположенном через овраг, к югу от городища, вскрыта часть сыродутного горна — глинобитной овальной печи, стенки которой были докрасна обожжены. Толстый слой глины, лежащий около печи, является, вероятно, остатками ее развалившегося свода. У горна и на значительном расстоянии от него найдены куски железного шлака. Производство кузнечной и слесарной продукции в местечке Ключевка велось мастерами, хорошо владевшими техникой обработки черных металлов — вытяжкой, пробивкой отверстий, круговой и винтовой ковкой и т. п. Продукция, полученная в результате горячей или хо-

лодной обработки черного металла, достаточно велика и разнообразна. Это орудия труда, представляющие собой многочисленные инструменты по обработке металла, кости, дерева, кожи, а также сельскохозяйственный и промысловый инвентарь, предметы вооружения и снаряжения всадника и коня (илл. 61—63).

Предметы быта стали самыми многочисленными и разнообразными находками на Ключевском комплексе: ножи, точильные бруски, гвозди, строительные костыли, скобы, пробои, цепи, обручи, ключи от трубчатых замков, серп, коса-горбуша, конские подковы, кресала и многое другое. Железные ножи разных размеров, от миниатюрных до больших, выполняли разные функции — кухонные, хозяйственные. Внушительные размеры имел один из найденных ключей от трубчатого замка — около 20 см в длину. Он изготовлен из железного стержня прямоугольного сечения, один конец которого загнут глухой круглой петлей, а другой, рабочий, оформлен в виде фигурной петли с язычком, расположенным под прямым углом к стержню. Важным предметом в быту было кресало — железная фигурная пластина, служившая для добывания огня. Были обнаружены два кресала — калачевидное и овальное. Из железа изготовлены и некоторые предметы убора: одежные и поясные пряжки, булавки — фибулы, обувные подковки. Многочисленны находки гвоздей разных типов —• строительно-крепежных, подковных. Основную массу составляют строительно-крепежные гвозди разной величины,прямоугольные в сечении, с плоскими круглыми шляпками, «костыльковые» (один конец стержня, образующий шляпку, загнут под прямым углом). В клети, примыкавшей к насыпи вала городища, на обугленных сосновых бревнах, закрепленных в «венец», между четвертым и пятым бревнами был найден массивный костыль длиной 16 см.

Второе место по численности после предметов быта занимает сельскохозяйственный и промысловый инвентарь: плужные лемеха, серп, коса-горбуша, конские подковы, рыболовные крючки и грузила, наконечники стрел. Уборка

зерновых культур (найдены обуглившиеся зерна пшеницы и ячменя) производилась серпами, а основным орудием сенозаготовки была коса-горбуша. Содержание крупного и мелкого скота, а также лошадей и птицы (обнаружены кости коров, лошадей, коз, свиней, птиц) требовало заготовки большого количества корма на зиму. В обнаруженной на территории посада косе-горбуше в средней части лезвие значительно изогнуто «горбом» (отсюда название изделия), конец черенка загнут крюком для более прочного скрепления с деревянной рукояткой. Длина клинка 50 см, ширина 4 см. Черенок отделен от клинка небольшим уступом, что является характерным признаком древнерусских кос XII—XIII вв. Найдены четыре конских подковы, крепившиеся к копыту тонкими небольшими гвоздиками через прямоугольные и овальные отверстия. Местное население использовало лошадей в качестве тягловой силы, для боевых целей, их мясо употреблялось в пищу.

Массовыми находками стали тысячи фрагментов гончарной керамики, типичной для XII—XIII вв., из серой глины с примесью мелкого песка, хорошо обожженные, представлявшие собой первоначально различные горшки, миски, сковородки, сосуды (илл. 64-66). Большинство керамических горшков гладкостенные, остальные орнаментированы рядами ровных глубоких горизонтальных полос или волнистых линий, нанесенных преимущественно в верхней части изделий. На днищах некоторых сосудов встречаются клейма в виде кругов, прямых пересекающихся линий и других вариантов геометрического орнамента. Найдены также несколько глиняных прясел и грузиков, применявшихся при прядении и ткачестве. Два пряслица изготовлены из розового шифера и наверняка были завезены из Овруча под Киевом, единственного места древней Руси, где они изготавливались в ХП-ХШ вв.

На селище Ключевка — 2 (илл. 67), помимо гончарной керамики XII—XIII вв. и тысяч фрагментов лепной керамики, типичной для конца III — первой половины II тысячелетия до н. э., обнаружены два скопления лепной керамики

того же времени, оказавшиеся развалами двух огромных, прекрасно орнаментированных сосудов — корчаг, имевших диаметр горла около 50 см и высоту 50-60 см. Изготовлены корчаги из светло-коричневой и красно-коричневой глины с примесью крупнозернистого песка. Верх венчиков украшен пальцевыми защипами, ногтевыми вдавлениями и насечками. Внешняя поверхность орнаментирована прочерченными линиями — горизонтальными и наклонными. Преобладающим мотивом геометрического орнамента являются композиции из заполненных треугольников, ромбов, «елочек» и сетки. Орнамент располагается широкой полосой сразу от венчика и по всему тулову. Одна из корчаг имела круглые сквозные отверстия диаметром 1 см по всему тулову. Возможно, она предназначалась для хранения продуктов или для приготовления творога. Аналогичная лепная керамика с богатым орнаментом найдена и в нижнем культурном слое городища Ключевка.

Промыслы местного населения представлены предметами рыбной ловли и охоты. Железные рыболовные крючки имеют внушительные размеры и толщину: массивный стержень прямоугольного сечения загнут дугой, заканчивающейся острым зубом, другой конец завершен замкнутой петлей, за которую крепилась леска. Судя по размерам крючков (6-7 см) и рыбных позвонков (15-18 см), рыба в р. Ливенке восемь столетий тому назад водилась довольно больших размеров — до полутора метров в длину и даже больше. Свидетельством хорошо развитого рыболовного промысла, бывшего прекрасным источником питания, являются и многочисленные каменные и глиняные рыболовные грузила для удил и сетей — овальные и цилиндрические, гладкие и с орнаментом.

О наличии охотничьего промысла можно судить как по останкам лесной фауны (косуля, кабан, дичь), так и на основании находок наконечников стрел, дротиков, копий. Естественно, что любое оружие может быть как охотничьим, так и боевым. Во время раскопок из предметов оружия и оборонительного вооружения, кроме наконечников стрел,

13 Заказ № 3877

дротиков, копий, найдены также боевые топоры, железные колечки от кольчуги, костяная декоративная резная обкладка от колчана (чехол для стрел), предметы снаряжения коня — подковы, стремена, удила. Наконечники стрел можно подразделить на втульчатые и черешковые, плоские и граненые бронебойные. Из оружия ближнего боя найдены два наконечника копий: один — втульчатый с плоским листовидным лезвием, другой — черешковый, в виде тонкого четырехгранного стержня с небольшим плоским треугольным двушипным пером. Это копье-сулица, характерное для XII—XIII вв.

Анализ украшений из цветных металлов позволил определить технологию их производства. Самым распространенным способом обработки цветных металлов здесь, на Ключевском археологическом комплексе, являлось литье при помощи глиняных, жестких (каменных) и восковых формочек. Частыми находками были бронзовый и медный шлаки, куски спекшегося пористого стекла, заготовки для будущих изделий — медная проволока, куски бронзы, что свидетельствует о хорошо развитом местном ювелирном производстве. Наличие тонкой медной проволоки, с довольно ровным сечением, говорит о том, что местным ремесленникам были хорошо известны приемы волочения проволоки. Изготовление проволоки было очень трудоемким и сложным процессом, и ее наличие на древнем поселении является показателем высокого мастерства ювелиров.

Самой многочисленной категорией украшений на Ключевском комплексе являются стеклянные витые и гладкие браслеты разного цвета: фиолетовые, черные, коричневые, синие, голубые, зеленые, бирюзовые, желтые. Витые браслеты количественно преобладали над гладкими. Кроме браслетов, найдены две шаровидные хрустальные бусины, глиняные бусы, амулеты из костей и зубов животных с просверленными отверстиями для крепления, три височных кольца — два круглопроволочных с разомкнутыми концами и одно серебряное семилопастное (фрагмент), билоновая подвеска в виде цветка, украшенная в технике зерни «шишечками», бронзовые булавки-фибулы, подвески из

речных ракушек, четыре перстня из билона и бронзы: два — решетчатые, один — рубчатый, один — овально-щитковый (в виде перстня-печатки).

В 2001 г. на территории селища Ключевка-2 вскрыто первое погребение (илл. 68). Долгое время экспедиция не могла найти место, где жители совершали захоронение своих умерших сородичей. Изучение погребального обряда дает бесценные сведения о проживавшем в данной местности населении. Кладбища в земле вятичей располагались преимущественно на возвышенностях, чаще на берегах рек, и были невелики, что соответствовало небольшим размерам селищ. Вокруг Ключевского комплекса немало удобных мест для возведения могильника, но курганы нигде не просматриваются. Возможно, они были распаханы за минувшие столетия, или же умерших хоронили здесь бескурганным способом, просто в грунтовых ямах-могилах.

Во время осмотра памятника в одной из кротовин (кучка земли, выгнанная кротом из глубины) были обнаружены четыре кости от человеческого черепа. Это стало поводом для закладки на этом месте шурфа. На глубине 0,8 м лежал костяк, рядом находились раздавленные верхним слоем земли горшки. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая покоилась на бедре. Такое положение говорит о довольно раннем времени погребения, приблизительно в первой половине XII в., т. к. позднее, с утверждением христианства, руки умерших складывали на груди. Погребение было совершено в неглубокой яме (углублена в материк на 0,15 м) и имело юго-западную ориентировку, т. е. умерший лежал головой на юго-запад. По исследованиям археолога Н. Г. Недошивиной ямные погребения славян-вятичей имели, как правило, западную ориентировку, но были и исключения. Если умершего хоронили зимой, то клали головой на северо-запад, а если летом — на юго-запад. Из этого следует, что обнаруженный костяк был погребен летом, примерно 800 лет назад. На скелете не было никаких погребальных предметов, лишь справа от него, у головы, у бедра и в ногах стояли се-

роглиняные гончарные горшки, украшенные линейным орнаментом. Возможно, в них находилась жертвенная пища. Любопытна одна деталь. У славян-вятичей обряд трупосожжения умерших доживает до XI — начала XII в. и в течение некоторого времени, может быть, более полувека, сосуществует с обрядом трупоположения умерших, получившим распространение на Орловщине уже в XI в. Однако некоторые пережитки обряда трупосожжения еще долго встречаются в курганах с погребениями некремированных трупов — это угольные прослойки в насыпи могилы, а также угли и кострища на материке рядом с погребением. Именно так был погребен древний ключевский житель. Кроме углей и золы, в могильной засыпке были обнаружены сотни фрагментов гончарной керамики с линейным и волнистым орнаментом, несколько железных предметов быта и 18 фрагментов стеклянных разноцветных браслетов. В засыпке находилось также большое количество костей птиц и животных. Возможно, это остатки тризны или жертвоприношения. Над умершим жгли погребальный костер, который был таким мощным, что толщина прекрасно сохранившегося зольного слоя составляет 0,2 м.

Любопытно, что кости обнаруженного скелета имели небольшие размеры,что указывало на наличие детского погребения. После совместного с сотрудниками Бюро судебно-медицинской экспертизы Орловской области изучения костяка оказалось, что он принадлежал девочке, умершей в возрасте 6-10 лет, ее рост составлял 1-1,1 м. Что послужило причиной смерти ребенка, мы никогда не узнаем. Судя по тому, с какими почестями девочка была захоронена (столь мощный погребальный костер разжигали лишь над знатными людьми или славными воинами), она могла быть дочерью местного феодала. Пока случайно найдено лишь одно погребение, и нельзя сказать без дальнейших исследований, что это:одиночное захоронение или часть ключевского могильника.

Для установления датировки культурного слоя Ключевского археологического комплекса за основу были взяты

стеклянные браслеты, шиферные пряслица, керамика, отдельные предметы быта и вооружения. Они позволили датировать городище Ключевку и селища вокруг него XII—XIII вв., а нижние культурные слои городища Ключевка и селища Ключевка-2 концом III — первой половиной II тысячелетия до н. э.

Феодальный замок и окружавшие его селища прекратили свое существование предположительно в XIII в. Во время раскопок был выявлен мощный слой пожарища. Жизнь здесь больше не возрождалась. Возможно, что этот небольшой городок уцелел во время Батыева нашествия на Русь в 1237-1239 гг., ведь татары тогда прошли гораздо севернее Ливен (Козельск — Белев). Вполне вероятно, что трагедия могла произойти в 1283 г., когда татарский баскак Ахмат Темиров разорил Елец и его окрестности, куда входили и ливенские земли.

В полевой сезон 1997 г. археологическая экспедиция Орловского краеведческого музея прошла по Муравскому шляху, пролегавшему в XVI-XVII вв. через ливенский край. Муравский шлях — это основная дорога, по которой татары совершали разорительные набеги на Москву. Он создан самой природой. Наверное, им пользовались еще в глубокой древности скифы и сарматы, печенеги и хазары. Здесь нет указателя, но эту дорогу можно проследить на любой карте Орловской области: Долгое, Ливны, Красная Заря, Судбище, Шлях, Муратово, Сторожевая, Русский Брод, Татарский Брод и т. п. Муравский шлях шел водоразделами Оки и Дона, сливался с другими древними дорогами и уходил в бескрайние приазовские степи. На его многокилометровом пути мало встречалось рек и лесов, лишь в изобилии росла луговая трава-мурава — прекрасный корм для татарских коней.

У Ливен сходились три шляха — Муравский и его ответвления — Кальмиусский и Ногайский, отсюда же начиналась Новосильская дорога. Около сотни километров пройдено по удивительно красивому ландшафту. Населенные пункты здесь, на водоразделе рек Ливенки и Кунача, Трудов и Кшени, редки. Путеводителем стало описание Мурав-

ского шляха, приведённое Г. М. Пясецким в «Исторических очерках города Ливны и его уезда»: «...ехать Муравскою дорогою к верху речкам Ливнам... А под Ливнами перелезши реку Сосну под городом и ехать Муравскою дорогою вверх по рекам, по Тиму да по Кшеневой, а река Тим по праву Муравския дороги, а Кшенева по леву Муравския дороги »? На территории лйвенского края татары имели пять бродов для переправы через реки. На Муравской сакме брод был у впадения Трудов в Сосну. В своих походах на Москву татары редко миновали ливенские земли, поэтому люди предпочитали не селиться там, где пролегали их дороги, т. к. каждый населенный пункт легко мог превратиться в выжженную пустошь, а жители убиты или уведены в плен. Мало селений, основанных в XVI в. близ Муравского шляха, сохранилось по сей день. Это Малахово, Соловьевка, Воротынск, Каменево, Троицкое, Бараново. Конечно, этот список далеко не полный, и новые исследования его непременно расширят.

С *1999* по 2002 г. археологическая экспедиция Орловского краеведческого музея проводила раскопки на территории бывшей Ливенской крепости, основанной в 1586 г. на высоком мысу, у слияния рек Быстрой Сосны и Ливенки (илл. 69). Цель исследований —■ выявить и датировать нижний культурный слой на этом мысу в самом центре г. Ливны, где сейчас находится городской парк культуры и отдыха. Вполне возможно, что такое удобное место, высотой более 30 м над уровнем рек Сосны и Ливенки, с крутыми, почти отвесными берегами, могло привлечь внимание древнерусского населения.

Первые раскопы, 8 шурфов, на территории детинца крепости были заложены у Заливенских ворот. Мощность культурного слоя составила здесь 1,6 м. Выявлены слои обожженной глины с угольной подушкой, остатки каменных забутовок и вымостки из известнякового щебня. Интересной находкой стала кладка из девонских известняковых прямоугольно отесанных плит (50 х 30 х 12 см), скрепленных известковым раствором (илл. 70). Основанием этой сте-

ны служил пол из известняка, а верх увенчивали овальные известковые плиты, уложенные горизонтально, в несколько рядов. Это угол строения. Возможно, здесь был погреб дома или фундамент от наземного строения. В раскопе рядом найдено огромное количество печных изразцов: одноцветных и полихромных, украшенных синими цветами, зеленой виноградной лозой с гроздьями желтых ягод. Возможно, это дом зажиточного человека, ведь печные изразцы в XVI-XVIII вв. были предметами роскоши.

Основанная в XVI в., крепость Ливны являлась мощным оборонительным сооружением, на протяжении ряда столетий охранявшим южные границы Московского государства от набегов крымских и ногайских татар. Крепость имела форму неправильного четырехугольника. Ее стены венчались семью башнями, три из которых имели проезжие ворота: Никольская, Егорьевская и Заливенская. Все крепостные сооружения были деревянными, поэтому до наших дней ничего не сохранилось, кроме следов материальной культуры в толще земли. Находки представляют собой в основном массовый материал: тысячи фрагментов гончарной керамики и стеклянных изделий, кости животных и птиц, сотни фрагментов печных изразцов, сотни кованых гвоздей, строительные костыли, шилья, глиняные курительные трубки, стеклянная синяя граненая бусина, бронзовая декоративная пряжка, медные нательные крестики, медная монета «денга» 1737 г. и пр. Находки датируются XVI-XVIII вв.

В 2000-2001 гг. шурфы закладывались в северном и северо-западном углах крепости: два на правом берегу р. Ливенки и два рядом с Домом культуры. Здесь также выявлен культурный слой XVI в. и последующих эпох, собраны многочисленные предметы материальной культуры прошлого. Главной находкой стали фрагменты гончарной керамики и железный наконечник стрелы ХП-ХШ вв., свидетельствующие о заселенности данной территории в древнерусский период. Они были обнаружены на глубине около 2 метров (илл. 71).

О находках в культурном слое ХП-ХШ вв. на мысе у

слияния рек Сосны и Ливенки имеются сведения в «Отчете к Открытому листу № 56 за 1962 год на право производства археологических разведок в пределах Воронежской и Липецкой областей » (архив археологического музея Воронежского Государственного университета). Отчет составлен археологом А. Н. Москаленко, обследовавшей частично территорию Ливенского района Орловской области. А. Н. Москаленко так описывает разведочные работы на территории бывшей Ливенской крепости: «Поселение славяно-русской культуры. Оно находится на высоком мысу левого берега р. Быстрая Сосна, у слияния р. Ливенка и р. Б. Сосна. Склоны мыса крутые. Территория мыса частично занята жилыми домами, частично парком г. Ливны. Со стороны плато и сейчас местами видны остатки рва. Вполне вероятно, что в древности здесь был и вал. Во время нашего пребывания в г. Ливны северо-западная часть рассматриваемого мыса была перерезана глубокой траншеей под водопровод. В обнажении траншеи выявлен культурный слой, толщина которого на данном участке небольшая. Причем в профиле обнажения траншеи почти полностью отсутствовали позднейшие напластования. В основании культурного слоя удалось выявить профили двух полуземляночных жилищ и профили трех хозяйственных ям. С первым жилищем связывается неглубокая хозяйственная яма. Оба жилища и хозяйственная яма № 1 керамическим материалом датируется домонгольским временем. Хозяйственные ямы № 2 и № 3 относятся к более позднему времени. Между жилищем № 2 и хозяйственной ямой № 2 в профиле зачищен ров, который не удалось, к сожалению, датировать керамическим материалом. На поверхности удается определить направление этого рва. Вероятно, в домонгольский период поселение занимало только центральную часть мыса, ограниченную валом и рвом со стороны плато и небольшим рвом с северной, несколько пологой стороны мыса. В последующее время поселение заняло большую территорию и распространилось по всему мысу. Причем это более позднее поселение, возможно, уже было укрепленным».[4]

Эти данные, полученные Воронежской археологической экспедицией в 1962 г., когда исторический центр г. Ливны был застроен не настолько плотно, как сегодня, а также данные, полученные археологической экспедицией Орловского краеведческого музея, позволяют предположить наличие древнерусского поселения XII—XIII вв. у впадения р. Ливенки в р. Сосну.

Все открытые археологической экспедицией памятники на территории Ливенского района хронологически делятся на шесть групп, седьмая группа имеет разновременный культурный слой.

1- я группа. Пять стоянок эпохи неолита IV — начала III тысячелетия до н. э. (Смагино, Касьяново, Воротынск-3, Козьминка-1,2). Слабая изученность неолитических памятников района, представляющих собой остатки поселений древних охотников и рыболовов, позволяет лишь предполагать, что относятся они к белевской культуре, происходящей от двух родственных групп — деснинского раннего неолита и культуры ямочно-гребенчатого раннего неолита лесной полосы. Остродонные сосуды украшались ямочно-гребенчатым орнаментом, при изготовлении каменных орудий труда широко использовались пластины.

2- я группа. Семь селищ эпохи бронзы конца III—II тысячелетия до н. э.: нижний слой городища Ключевка, Ключевка-2,4, лагерь отдыха завода «Ливгидромаш», Стрельбище, Старое Горюшкино, Брыково и курганный могильник у д. Успенское (насыпи снесены и на местности не просматриваются). Находки представляют собой кремневые, костяные и бронзовые наконечники стрел и копий, бронзовые проколки, ножи, кремневые скребки и отщепы, лепную толстостенную керамику кирпичного цвета с зубчатым, шнуровым, рамчатым, широколинейным, елочным, ромбическим, ямочным, ногтевым орнаментом и пальцевыми защипами по верху и внешней окружности венчика и пр. Судя по находкам, здесь проживало население, близкое племенам степной и лесостепной катакомбной культуры конца III — первой половины II тысячелетия до н. э. На основании на-

ходок фрагментов лепных сосудов баночной формы с заглаженными поверхностями некоторые памятники отнесены к лесостепной позднесрубной культуре второй половины II тысячелетия до н. э. К абашевской культуре эпохи бронзы относится курганный могильник у Д. Успенское, где рядом со скелетами людей обнаружены, кроме изделий из бронзы, лепные горшки с большими примесями толченой речной ракушки в тесте.

3- я группа. Четыре селища конца I тысячелетия до н. э. — начала I тысячелетия н. э. (Мальцево — 1, Лютое — 2, Кунач — 4, поселок сахарного завода). В этот исторический период юго-восток Орловской области занимали племена лесостепной сейминской (зольничной) и среднедонской культур, близкие к скифам (конец I тысячелетия до н. э.). А в первой половине I тысячелетия н. э. бассейн р. Быстрая Сосна являлся границей сармато-аланских, балтских и Черняховских племен.

4- я группа. Пять селищ VIII — X вв. (Вахново, Пушкарское — 1,2, Малахово, Соловьевка). В конце VIII в. территорию Орловского края заселили племена славян-вятичей, осевших по верхней Оке, а верхний Дон заняло славянское население борщевской культуры. Именно по водоразделу Оки и Сосны проходила граница соприкосновения данных племенных групп, чьи селища выявлены на территории Ливенского района.

5- я группа. Девять памятников XI—XIII вв. (городище Ключевка, селища Кючевка — 1,2,3,4,5,6, Стрельбище, Вязовик). Памятники *этого* периода представлены интереснейшим археологическим комплексом Ключевка, причем данное городище на сегодняшний день единственное в Ливенском районе.

6- я группа. Сорок одно селище XIV-XVIII вв. (Здоровец, Костомаровка, Воротынск — 1,2, Красово, Мальцево — 2, Пушкарово — 1,2, Мезенцево, Хвощевка, Гремячий Колодец, Пешково — 1,2, Лютое — 1,2, Чувакино, Касьяново, Крутое, Базекино, Ровнец — 1,2, Плешково, Кунач — 1,2,3,4, Екатериновка, Старое Горюшкино, Речица, Викторовка —

1,2, Калинино, Липовец, Пушкарское — 2, Теличье, Вязовик, Введенское, Малахове, Каменево — 1,2, крепость Ливны, Старый Тим). Количество позднесредневековых селищ довольно значительное. Они располагаются в тех же топографических условиях,что и древнерусские, т. е. по берегам рек и в редких случаях — на водоразделах.

3- группа. Десять памятников с разновременными культурными слоями (городище Ключевка, селища Ключевка-2,4, Лютое — 2, Касьяново, Кунач — 4, Старое Горюшкино, Стрельбище, Пушкарское — 2, Малахово).

С 2003 г. и по настоящее время археологическая экспедиция Орловского краеведческого музея работает на территории национального природного парка «Орловское Полесье». Проводится сплошное обследование парка на предмет выявления археологических памятников. В 2003 г. обследовались предполагаемые курганные насыпи у с. Льгов, оказавшиеся природными маренными образованиями правильной конической формы. В 2004 г. проводились раскопки на древнейшем городище Орловской области (середина I тысячелетия до н. э. — конец I тысячелетия до н. э.) у д. Радовище Хотынецкого района. Изучались конструктивные особенности оборонительных сооружений (произведен разрез вала), на территории площадки городища заложены раскопы. Находки представлены тысячами фрагментов лепной керамики, фрагментами массивных глиняных рыболовных грузил с глубокими пальцевыми вдавлениями и единичным глиняным пряслицем. Находки из других видов материала не выявлены.

Кроме проведения плановых исследований, археологи часто выезжают в разные районы области для осмотра случайных находок, сделанных местными жителями.

Весной, в половодье, или после дождя размывается верхний слой почвы, и внимательные путники находят самые разные древние предметы: бусы, обломки стеклянных и металлических браслетов, каменные топоры, орудия труда из камня и металла, фрагменты керамики. Трудно заметить в земле серые черепки или неброские вещицы, но если такие

предметы найдены, то, как правило, их приносят в музей. Одной из интереснейших случайных находок, поступивших в Орловский краеведческий музей, стала каменная баба.[5] Ее нашли в 1984 г. при проведении земляных работ на окраине пос. Верховье Орловской области (илл. 72). Очевидец рассказывал, что ковш экскаватора странно завибрировал и вынул из земли большой овальный камень. Заинтересовавшись находкой, экскаваторщик покинул кабину и очистил камень от смерзшейся земли. Каково же было его удивление, когда взору предстала каменная баба, весом более 150 кг. Надо отдать должное рабочим АО «Надымспецсвармонтаж», которые очень бережно отнеслись к посланнице далеких веков и при первой возможности привезли ее в музей.

По внешнему виду скульптура напоминает снеговика: по тулову проходят два горизонтальных пропила, выделяющих небольшую голову, чуть больший по размеру торс и еще большую округлую нижнюю часть — основание. Изготовлена из серого песчаника, имеет овальную, довольно плоскую форму, высота — 80 см. Прорисовка рук и ног отсутствует. Очень выразительны «черты лица» статуи — они монголоидные, особенно узкие, удлиненные глаза с обозначенными зрачками и тяжелыми, нависшими веками. Ее взгляд словно живой, таящий в себе мудрость веков. На голове, с правой стороны, имеется ямкообразное «ушное» отверстие, с другой стороны его нет. Рот обозначен многочисленными мелкими дырочками и слегка растянут в легкой снисходительно-загадочной улыбке. Судя по тому, что на торсе статуи слегка обозначены груди — это женское изображение.

Находка каменной бабы единична и уникальна не только для Орловской области, но и для всего региона. По заключению специалистов Института археологии Российской Академии наук, «...форма данного памятника весьма необычна, она не свойственна монументальной скульптуре. Нижняя часть его (основание) также уникальна, аналогии ему не известны. Относительно времени создания данного

памятника отметим, что он не может датироваться ранее эпохи средневековья. Подобная трактовка глаз, например, известна в мелкой пластике и каменной скульптуре носителей салтово-маяцкой культуры (хазар, болгар). Таким образом, наиболее вероятная дата создания данного памятника — IX-XI вв. н. э., хотя не исключается и более поздняя дата».[6]

Специалисты Российского Этнографического музея Санкт-Петербурга считают, что «...размеры и некоторые общие соображения могут говорить о дате бытования изваяния не ранее неолита — бронзы и вплоть до раннего дохристианского средневековья. Важен вопрос о местонахождении «бабы» в горизонтальном положении, поскольку именно так использовались изваяния степной бронзы в погребениях. По археологическим данным, на сегодняшний день находка является уникальной и не имеющей аналогов ».[7]

Какому же народу могла принадлежать пришедшая из глубины веков каменная баба? С VII в. до н. э. и вплоть до XIII в. в восточноевропейских степях обитали кочевые народы — скифы, сарматы, печенеги, торки, половцы, оставившие после себя многочисленные курганы. Лишь два народа из вышеперечисленных оставили в качестве культурного наследия каменные изваяния — это скифы и половцы. Кому-то из них и принадлежит это замечательное произведение степного искусства.

Более сотни лет длится археологическое обследование Орловщины. Одно поколение археологов сменяет другое. На смену одному открытию приходят десятки, а порой и сотни других. Но благодарные потомки всегда будут помнить и с уважением относиться к пионерам орловской археологии, положившим начало изучению древней истории края. И сегодня, как завещание потомкам, актуально звучат слова члена Орловской ученой архивной комиссии В. М. Турчанинова, произнесенные им в 1906 г.: «Изучение родного края ... тех духовных народных сил, при которых создавалось и формировалось Русское государство, должно ... стать на первую ступень. И я верю, что над археологи-

ей взойдет счастливая звезда, и то самое общество, которое теперь так мало проявляет к ней интереса, со временем скажет свое спасибо тем, кто потрудился над ее разработкой» (илл. 73).[8]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Краснощекова С. Д. Отчеты о разведках... 1987-1989 гг.// ИА РАН. Архив. — Р — 1 — Д. Д. 11892,12550, 13538.
2. Краснощекова С. Д., Неделин В. М. Ключевский археологический комплекс — феодальный замок ливенских князей XII-XIII вв.?// Очерки феодальной России: Сборник. — М., 1999. — С. 25-30.
3. Пясецкий Г. М. О четырех главных дорогах, которыми крымские татары вторгались и опустошали пределы нынешней Орловской губернии// Орловские епархиальные ведомости. — № 19. — Орел, 1970. — С. 1238.
4. Москаленко А. Н. Отчет к Открытому листу № 56 за 1962 год на право производства археологических разведок в пределах Воронежской и Липецкой областей // ВГУ. Архив.
5. ОКМ. Фонд № 35439.
6. ОКМ. Архив. — Д. 3097.
7. Там же.
8. Орловские епархиальные ведомости. — № 48. — Орел, 1906. — С. 1315.

Часть IV

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГЛАВА 1. Каменный век (Палеолит. Мезолит. Неолит.)

ПАЛЕОЛИТ

Прародиной человека по последним данным была Южная и Восточная Африка, где 6-5 млн. лет назад появились уже прямоходящие австралопитеки — древнейшие предки человека. Из австралопитековых 3—2 млн. лет назад выделился «хомо хабилис» — человек умелый, изготовлявший примитивные каменные орудия из галек, один конец которых для получения острого (рабочего) края оббивался несколькими ударами другого камня (чопперы, чоппинги, сфероиды). Человек умелый, вероятно, был предком архантропов (питекантроп, синантроп и др.), часто называемых «хомо эректус» — человек прямоходящий. Архантропы более тщательно изготовляли каменные орудия, часто оббивая их со всех сторон (т. н. «бифасы» — ручные рубила). Получавшиеся при оббивке отщепы с острыми гранями использовались как режущие орудия. Поздние архантропы — синантропы и другие — уже знали огонь и использовали под жилища пещеры.

Освоение Русской равнины предками человека сдерживалось двумя причинами — отдаленностью региона от прародины человечества и природными условиями.

Центр Русской равнины, далекий от предполагаемой

прародины человечества, часто покрываемый ледниками начавшегося 600 тысяч лет назад плейстоцена, был освоен уже палеантропами — неандертальцами эпохи мустье — 70 тысяч лет назад в конце микулинского межледниковья — начале вюрма-валдая.

Основная часть памятников эпохи мустье известна на юге равнины. На север они продвинулись до района г. Брянска (52° северной широты).

Неандертальцы владели искусством добычи огня, строили — при отсутствии пещер — зимние жилища с очагами, несомненно, изготовляли одежду и обувь из шкур животных. Основой жизни была коллективная загонная охота. За добычей неандертальцы далеко уходили от своих зимних стойбищ. Среди их стоянок известны летние охотничьи лагеря. По сравнению с их предшественниками, неандертальцы обладали достаточно развитой индустрией изготовления каменных орудий, насчитывающей по эпохе мустье несколько десятков типов. Основным материалом для изготовления орудий становится кремний (кремень). Вначале подготавливали ядрища — нуклеусы: кремневые желваки предварительно оббивали, чтобы освободить от известковой корки и придать дисковидную или пирамидальную форму. С нуклеусов скалывали широкие отщепы, которые путем дополнительной обработки (ретуши) превращались в нужные орудия: остроконечники, скребки, ножи и др. Орудия изготовлялись на так называемых «стоянках — мастерских».

Среди брянских стоянок выделяется Хотылево-1, расположенная у места выхода кремневого сырья по правому берегу Десны. Здесь собрано около 20 тысяч кремневых изделий, из которых лишь 1% — орудия. Типичного культурного слоя по памятнику не выявлено. Редкие находки древней фауны представлены костями мамонта, бизона, лошади и волка. Хотылево-1 относят по типу к стоянкам — мастерским.[1]

Продвигаясь с юга на север до брянского течения Десны, неандертальцы эпохи мустье не могли миновать Орловщины. Однако достоверных следов неандертальцев по области не выявлено. Возможно, что к памятникам эпохи му-

стье относится комплекс местонахождений кремневых изделий и отходов их производства у д. Кремль Шаблыкинского района на истоках р. Глинка (правый приток р. Цон).

Комплекс открыт Орловским археологическим отрядом в 1980 г., осматривался экспедицией И. К. Фролова в 1982 г. Исследование памятника не закончено, оно продолжается по сегодняшний день. По распаханным полям близ д. Кремль обнаружено 5—6 скоплений кремневых изделий площадью до нескольких гектаров. Наличие культурного слоя не выявлено. Подъемный материал представлен кремневыми находками. Среди них преобладают отщепы и обломки кремня, много нуклеусов разных форм и заготовок орудий. Любопытны находки кремневых пластин и сообщения жителей близлежащего с. Хотьково о находках у д. Кремль шлифованных кремневых топоров. Вероятно, выходы кремневого сырья моренного происхождения у д. Кремль служили стоянками-мастерскими для человека с эпохи мустье до бронзового века включительно.[2]

40 тысяч лет назад центр Русской равнины осваивает неантроп —- человек современного биологического типа и уже не покидает его при любых изменениях климата. Наступает эпоха позднего палеолита. В раннем периоде заканчивается формирование человека современного биологического облика, исчезают остатки его предшественников — неандертальцев. Происходит становление позднепалеолитической культуры Русской равнины, по огромному ареалу которой выделяют ряд регионов своеобразного культурного развития. Орловское течение Оки включают в зону распространения памятников Верхнего Дона (или Среднего Подонья), наиболее известного позднепалеолитического региона по центру Русской равнины. В данном регионе выделяют группу из нескольких десятков стоянок на Дону близ г. Воронежа — Костенковско-Борщевский позднепалеолитический район. Некоторые исследователи включают данный район с находящимися севернее у с. Владимира на Клязьме всемирно известными стоянками и могильником Сунгирь в регион группы стрелецко — сунгирьских культур. Другие,

включив данную территорию в регион верховья Сейма и Оки, относят ее к ареалу виллендорфско-костенковской культуры (на среднем этапе — костенковско-авдеевской культуры). По самому Костенковско-Борщевскому району выделяют несколько хронологически сосуществовавших местных культур (спицынская, городцовская, замятинская).[3]

Мастера позднего палеолита, сохранив старые приемы оббивки и скола, перешли к системе отделения пластин с нуклеусов призматической формы посредством рычага — отжимника (отжимная пластинчатая техника). При помощи усовершенствованной техники ретуши из полученных ножевидных пластин изготовлялись многочисленные типы орудий и охотничьего оружия: резцы, скребки, скобели, ножи, наконечники копий, дротиков и др. (илл. 74). Многие орудия и украшения изготовлялись из кости, рога и бивня мамонта. Раскопки могильника Сунгирь показали, что одежда покойных была расшита многочисленными бусами из бивня мамонта, и их сопровождали положенные в могилы копья до 3-х метров длины, целиком изготовленные из бивня (илл. 75). Из того же материала кремневыми резцами изготовляли рельефные изображения и скульптурные фигуры зверей и птиц. Среди скульптур выделяются т. н. «палеолитические венеры» — изображения женщин, продолжательниц рода. Находки костяных игл с ушком говорят о том, что человек уже шил одежду из шкур животных.

Постепенное похолодание в период вюрма-валдая привело к созданию теплых жилищ, для каркаса которых в безлесной местности использовались крупные кости мамонтов, в т. ч. черепа и бивни. Жилища покрывались шкурами и присыпались землей. Обогревались жилища очагами, топливом для которых часто служили кости животных. Среди жилищ разных видов выделяют костенковско-авдеевский тип: длинное наземное жилище с очагами в центре, окруженное небольшими землянками в сочетании с ямами-кладовыми. Ближайшая к Орловщине Авдеевская стоянка обнаружена в 40 км к югу от границы с Курской областью в пойме р. Рогозна (левый приток Верхнего Сейма в его курском те-

чении). Стоянка исследуется с 1948 г. Раскопаны два жилых комплекса вышеупомянутого типа. Найдено несколько десятков тысяч каменных изделий, среди которых резцы, скребки, ножевидные пластины с одним притупленным краем, клювовидные и зубчатые орудия, ножи, наконечники копий. Из костей животных и бивня мамонта изготовлены шилья, проколки, лощила. Из украшений найдены зубы волка и песца с отверстиями для подвешивания или пришивания, головные обручи из бивня мамонта, игольники из костей птиц. На костяных поделках часто нанесен геометрический орнамент. Из произведений искусства отмечены женские статуэтки, фигурки мамонта и лошади из бивня, кости и песчаника. Фауна стоянки представлена костями мамонта, шерстистого носорога, северного оленя, быка, бурого медведя, волка, лисицы, песца и птиц (илл. 76—78). Датировка поселения, по данным радиоуглеродного анализа, в пределах 22500 плюс-минус 700 лет.[4]

К западу от Орловщины, по брянскому поречью Десны, известны стоянки другой позднепалеолитической культуры — пушкаревской, датируемые в основном средним и поздним периодами. Это Елисеевичи-1, Хотылево-2, Юдиново и др. На этих стоянках открыты долговременные, углубленные в землю жилища с дерево-костяными каркасами и очагами. Находки на этих стоянках схожи с костенковскими.

Основой жизни человека позднего палеолита оставалась коллективная загонная охота. Считается, что излюбленным объектом охоты был мамонт, добыча которого приносила, помимо нескольких тонн мяса, огромную шкуру для покрытия жилища, крупные кости для его каркаса, бивни для изготовления орудий и других поделок. Однако фаунистические остатки на стоянках говорят о разнообразии добычи, особенно в финальном палеолите, к концу которого мамонт окончательно исчез. Охота на волосатого гиганта высотою более четырех метров в холке была крайне опасна и проводилась, вероятно, в топких местах на путях сезонных миграций мамонтов, где погибали больные и старые животные, образуя т. н. «кладбища мамонтов». Человек разбивал свои

стоянки близ этих «кладбищ» и мог использовать кости погибших животных в качестве строительного материала и топлива. Возможно, этим объясняются находки на стоянке Елисеевичи-1 костей более 80, Юдиново-1 — более 100 особей мамонта, хотя стоянки датируются поздним периодом (13-15 тыс. лет до н. э.).[5]

В финальном палеолите, после исчезновения мамонта, основным объектом охоты становится северный олень — осторожное животное, предпочитающее передвигаться по открытым местам и быстро бегающее. Это вызвало изобретение копьеметалки, позволяющей бросать копье-дротик в два раза дальше, чем рукой. Дротик снабжался костяным наконечником-гарпуном с зубцами, который застревал в ране, и олень истекал кровью.

Находки позволяют утверждать, что в конце палеолита человек уже освоил изготовление лука со стрелами, что позволило ему охотиться не только на средних, но и на мелких зверей и птиц. Предполагают, что в финальном палеолите человек приручил собаку, ставшую незаменимым помощником в охоте. Запасы мяса при освоении простейших способов консервирования — сушения, копчения, морожения и квашения — позволяли человеку выжить в период зимнего межсезонья. Находки близ стоянок нерасчлененных скелетов песцов, лисиц и волков, т. е. не употребленных в пищу, говорят о развитии пушной охоты, дававшей теплый мех для одежды.

По современной территории Орловщины памятники позднего палеолита не были выявлены до начала 80-х гг. XX в., хотя находки костей «мамонтовой фауны» отмечены очень часто. В 1981 г. экспедицией Института археологии АН СССР (А. Н. Сорокин) открыто местонахождение уд. Пальчиково Волховского района. В обнажении правого берега р. Нугрь близ ее впадения в Оку, на глубине до 2-х м, в глинистом слое, найдены кости мамонта в сопровождении кремневых отщепов и кусочков охры.

В следующем, 1982 г., И. К. Фролов открывает вторую стоянку (местонахождение) у д. Курасово на р. Нугрь при зачистке отложений левого берега реки. На глубине свыше

3-х м от поверхности, в слое светло-серого суглинка с включениями кремневых желваков, найдены кремневые пластины с трехгранным сечением, с односторонней ретушью по граням, скребок, многочисленные отщепы, кости мамонта.[6]

Этими двумя объектами ограничивается список палеолитических памятников Орловщины. Малочисленность находок, собранных в ходе предварительной разведки местонахождений, не позволяет уточнить датировку стоянок у деревень Пальчиково и Курасово. Близость памятников пушкаревской и костенковско-авдеевской культур позволяет предполагать, что в среднем этапе позднего палеолита часть населения Подонья продвинулась на запад и заняла брянское течение Десны, оставив по пути орловские местонахождения. Дальнейшие исследования, возможно, позволят отнести к эпохе позднего палеолита еще одно местонахождение у д. Паньково на р. Кнубрик, открытое Орловским археологическим отрядом в 1995 г. Здесь обследована территория нескольких дачных участков, давшая многочисленные находки пластин, отщепов и обломков производства кремневых изделий. Вероятно, это часть стоянки-мастерской, ибо иных находок нет. Среди нуклеусов выделяется один (22 х 16 см), обработанный лишь первичными сколами известковой корки, полупрозрачный, красноватого цвета, явно отличающийся от остального кремня. Место добычи подобного кремня не установлено, на местонахождение у д. Паньково он явно принесен, т. к. в окрестностях нет заметных выходов скальных пород.[7]

Периодизация позднего палеолита по центру Русской равнины, в том числе и по Орловской области:

1 период: 40-24 тыс. лет до н. э.

2 период: 23-17 тыс. лет до н. э.

3 период: 16-8 тыс. лет до н. э.[8]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Археология СССР. Палеолит. — М., 1984. — С. 94, 108.
2. ОКМ. Архив. Отчет об обследовании местонахождений у д. Кремль Шаблыкинского района.

3. Археология СССР. Палеолит. — М., 1984. — С. 162.
4. Археологическая карта России. Курская область. — М., 1998. — С. 25-27.
5. Археологическая карта России. Брянская область. — М., 1993. — С. 12-16, 47-48, 172-173, 598-600.
6. Археологическая карта России. Орловская область. — М., 1992.— С. 46, 51.
7. ОКМ. Архив. Отчет об обследовании местонахождения Паньково.
8. Археология СССР. Палеолит. — М., 1984. — С. 170.

МЕЗОЛИТ

После самого холодного периода — апогея вюрма-валдая (20-18 тыс. лет до н. э.) — начинается очень медленное потепление климата Восточной Европы, закончившееся 10 тыс. лет назад сменой плейстоцена современным климатическим периодом — голоценом. С началом голоцена потепление пошло значительно интенсивнее. В первые два периода голоцена — пребореале и бореале (8,3-5,5 тыс. лет до н. э.) — растаял ледник вюрма-валдая, достигавший истоков Волги (Скандинавский ледниковый щит). Освободилась от льда Скандинавия, образовались Балтийское и Белое моря, сформировалась в основном гидросистема Русской равнины. Таявший ледник оставлял после себя многочисленные озера и болота. С юга на север продвигаются леса, заменяя близкие к лесотундре перигляционные степи, господствующие в плейстоцене.

Палеолит (древнекаменный век) сменяется мезолитом (среднекаменным веком), который по центру Русской равнины датируют 8-6 тысячелетиями до н. э,, разбивая его на два — три периода. Мезолит Русской равнины часто называют «эпохой, шагающей за отступающим ледником», ибо в данный период человек освоил северные регионы и Скандинавию, освободившиеся от ледяного покрова. Ранее часть археологов называла мезолит более северных регионов эпипалеолитом, считая незначительными изменения в хозяйстве и культуре их населения, а южных регионов — прото-

неолитом или докерамическим неолитом, отмечая появление зачатков раннего производящего хозяйства — скотоводства и земледелия. По центру Русской равнины зачатки производящего хозяйства отмечены не ранее рубежа 4-3 тысячелетий до н. э., но изменения в жизни населения, по сравнению с палеолитом, делают закономерным выделение эпохи мезолита.

В первую очередь, изменения коснулись основы жизни человека каменного века — охоты. В финальном палеолите исчезает мамонт и шерстистый носорог, более южными животными становятся лошадь, бык и бизон. С облесением региона в голоцене на север смещается северный олень. Заменившие их современные обитатели леса не собираются в тысячные стада. Коллективная сезонная охота сменяется круглогодичной индивидуальной (тропление, засада и т. п.). Широкое освоение лука со стрелами, усовершенствование ловушек и силков позволяло добывать птиц и более мелкую дичь, выделив в отдельный промысел пушную охоту. Но дичи быстро становилось недостаточно в окрестностях стоянок, и человеку приходилось переходить на новые, еще не освоенные охотничьи угодья. С этим связано продвижение мезолитических племен на север и северо-запад, которые освободились от ледников. Относительно большие палеолитические коллективы дробятся на группы (роды) по 30-60 человек всех возрастов обоего пола. На второе место в хозяйственной жизни выходит рыболовство, мало известное в палеолите. С эпохи мезолита известны находки рыболовных крючков, острог, пешней для пробивания льда. Рыболовным орудием становятся костяные гарпуны.

Мезолитические поселения располагаются в местах, удобных для рыболовства — у устьев мелких рек и ручьев. По т. н. «торфяным стоянкам» в низинных местах известны находки вершей из прутьев, остатков рыболовных сетей из растительных волокон с каменными грузилами (торф часто сохраняет кость, дерево и другие растительные остатки). Заметно возрастает роль собирательства, причем не только даров леса и поля, но и съедобных моллюсков —■ реч-

ных и морских. По «торфяным» находкам и изображениям наскальных галерей отмечают освоение человеком изготовления долбленых челнов, лыж и саней. Возможно, с мезолита берет начало использование обитателями северных регионов ранее прирученной собаки как средства передвижения на легких санях-нартах.

Заметны и изменения в индустрии изготовления каменных орудий. Для эпохи мезолита характерно широкое применение вкладышевых орудий из дерева и кости, в прорезанные пазы которых вставлялись т. н. «микролиты » — мелкие острые отщепы и фрагменты кремневых пластин, легко заменяемые при их поломке. Вкладышевые орудия использовались как колюще-режущие в труде и на охоте, в далекой южной полосе — как серпы при сборе дикорастущих и первых культурных растений земледелия.

Для лесной полосы характерно распространение «макролитов» — достаточно крупных рубящих орудий — прототопоров. Они использовались при обработке дерева и особенно расчистке территории стоянок от кустов — убежища комаров и гнуса, самого большого бича таежных регионов, продвигающихся за отступающим ледником.[1]

Орловская область с юга примыкает к Волго-Окскому междуречью, мезолит которого достаточно изучен, в частности, по Калужской области и брянскому течению Десны.

В конце 80-х гг. XX в. археологи пришли к выводу, что мезолитическое население региона сложилось на основе племен свидерской культуры финального палеолита, продвинувшихся с запада Восточной Европы. Их путь отмечен памятниками по зоне Брянско-Жиздринского Полесья — своеобразного природного коридора, соединявшего Деснинский и Окский бассейны еще в ледниковый период, когда Ока впадала в Десну по долине р. Жиздры. Лишь позднее она «прорезала» Калужско-Алексинский каньон своего современного течения. Через Жиздринский коридор шло заселение Верхней Оки с Верхней Десны.[2] В конце пребореала — начале бореала (8-7 тыс. лет до н. э.) в Волго-Окском междуречье складываются раннемезолитические культуры,

наиболее изученной из которых является бутовская. Население региона было довольно редким: число обитателей стоянки не превышало 25—30 человек.

Основой хозяйства бутовских племен были охота и собирательство. Рыболовство еще не стало систематическим: нет находок специализированных орудий. Первоначально основным объектом охоты у бутовцев был северный олень, задержавшийся в междуречье до его полного облесения. Позже его сменят лось и другие современные обитатели леса.

Во второй половине 7 тысячелетия до н. э. в междуречье с запада (верхних течений Днепра и Десны) продвигается значительная группа племен иеневской культуры. Охоту иеневцы дополняли, помимо собирательства, сезонным рыболовством. Более многочисленные пришельцы (население стоянок достигало 50-60 человек) оттесняют бутовцев на восток региона. Однако во второй половине 6 тысячелетия до н. э. окрепшие и численно выросшие позднебутовские племена возвращаются на запад, оттесняя или ассимилируя иеневцев.

В 5 тысячелетии до н. э. в междуречье формируются уже ранненеолитические культуры центра Русской равнины. В эпоху мезолита верховья Оки археологически относят к региону Волго-Окского междуречья. [3]

Как и палеолитические, памятники эпохи мезолита не были выделены по Орловской области в современных ее границах до начала 80-х гг. XX в. Первая стоянка — местонахождение была открыта экспедицией Института археологии АН СССР (руководитель А. С. Смирнов) в 1981 г. на правом берегу Оки при устье р. Лисицы, у д. Буравлепки Мценского района. Подъемный материал представлен кремневыми вкладышами — микролитами, резцами, ножами на отщепах, несколькими орудиями. Стоянка отнесена А. С. Фроловым к иеневской культуре и датирована серединой 6 тысячелетия до н. э.[4] В 1990-е гг. А. С. Смирнов открывает комплекс из 6 разновременных поселений, частично перекрывающих друг друга, у д. Борщевка Урицкого района на р. Цон. Подъемный мезолитический материал собран

на площади 50 х 40 м, состоит из отщепов и пластин полупрозрачного кремня темных оттенков. Наличие культурного слоя эпохи мезолита не выявлено. Местонахождение датировано 8—7 тысячелетиями до н. э., т. е. ранним мезолитом Волго-Окского междуречья.[5]

Другие памятники, достоверно отнесенные к эпохе мезолита, по Орловской области неизвестны. Таким образом, можно лишь констатировать, что орловское течение Оки было населено и в эпоху мезолита. С данной эпохой, вероятно, можно связать выявленные по области местонахождения кремневых отщепов и орудий без сопровождения находок керамики, присущих последующим эпохам неолита и бронзового века. Еще И. Е. Евсеев в 1907 г. открыл подобные местонахождения по Оке, не перекрытые поздними отложениями: недалеко отд. Захаровна (Глазуновский район) у устья р. Руды; у устья р. Рыбницы по правому берегу Оки близ г. Орла; у устья р. Зуши (д. Шлыково, ныне Тульская область). Схожие местонахождения выявлены Орловским археологическим отрядом на Оке у д. Старая Отрада и при впадении р. Чернь в р. Зушу у д. Крыцыно во Мценском районе.

Периодизация мезолита Волго-Окского междуречья:

1. Ранний период: 8 — первая половина 7 тысячелетия до н. э.
2. Средний период: вторая половина 7 — начало 6 тысячелетия до н. э.
3. Поздний период: 6 тысячелетие до н. э.[6]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Археология СССР. Мезолит. — М., 1989. — С. 5.
2. Археология Калужской области. — Калуга, 1999. — С. 47.
3. Археология СССР. Мезолит. — М., 1989. — С. 85-86.
4. Археологическая карта России. Орловская область. — М.,1992. — № 145.
5. ОКМ. Архив. Отчет А. С. Смирнова об обследовании археологического комплекса у д. Борщевка.
6. Археология СССР. Мезолит. — М.,1989. — С. 86.

НЕОЛИТ

Эпоха мезолита сменяется последней эпохой каменного века — неолитом. Различна не только протяженность данной эпохи по разным исторически известным районам планеты, но и каждый природно-растительный ареал большого региона имеет свои временные рамки.

Само название эпохи «нео литое» (новый камень) — относительно условно, ибо основным материалом для изготовления орудий оставался кремний. Изменялись лишь формы его обработки. Сохраняя все старые приемы (оббивку, скол, расщепление, ретушь и др.), человек эпохи неолита освоил новые методы — шлифование, пиление и сверление камня. Кремень прекрасно шлифуется на песчаных мелкозернистых плитах. Шлифовка заметно повышает эффективность орудий при работе с деревом, поэтому шлифовали, в основном, три вида орудий, вставляемые в костяные и деревянные рукояти: клиновидные топоры, тесла и долота-стамески. Часто шлифовали не все орудие, а только его рабочий край. Широкая потребность в пластинчатом, легко расщепляемом кремне вызвала необходимость его специализированной добычи, т. к. не из каждого кремня, особенно галечно-валунного, можно изготовить совершенные орудия. От эпохи неолита (возможно, и позднего мезолита) дошли первые карьеры и штольни по кремненосным пластам известняка. Появляются специальные орудия горняков каменного века —■ кирки, клинья, мотыги из кости и рогов оленя, каменные молоты, прикрепленные к деревянным рукояткам (илл. 79). Поселения эпохи неолита зачастую группируются в районах, богатых кремнем, вероятно, их население специализируется на его добыче. Нуклеусы и заготовки орудий распространяются на далекие расстояния от места их добычи и первичной обработки, став предметом обмена (илл. 80, 81). Шлифованные орудия продвинули домостроительство, изготовление лодок, саней, лыж, ловушек для охоты, «заколов» для добычи рыбы.

Сверление осуществлялось полыми трубчатыми костя-

ми, под которые подсыпали песок. Направленные вертикально, кости-сверла вращались лучковыми дрелями — луком с распущенной тетивой, захлестнутой вокруг сверла. Пиление осуществлялось веревками из растительных волокон, смоченных в воде с подсыпкой песка. Кремень не сверлится и плохо пилится, поэтому для изготовления орудий данными методами стали применять более «вязкие» породы камня: гранит, диорит, нефрит, яшму и др. Сверление и пиление известны в неолите, но более характерны для эпохи раннего металла.

Основным вещественным признаком эпохи неолита считается освоение производства керамики — предметов из обожженной глины. Для неолита керамика — это в основном глиняная посуда: кухонная, столовая и тара для хранения продуктов. С эпохи неолита керамика — самая массовая датирующая находка во время археологических поисков. Сосуды эпохи неолита были обычно полуяйцевидной формы с острым или закругленным дном. Верхний край — венчик — еще не выделялся. Сосуды лепились от руки (лепная керамика) и обжигались на кострах. Перед обжигом внешние стенки сплошь или местами покрывались орнаментом из различных ямок, отпечатков гребенчатого штампа (ямочно-гребенчатая керамика). Костровой обжиг обычно слабый и неравномерный. В глиняное «тесто», из которого лепили сосуды, вводили самые разнообразные добавки.

Эпоху неолита связывают с началом перехода человечества к производящему хозяйству — скотоводству и земледелию, зародившимся из потребительских охоты и собирательства. Этот переход часто называют «неолитической революцией», приведшей человечество к цивилизации, а неолит — «зарей цивилизации». Производящее хозяйство, зародившись в Передней Азии, медленно продвигалось с юга на север Восточной Европы, сдерживаемое в основном природными условиями.

Эпоха неолита центра Русской равнины приходится на атлантический — максимально теплый и влажный период голоцена. Широколиственные леса продвинулись далеко на

север, создавая условия для успешной охоты и собирательства. Многочисленные реки и озера были богаты рыбой. Неолитические стоянки основывались, как правило, по берегам рек или озер у устьев впадающих мелких рек и ручьев, т. е. в местах, удобных для охоты и рыболовства. Круглогодичная охота оставалась основой жизни человека. Продолжается совершенствование охотничьего оружия и снаряжения. Многочисленные типы наконечников стрел по размеру, материалу и предназначению говорят о разновидностях луков для охоты на крупного, среднего и мелкого зверя, пушных животных и птиц.

Рыболовство также становится круглогодичным. О его развитии говорят частые находки каменных грузил, разных размеров и форм рыболовных крючков, костяных гарпунов и пешней для пробивки лунок при подледной добыче рыбы (илл. 82). Раскопки «торфяных» стоянок принесли находки остатков сетей из растительных волокон, вершей, долбленых челнов. Сохраняло свое значение и собирательство, весьма обильное в таких природных условиях. Все это позволяло заметно увеличившемуся по сравнению с мезолитом населению региона обходиться потребительскими формами хозяйства, не требующими столько труда и времени, как скотоводство и земледелие.

Неолит центра Русской равнины принято делить на два периода:

— ранний: конец V —■ первая половина IV тысячелетия до н. э.

— поздний (развитый): вторая половина IV—III тысячелетие до н. э.

По некоторым территориям период конца III — начала II тысячелетия до н. э. выделяют в эпоху пережиточного неолита, синхронный с ранним периодом эпохи бронзы.[1]

По центру равнины в раннем периоде появляются стоянки верхневолжской и льяловской неолитических культур. В эпоху развитого неолита отдельные группы волго-окских племен проникают далеко на север, запад и юг, создав об-

ширную область распространения культур ямочно-гребенчатой керамики.

К югу от центра Русской равнины, в формирующейся полосе лесостепи, появляется ряд неолитических культур, в хозяйственной жизни которых выделяются следы раннего скотоводства — приручение свиньи и коровы. Среди них выделяется днепро-донецкая культура, стоянки которой достигали Верхнего Поднепровья, истоков Сейма и Оки. Остродонная керамика данной культуры покрывалась накольчато-гребенчатым орнаментом.

Свои особенности имела деснинская неолитическая культура (распространена в верхнем и среднем течении Десны), в орнаменте керамики которой в разные периоды преобладал, в сочетании с отпечатками гребенчатого штампа, ромбический и «лапчатый» орнамент, нанесенный палочкой ромбического сечения или с намотанной ниткой, напоминающей след птичьей лапы. Деснинские сосуды остродонные, обычно шлемовидной формы.[2]

В период развитого неолита верхнее течение Оки занимали поселения белевской культуры. Характерными признаками ее считаются изготовление орудий на широких пластинах и разнообразие орнаментации сосудов (гребенчатый штамп, ямки разной величины и сочетаний).[3]

Неолит Орловской области значительно богаче представлен памятниками, чем предыдущие эпохи. Впервые их стал выделять в 1906-1907 гг. И. Е. Евсеев. Основная часть известных стоянок и местонахождений открыта после 60-х гг. XX в. Погребения эпохи неолита по территории Орловской области не выявлены. По мнению Г. К. Патрик, все известные в настоящее время неолитические памятники на Орловщине относятся к периоду развитого неолита и датируются второй половиной 4—3 тысячелетием до н. э. В культурном отношении они не однородны. Сосредоточены памятники в основном по поречьям Навли, Оки и Сосны.[4]

Орловское течение Навли проходит по территории Шаблыкинского района. Самые западные стоянки выявлены у с. Глыбочки на границе с Брянской областью. Стоянка

Глыбочки —1 расположена на левом берегу Навли к западу от села. Размеры поселения, вытянутого по течению Навли, 65 х 36 м, высота над уровнем воды 4,5 м. Культурный слой серого цвета, мощностью 0,2—0,3 м, содержит кремневые отщепы и пластины, фрагменты лепной керамики с ромбоямочной и «лапчатой» орнаментацией.

Стоянка Глыбочки — 2 (Званое) расположена на берегу озера Званое, по которому проходит орловско-брянская граница. Размеры поселения, вытянутого с запада на восток по берегу озера, 130 х 75 м, высота над уровнем воды 3-5 м. Культурный слой темно-серого цвета, мощностью до 0,2 м, содержит кремневые отщепы, ножевидные пластины, мелкие фрагменты неолитической керамики. С востока стоянка частично перекрывается поселением бронзового века «Званое».

Стоянка Глыбочки-3 находится в 1 км к северо-западу от села, на песчаной гряде левого берега Навли, у заболоченной низины. Культурный слой содержит многочисленные кремневые отщепы и пластины неолитического облика. В 1-3 вв. н. э. на гряде возникает селище эпохи раннего железного века почепской культуры, перекрывшее стоянку.

Следующая группа стоянок открыта выше по течению Навли у д. Слободка.

Стоянка Слободка-1 расположена на правом берегу реки у устья пересохшего ручья, в 1,5 км к юго-западу от деревни. Занимает оба берега ручья. Размеры поселения 123 х 126 м, высота над уровнем Навли 3-4 м. Культурный слой темно-серого цвета, мощностью до 0,3 м, подстилается торфом и содержит кремневые отщепы, ножевидные пластины, фрагменты лепной керамики с ромбоямочной и ямочно-гребенчатой орнаментацией. С севера поселение ограничено руслом еще одного пересохшего ручья. Эта стоянка одна из немногих так называемых «торфяных» стоянок Орловщины.

Стоянка Слободка-2 расположена на плато правого берега Навли, в 0,2 км к северо-востоку от Слободки-1. Занимает небольшое пойменное всхолмление на мысе двух пересохших ручьев, окруженное торфяными отложениями.

Размеры поселения 115 х 37 м, вытянуто по линии север-юг. Над уровнем реки возвышается на 4-5 м. Культурный слой мощностью до 0,2 м содержит кремневые отщепы, ножевидные пластины, фрагменты лепной керамики с ромбоямочным и «лапчатым» орнаментом.

Стоянка Слободка-3 находится на мысе правого берега Навли, в 2,5 км к юго-западу от деревни, у устья ручья Саженка. Высота мыса над уровнем реки 4-5 м. Культурный слой мощностью до 0,5 м, содержит кремневые отщепы и пластины неолитического облика. Все вышеперечисленные стоянки открыты в 1981 г. И. К. Фроловым.

Выше по течению Навли в 1960 г. Л. В. Греховой выявлено местонахождение кремневых отщепов и пластин. Среди подъемного материала несколько мелких фрагментов лепной керамики с «рыхлым» тестом и неравномерным обжигом. Местонахождение открыто на правом берегу Навли у д. Железное городище. В дальнейшем памятник не обследовался.

Далее, вверх по течению Навли, на левом берегу у д. Яблочково, И. К. Фроловым в 1964 г. открыто местонахождение с культурным слоем мощностью до 0,4 м, который содержит, помимо керамики, кремневые отщепы и пластины.

Две стоянки эпохи неолита открыты в 1981 г. И. К. Фроловым на Навле у д. Высокое. Первая в 1,4 км к западу от деревни, в изгибе реки. Размеры поселения 165 х 60 м. Высота над уровнем реки 4—11 м. Другая стоянка находится на пойменном всхолмлении правого берега Навли, в 0,5 км к западу от д. Высокое. Высота над уровнем поймы 3 м. Культурный слой мощностью до 0,5 м содержит, как и на первой стоянке, лепную керамику и кремневые отщепы.

Самыми восточными памятниками эпохи неолита по поречью Навли являются местонахождения у пос. Новоселки на р. Мох (левый приток Навли). Местонахождение Новоселки-1 находится на правом берегу р. Мох, напротив поселка. На протяжении 500 м вдоль берега, на отмели, найдены кремневые отщепы и пластины неолитического облика.

Местонахождение Новоселки-2 находится на том же

берегу, в 0,3 км ниже по течению. Среди типичных находок есть и интересные — кремневое рубящее орудие с двусторонней обработкой и обломок топора с подшлифованным лезвием. Эти памятники открыты в 1960 г. Л. В. Греховой.[5]

Ока в орловском течении пересекает с юга на север территорию Глазуновского, Кромского, Орловского, Мценского районов и является границей Волховского района с Тульской областью. Самый южный памятник эпохи неолита по Оке —■ местонахождение напротив с. Тагино Глазуновского района, на правом берегу, в урочище «Курган». В 1907 г. И. Е. Евсеев проводил здесь сбор подъемного материала. Среди находок — кремневые отщепы, костяной гарпун и фрагменты лепной керамики с ямочным орнаментом. Неточность в описании места сбора находок не позволила при последующих обследованиях урочища «Курган» найти стоянку.

Несколько стоянок эпохи неолита находились у с. Шахово Кромского района между устьями левых притоков Оки — рек Кромы и Ицки. Поселения разрушены песчаными карьерами, залитыми водой. При обследовании в 1971 г. и в последующие годы Л. Н. Красницким здесь собран подъемный материал, состоящий из кремневых отщепов, пластин и фрагментов лепной керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом. Находки характерны для белевской культуры 3 тысячелетия до н. э.

На северной окраине с. Шахово местными краеведами на отмели реки собрано более 10 единиц мелких фрагментов лепной керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом. Однако поиск стоянки по берегам р. Ицки не дал положительных результатов.

Ниже по Оке, у с. Салтыки Орловского района, Л. Н. Красницким в 1991 г. открыта стоянка эпохи неолита. Она расположена на правом берегу, в 1 км к юго-востоку от села, выше устья ручья Добрый. Занимает участок берега, вытянутый по линии север-юг, высота над уровнем реки 7-9 м. Размеры стоянки 185 х 45 м. Разведочный шурф выявил наличие под дерном культурного слоя мощностью до 0,3 м,

содержавшего кремневые пластины и отщепы, мелкие фрагменты лепной керамики с ромбическим орнаментом. Среди подъемного материала — кремневые скребки, нож на отщепе и каменное рыболовное грузило с круглым отверстием. Стоянка отнесена к белевской культуре.

На противоположном левом берегу Оки, выше стоянки Салтыки-1, у устья ручья Добрый, среди подъемного материала обнаружены кремневые отщепы и несколько аморфных нуклеусов. Кремень черного цвета, как и на стоянке Салтыки-1. Выше устья ручья Добрый находится участок крутого берега с выходами пород известняка, сильно разрушенный современными карьерами. Возможно, данное местонахождение представляет собой остатки кремневой мастерской населения стоянки Салтыки-1.

Своеобразный район каменного века выявлен близ г. Орла между устьями рек Цон и Рыбница. На левом берегу Оки, на расстоянии 1 км ниже устья р. Цон, располагается комплекс археологических памятников, состоящий из городища Гать, двух курганных могильников, нескольких селищ и местонахождений. Еще в 1897 г. А. Н. Шульгин, проводивший здесь раскопки, нашел в насыпи курганов кремневые наконечники стрел и отщепы. В 1938 г. раскопки городища Гать проводил Н. П. Милонов и обнаружил в нижнем горизонте культурного слоя кремневые отщепы, пластины, наконечник стрелы, фрагменты лепных круглодонных сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом, характерным для белевской культуры. Эту картину дополнили раскопки Т. Н. Никольской в 1967 г. В 1970-1980-е гг. район городища и его окрестностей обследовался Л. Н. Красницким и С. Д. Краснощековой.

Собрана большая коллекция подъемного материала — более 200 единиц кремневого инвентаря без учета многочисленных отщепов и обломков кремня (илл. 83—85). Найдены сильно сработанные нуклеусы, скребки разных типов, скобели, ножи и пр. Находки неолитической керамики немногочисленны. Находки фиксируются в радиусе 0,3-0,4 км от валов городища, по левому берегу р. Цон выше городи-

ща, а также по левому берегу Оки ниже городища. Трудно объяснить это только распашкой в течение нескольких веков. Вероятно, на мысе в разное время находились три стоянки: на левом берегу р. Цон, на оконечности мыса (городище) и на левом берегу Оки ниже городища.

Другой микрорегион связан с устьем р. Рыбницы, где в 1907 г. И. Е. Евсеев обнаружил обширное местонахождение кремневых отщепов. В 1961 г. Л. В. Грехова открывает на левом берегу Оки, напротив устья Рыбницы, местонахождение Рыбница-2, среди находок которого отмечены кремневые отщепы, пластины, скребки неолитического облика. Керамика не выявлена. Повторное обследование Л. Н. Красницким в конце 1980-х гг. картины не изменило: разведочные шурфы дали лишь отщепы и обломки кремня.

В 1990-1991 гг. Л. Н. Красницким исследован правый берег Оки выше устья Рыбницы. На протяжении 400 м по распаханному полю собран подъемный материал из мелких отщепов, обломков кремневых пластин и несколько фрагментов керамики с ямочным орнаментом.

В 1991 г. при обследовании Л. Н. Красницким селища у с. Шепино Орловского района найдено до двух десятков обломков кремневых пластин и отщепов в сопровождении нескольких фрагментов неолитической керамики, типичной для белевской культуры.

В 1990-1991 гг. тот же археолог выявил два неолитических объекта у с. Шашкино Мценского района близ впадения Зуши в Оку. Среди подъемного материала — кремневые отщепы, нуклеусы, два наконечника дротика и фрагменты типичной для неолита керамики/’

В 1960 г. неолитическая стоянка была открыта Н. П. Макаровым у д. Еньшино Сосковского района, в 1981 г. — И. К. Фроловым[7] уд. Мешково Урицкого района, в 1988 г. — И. А. Козмирчуком[8] у деревень Косоржа и Озерки Должанского района. В 1990 г. Орловский археологический отряд открыл стоянку у д. Юрты Нижнежирновские Верховского района. Последняя стоянка дала любопытный подъемный материал — листовидный наконечник дротика, концевые

скребки на пластинах, лепную керамику с ямочно-гребенчатым орнаментом. Подобная керамика представлена в археологической экспозиции музея Русско-Бродской средней школы (сборы А. С. Коновалова в 1960-1970-е гг.).[9]

В процессе сплошного обследования бассейна р. Быстрой Сосны С. Д. Краснощековой в 1991-1994 гг. выявлены неолитические местонахождения в Ливенском районе: на левом берегу р. Лесная Ливенка у д. Смагино, на правом берегу р. Полевая Ливенка у д. Воротынск, на левом берегу р. Полевая Ливенка у д. Касьяново, два памятника на левом берегу р. Кунач у д. Козьминка. Находки представлены кремневыми отщепами, ножевидными и овальными пластинами, скребками и пр.[10]

Анализ находок керамики, довольно немногочисленных по сравнению с находками кремневого инвентаря, показывает культурную неоднородность неолитических объектов Орловской области. Стоянки по Навле отнесены А. С. Смирновым к деснинской культуре, по течению Оки — к белевской культуре, а юго-восток области (бассейн Сосны), вероятно, входил в ареал распространения племен лесостепи. Таким образом, территория Орловской области с эпохи неолита была, возможно, контактной пограничной зоной племен разных археологических культур, что особенно стало заметно в последующие эпохи.”

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Смирнов А. С. Неолит Верхней и Средней Десны. — М., 1991. — С. 13.
2. Там же. — С. 19.
3. Археология Калужской области. — Калуга,1999. — С. 113.
4. Археологическая карта России. Орловская область. — М., 1992.— С. 10.
5. Там же. — №№ 234-238, 249-250, 253-255, 266. ОКМ. Архив. Паспорта стоянок по р. Навле.
6. ОКМ. Архив. Отчеты Л. Н. Красницкого о разведках по р. Оке.
7. Археологическая карта России. Орловская область. — М., 1992. -№№ 190, 211.

8. ОКМ. Архив. Отчет И. А. Козмирчука о разведках по Должанскому району Орловской области в 1988 г.
9. ОКМ. Архив. Отчет о разведках по Верховскому району Орловской области в 1990 г.
10. Краснощекова С. Д., Булатников О. Н. По дорогам минувших столетий. — Ливны, 1995. — С. 11.
11. Археология Калужской области. — Калуга, 1999. — С. 125.

ГЛАВА 2. Эпоха раннего металла (Энеолит. Бронзовый век.)

ЭНЕОЛИТ

Неолит исчерпал возможности каменного века и постепенно заменяется эпохой раннего металла, знаменующей окончательную победу производящего хозяйства над присваивающим потребительским. Переход к изготовлению орудий из металла зависел от многих обстоятельств, в первую очередь, от наличия меднорудных месторождений. Не случайно окончательный переход на изготовление металлических орудий в лесной полосе европейской России, где нет медных месторождений, произошел только после освоения получения железа. В эпоху раннего металла медь и бронза в регион центра Русской равнины поступали путем обмена и очень ценились.

Дискуссионным остается вопрос о переходном периоде от камня к металлу (энеолите) в лесной полосе. Ранее считалось, что энеолит для лесной полосы не характерен, и неолит по центру Русской равнины сменяется во второй половине III тысячелетия до н. э. бронзовым веком. Однако в последние годы некоторые исследователи (Д. А. Крайнов, А. С. Смирнов и др.) делают выводы о прохождении частью населения лесной полосы энеолитического этапа, относя его к середине III тысячелетия до н. э.

В степной полосе Восточной Европы эпоха энеолита на-

ступает в середине — конце IV тысячелетия до н. э. Степные скотоводы и земледельцы продвигаются в лесостепь. В III тысячелетии до н. э. влажный атлант голоцена сменяется сухим суббореалом. Степи оттесняют леса к северу. В частности, по территории будущей Орловщины степи полностью покрывают юго-восток и отдельными «языками» прорываются за Оку в ее лесное левобережье. В наступающем бронзовом веке в центр Русской равнины с запада продвигаются пастушеские племена лесной полосы, с юга — потомки энеолитических ранних скотоводов и земледельцев причерноморских степей.

Историческая картина центра России в данный период осложняется наличием, помимо складывающихся зон производящего хозяйства, «островов» неолитического уклада, население которых продолжало жить только охотой, рыболовством и собирательством (т. н. «пережиточный» неолит). Такое чересполосное, не всегда мирное сосуществование поздненеолитических, энеолитических и раннебронзовых племен продолжалось по некоторым территориям до середины II тысячелетия до н. э.

Периодизация эпохи энеолита, как по всей ойкумене, так и по Русской равнине, крайне затруднительна и региональна. Применяется так называемая «Таблица Коглена», выделяющая четыре фазы освоения человеком получения меди и ее применения для изготовления орудий, украшений и других предметов.

Фаза «А» — холодная и горячая ковка самородков меди.

Фаза «Б » — получение меди при нагревании окислов (малахит и др.) — «восстановление меди». Отливка в открытых формах.

Фаза «С» — плавление медной руды в медеплавильных печах. Отливка медных изделий в закрытых формах.

Фаза «D» — появление бронзы, сплава меди с оловом или другими добавками («лигатурой»).

Первые три фазы усредненно относят к периоду VI-V — IV—III тысячелетий до н. э.

Бронзовый век традиционно датируют III—II тысячелетиями до н. э.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Бронзовый век лесной полосы центра Русской равнины и прилегающих регионов лесостепи принято делить на два периода: ранний (конец III — первая половина II тысячелетия до н. э.) и поздний (вторая половина II — начало I тысячелетия до н. э.)

В эпохе бронзы по степи и лесостепи выделяются три больших культурных общности, названные знаменитым русским археологом В. А. Городцовым древнеямной, катакомбной и срубной по особенностям захоронения покойных под курганами. Первые две относятся к раннему периоду, срубная — к позднему. В лесной полосе с территорией Орловщины имели соприкосновение регионы распространения памятников следующих культур: в раннем периоде — среднеднепровской и фатьяновской, в позднем — сосницкой и абашевской (имеет лесной и лесостепной варианты). Все исследователи подчеркивают руководящую роль в хозяйстве племен бронзового века производящих отраслей, но не единодушны в определении значимости земледелия, особенно в ранний период в лесной полосе. Вероятно, в ранний период мотыжное земледелие на небогатых лесных почвах Русской равнины еще не могло играть ведущую роль и оттеснить на второе-третье место охоту и рыболовство.

Керамика племен бронзового века заметно отличается от сосудов эпохи неолита. Дно сосудов довольно часто оставалось остродонным, но постепенно оно становилось округлым, а на позднем этапе — плоским, что считается признаком появления в быту стола. Начинают выделять шейку сосуда и венчик. Разнообразнее становится орнамент, появляются его новые элементы: отпечатки шнура (шнуровая керамика), сочетание орнаментированных зон по поверхности сосуда с зонами без орнамента и пр. Металл — привозная бронза — редок. Известны находки каменных боевых топоров с прошлифованным изображением литейного шва. Основная часть орудий и оружия изготовлялась по-прежнему из камня, рога и кости.

На Орловщине в ее современных границах памятники бронзового века стали изучаться в конце XIX в. по ее юго-восточной части. При этом основное внимание уделялось раскопкам курганов бронзового века, хотя И. Е. Евсеев сообщает в 1907 г. об открытии на р. Цон у д. Богдановка (Урицкий район) захоронения в грунтовой могиле. Скелет сопровождался «топором из красной меди в виде кирочки». После 1950-х гг. изучаются только поселения и местонахождения. Нередки по области случайные находки орудий бронзового века, особенно топоров — каменных сверленых и клиновидных кремневых, представленных в экспозициях большинства музеев области (илл. 86). Наиболее впечатляюща коллекция, собранная создателем Мценского краеведческого музея Г. Ф. Соловьевым, насчитывающая более 20 экземпляров.[1] Находки топоров В. Р. Апухтиным в начале XX в. легли в основу археологической коллекции Волховского краеведческого музея.[2] Интерес представляют два бронзовых топора, найденные в 1960-х гг. у с. Яковлево Свердловского района, хранящиеся в фондах Орловского областного краеведческого музея (илл. 87)?

Можно выделить регионы сосредоточения случайных находок эпохи бронзы: устья рек Зуши, Цона, Нугри (притоки Оки), устье р. Мох (приток Навли) по лесной части Орловщины, а также ливенское поречье Сосны на юго-востоке области.

Достаточно изученную среднеднепровскую культуру хронологически принято делить на три этапа: ранний (территория Киевщины) — 26—24 вв. до н. э., средний (расширение территории) — 24—18 вв. до н. э. и поздний (наибольшие границы ареала) — 18-15 вв. до н. э.[4]

По лесному орловскому левобережью Оки известен самый восточный памятник среднеднепровской культуры позднего этапа — поселение по правому берегу Оки у д. Лужки (Пашково) Кромского района, представляющее собой нижний слой более позднего городища Лужки (Кураб-городище), выявленный раскопками Т. Н. Никольской в 1959 г.[5]

Предполагают, что северная часть лесного левобережья

орловского течения Оки входила в регион распространения племен загадочной фатьяновской культуры ранней бронзы, известной практически только по захоронениям.

У среднеднепровских и фатьяновских племен сходны формы керамики, орудий и оружия. Основным занятием среднеднепровцев было пастушеское (придомное) скотоводство, но достаточно хорошо было развито и раннее земледелие. Фатьяновцы, безусловно, были знакомы с земледелием, но следы его в их памятниках практически не улавливаются. В обобщающих работах говорят о среднеднепровско-фатьяновской общности. Однако немало и отличий. Погребения фатьяновцев ■— только грунтовые могильники, а у среднеднепровцев с раннего периода известны и подкурганные захоронения, наряду с грунтовыми могилами. Захоронения фатьяновцев — ингумация покойного, у среднеднепровцев со среднего этапа известна и кремация. Исследователи среднеднепровской культуры подчеркивают близость ее с древнеямной культурой степной полосы, племена которой активно участвовали в формировании среднеднепровской культуры на ее раннем этапе. Археологические источники свидетельствуют о том, что среднеднепровская культура явилась основой возникновения сосницкой культуры позднего периода бронзового века (вторая половина II — начало I тысячелетия до н. э.).

Происхождение же фатьяновских племен и их судьба — одна из многочисленных загадок данной культуры.

В позднем периоде бронзового века по территории среднеднепровской культуры распространяются памятники ее преемников — племен сосницкой культуры. По археологическим картам 1980-х гг. они занимали брянское поречье Десны и курское Посеймье.[6]

По лесному левобережью орловского течения Оки известен ряд памятников и находок бронзового века. Среди них выделяется единственное исследованное раскопками однослойное поселение у озера Званое, по правому берегу р. Навли, напротив с. Глыбочки Шаблыкинского района, обследованное в 1982 г. И. К. Фроловым. Вскрыто около 200 кв. м.

Культурный слой поселения по мощности превышает 0,5 м, содержит фрагменты лепной керамики с прямыми венчиками. Керамика орнаментирована ямочными вдавлениями и сквозными отверстиями по верхней части сосуда, что характерно для сосницкой культуры. Выявлены следы двух жилых сооружений округлой формы диаметром до 7 м, с одним-двумя очагами по центру жилища.[7]

По поречью Оки предполагаемые памятники бронзового века известны вниз по течению от устья р. Цон. По р. Цон у с. Сабурово Орловского района в 1970-1980-е гг. проводил сборы археологического материала преподаватель Сабуровской школы (ныне начальник Управления по туризму и краеведению Администрации Орловской области) В. А. Ливцов. В сданной им в Орловский краеведческий музей коллекции, среди кремневых отщепов и пластин, находится хорошо отшлифованное по всей поверхности тесло бронзового века.

В 1961 г. Л. В. Грехова открыла у с. Звягинки на левом берегу р. Орлик в осыпях оврага местонахождение кремневых отщепов и фрагментов лепной неорнаментированной керамики бронзового века.[8]

В конце 1980-х гг. Л. Н. Красницкий обследует многослойное селище Прокуровка (ныне в черте г. Орла, Северный район). Распашка и последующее строительство разрушили культурный слой. Среди находок — кремневые отщепы и орудия, многочисленные фрагменты лепной керамики с ямочным орнаментом и отпечатками зубчатых и гребенчатых штампов, иногда расположенных в елочку.’

Ниже по Оке, у д. Харчиково Мценского района, И. К. Фроловым и Л. Н. Красницким выявлены еще три памятника эпохи бронзы. Находки представляют собой фрагменты лепной керамики, кремневый наконечник стрелы, шлифованный клиновидный топор, резцы и теслообразные орудия, а также хорошо отполированное тесло из светло-коричневого кремня, который весьма нечасто встречается на орловских памятниках. При раскопках городища Торкуновка на правом берегу Оки, в 1 км ниже Харчиково, отмечены находки мелких фрагментов лепной керамики бронзового

века с зубчатым орнаментом. В кремневом инвентаре, помимо отщепов, присутствуют резец-скребок и наконечник дротика на пластине, обработанные ретушью.[10]

В краеведческой литературе неоднократно упоминаются находки каменных топоров бронзового века по всей территории области.

Заметно полнее представлен бронзовый век поречья Сосны. В начале 1990-х гг. в Ливенском районе С. Д. Краснощековой открыт и обследован ряд мест, имеющих поселения бронзового века: пионерский лагерь завода «Ливгидромаш» на правом берегу р. Лесная Ливенка, Старое Горюшкино на правом берегу р. Кшень, Стрельбище в урочище «Стрельбище» в 4 км от г. Ливны, нижний слой городища Ключевка. Но самым интересным и наиболее изученным является поселение Ключевка-2. По культурной принадлежности оно близко к племенам степной и лесостепной катакомбной культуры (конец III — первая половина II тысячелетия до н. э.).[11]

На юго-востоке Орловщины исследованиям подвергались курганы эпохи бронзы. В 1896 г. П. М. Еременко раскопал 5 курганов на р. Кшень. В 1960-е гг. экспедиция Воронежского Государственного университета раскопала несколько курганов у с. Успенское, где были выявлены захоронения бронзового века с сопутствующими предметами: бронзовым ножом, бронзовым наконечником копья и лепными горшками. Реконструкция погребения бронзового века представлена в настоящее время в экспозиции Ливенского краеведческого музея.[12]

Курганный могильник выявлен у с. Рогатик в Должанском районе. Он состоит из 4-х насыпей высотой до 1 м, диаметром 10-15 м. В этом же районе, вблизи с. Евланово, выявлен одиночный курган, предположительно, эпохи бронзы.[13]

По изученным памятникам и находкам эпохи бронзы можно наметить две зоны обитания по территории современной Орловщины племен разных культур: лесное левобережье Оки и лесостепное поречье Сосны. Между ними пролегает археологически неисследованная полоса по течению притока Зуши — р. Неручи и бассейну левого прито-

ка Сосны — р. Труды, где бронзовый век представлен лишь случайными находками.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мценский краеведческий музей. Археологическая экспозиция.
2. Волховский краеведческий музей. Археологичекая экспозиция.
3. ОКМ. Фонд № 5981.
4. Археология СССР. Эпоха бронзы...— М., 1987. — С. 41.
5. Археологическая карта России. Орловская область. — М., 1992. — № 122.
6. Археология СССР. Эпоха бронзы...— М., 1987. — С. 106.
7. Археологическая карта России. Орловская область. — М.,1992. — № 239.
8. Там же. — № 2.
9. ОКМ. Архив. Отчеты об обследовании селища Прокуровка.
10. Там же. Отчеты Л. Н. Красницкого.
11. Краснощекова С. Д., Булатников О. Н. По дорогам минувших столетий. — Ливны,1995. —С. 12.
12. Там же. — С. 10.
13. ОКМ. Архив. Отчеты И. А. Козмирчука за 1988 г.

ГЛАВА 3. Ранний железный век

В I тысячелетии до н. э. сухой суббореал начинает сменяться современным более холодным и влажным субатлантом. Вновь с севера, вытесняя степь, продвигаются леса — широколиственные, за ними — хвойные. Границы распространения степи, лесостепи и лесной полосы по Русской равнине становятся близки к современным. Начало I тысячелетия до н. э. — эпоха смены по центру Русской равнины бронзового века железным. Зародившись ранее в Передней Азии, искусство получения железа путем восстановления из повсеместно распространенных окислов — болотных и луговых руд (кричный способ производства — «варка железа») постепенно распространяется на север. По югу и центру Русской равнины начало раннего периода железного века (РЖВ)

относят к рубежу VIII—VII вв. до н. э. Эпоха РЖВ по региону равнины знаменует окончательную победу производящего хозяйства, развитие ремесла, появление племенных союзов, вступавших в контакт с государствами более южных, уже сложившихся, цивилизаций. С эпохи РЖВ народы Восточной Европы упоминаются на страницах истории Древнего мира. На юге Русской равнины, как в степной полосе, так и в прилегающей лесостепи, на основе предшествующих племен бронзового века складывается ряд культур, различающихся не только по образу жизни, но и по этническим признакам.[1]

В степной полосе Северного Причерноморья с рубежа VIII—VII вв. до н. э. господствуют исторически известные скифы, вытеснившие или ассимилировавшие предшествующие им племена киммерийцев. Большая часть скифского населения вела кочевой и полукочевой образ жизни, однако некоторые из скифских племен были оседлыми земледельцами («скифы-пахари»). Основную роль в сложении скифской культуры сыграла предшествующая срубная культура, в регион распространения которой входила и лежащая севернее лесостепь.[2]

Преследуя киммерийцев, ушедших в Малую Азию, скифы совершили ряд походов на государства Передней Азии и считались лучшими конными стрелками. В 514 или 512 г. до н. э. скифы успешно отразили поход персидского царя Дария с огромным войском, после чего за ними утвердилась слава непобедимых.

Для середины I тысячелетия до н. э. наиболее интересны сведения «отца истории» — древнегреческого писателя-историка Геродота, посетившего Северное Причерноморье в V в. до н. э. Среди скифских народов Геродот выделяет «царских скифов» — кочевников, передвигавшихся со своими табунами коней, коров и овец по степям между Борисфеном (Днепром) и Танаисом (Доном). Царские скифы считали всех остальных своими рабами, постоянно совершали набеги на окружающие племена для захвата пленных, которых продавали в греческие города — эмпории, возникшие по берегам Черного моря и в Крыму.

Скифы-пахари, проживавшие северо-западнее кочевников по Днестру, Бугу и правобережью Днепра, снабжали греков хлебом.

Севернее скифов по лесостепи и южной окраине лесной полосы обитали, как указывает Геродот, другие народы: гелоны, будины, меланхлены («черноплащевые»), сарматы, невры, андрофаги, тиссагеты, ирки и др. Лишь сарматы, по Геродоту, говорили на «испорченном скифском языке», т. е. были родственны скифам. Остальные, подчеркивает «отец истории», не были скифами, но будины и меланхлены по обычаям, одежде и образу жизни мало чем отличались от скифов, а гелонов называют эллино-скифами. Отмечает Геродот и часть скифов-отщепенцев, ушедших на север от царских скифов.

Археологическое изучение лесостепи выявляет оседлый образ жизни населения в I тысячелетии до н. э. Поселения представлены в основном городищами. Среди городищ известны и очень крупные (Вельское, Немировское и др.), но основная часть их — небольшие по площади мысовые городища. С напольной стороны поселения защищены валами, имевшими деревянные конструкции в виде стен. Находки говорят о земледельческо-скотоводческом хозяйстве, развитии ремесла, в т. ч. бронзолитейного производства и обработки железа. Исследователи отмечают значительное взаимодействие со скифской культурой, наличие т. н. «скифской вуали». Это усложняет вопрос определения этноса населения, занимавшего лесостепное междуречье Дона и Днепра. Часть исследователей (Б. Н. Граков и др.) считают их ираноязычными скифами (старое название культур лесостепи — позднескифские зольничные). Другие, следуя за Геродотом, относят лесостепное население Дона-Днепра к нескифским народам, но подчеркивают близость их со скифами (лесостепные скифоидные или скифообразные культуры).[1]

Первый период раннего железного века датируется серединой I тысячелетия до. н. э. — рубежом нашей эры. Курское Посеймье в VI-V вв. до н. э. занимали племена сеймин-

ской группы памятников лесостепи, регион распространения которых проходит по юго-западной и южной границам Орловщины. Поселения представлены в основном небольшими мысовыми городищами, хотя известны и большие по площади селища. Погребения неизвестны — вероятно, погребальный обряд не оставил улавливаемых археологических следов. Основу находок керамики сейминских памятников составляют фрагменты лепных сосудов горшковидной формы с грубой бугристой поверхностью из-за примеси крупного песка в тесте. Орнамент состоит из защипов, насечек, пальцевых вдавлений по венчику, сквозных проколов и «жемчужин» по шейке сосуда (круглых вдавлений с внутренней стороны, оставлявших выпуклость с внешней). Характер хозяйства — оседлый земледельческо-скотоводческий. Распространение городищ связано с частыми набегами более южных степных скифов. Сейминскую культуру относят к скифоидной лесостепной группе, но гидронимы, в частности, правых притоков орловского течения Сосны — рек Кшень, Тим, Олым, в которых лингвисты видят иранские корни, позволяют стать на сторону Б. Н. Гракова об ираноязычности лесостепного населения Курского Посеймья в середине второй половины I тысячелетия до н. э/

Не менее сложна археологическая картина лесной полосы Русской равнины в I тысячелетии до н. э. Южную часть полосы и прилегающую кромку лесостепи от Балтийского моря до Верхней Оки включительно занимали племена древних балтов — население лесной полосы, сложившееся на основе позднебронзовых племен данного ареала. Выделяют пять основных балтских культур (с запада на восток): штрихованной керамики, милоградскую, днепро-двинскую (верхние течения Двины, Днепра и Десны), юхновскую (поречье Десны от г. Брянска до впадения Десны в Днепр), верхнеокскую (поречье Оки от устья р. Кромы до устья р. Угры). Отмечается близость всех культур и особенно родственность трех последних — днепро-двинской, юхновской и верхнеокской. Родственность просматривается в общих типах городищ, жилищ, отраслях хозяйства, ремесле, формах ке-

рамики и др. Наиболее заметное отличие усматривается в орнаментации глиняных сосудов. Днепро-двинская культура — единственная в лесной полосе эпохи РЖВ, племена которой практически не украшали орнаментом свою керамику. Юхновский орнамент состоит из насечек — прямых и косых, вдавлений по венчику сосуда. Известен и «жемчужный» орнамент по шейке. Стенки сосуда (плечики) украшают насечки, прямые или косые ямки разной формы, иногда сгруппированные в зоны треугольных очертаний («юхновский треугольник») и др. Тесто керамики отличается примесью мелкого речного песка. Сосуды очень тонкостенны — до 0,4 — 0,6 см, обжиг костровый, недостаточный и неравномерный. Большие размеры некоторых сосудов (до 20 см и более в диаметре горла), ввиду их тонкостенности, предполагают наличие формы из гнилушки или другой растительности, сгорающей при обжиге.

Основную особенность керамики верхнеокской культуры, определенной Т. Н. Никольской в конце 1950-х гг. (до этого население Верхней Оки до устья Угры относили к древнему финно-угорскому этносу), видят в меньшем проценте орнаментированной керамики на поселениях (типы орнамента схожи с юхновскими). Это вызывает сомнение некоторых исследователей в правомерности выделения верхнеокской культуры в самостоятельную группу. Еще П. Н. Третьяков в 1960-е гг., после раскопок Т. Н. Никольской, выдвинул предположение, что культурный слой верхнеокских памятников второй половины I тысячелетия до н. э. состоит из двух прослоек: нижней — днепро-двинской культуры (смоленской ее группы) без орнамента и верхней — с юхновской керамикой, связанной с продвижением племен Десны на Верхнюю Оку на рубеже — в начале н. э. Однако стратиграфией раскопок верхнеокских памятников не выявлено наличие на них двух прослоек культурного слоя с разной по наличию орнамента керамикой.[5]

Сходство по многим вышеуказанным чертам позволяет некоторым исследователям (И. К. Фролов, О. Л. Прошкин) определять верхнеокскую культуру как «окский

вариант юхновской культуры», с сохранением некоторых отличий.[6]

Лесную полосу севернее региона балтских культур занимали племена древних финно-угров, ареал которых протянулся по Русской равнине от Балтийского моря до отрогов Урала и даже на восток за него. По верхнему течению Дона финно-угры продвинулись в лесостепь до устья р. Воронеж. По Верхней Оке финно-угры дьяковской культуры занимали течение Оки вниз от устья р. Угры. Границей регионов верхнеокских балтов и финно-угров городецкой культуры, занимавших Верхний Дон в середине — второй половине I тысячелетия до н. э., был водораздел Оки и Дона близ восточных границ Орловской области. Городецкие памятники известны по Сосне от ее впадения в Дон до г. Ельца. По Орловской области памятники древних финно-угров не выявлены.

К населению южной части лесной полосы и прилегающей лесостепи часто относят нескифские народы, упомянутые Геродотом. Так, есть мнение, что геродотовы невры — это племена балтов милоградской, адрофаги — днепродвинской, фиссагеты (тиссагеты) — городецкой, ирки —дьяковской финно-угорской культур. Больше всего споров вокруг определения меланхленов и будинов. Геродотовы описания образа жизни и хозяйства будинов, тиссагетов и ирков, живших охотой и собирательством, явно не соответствуют археологическим данным, говорящим о развитии в предполагаемых регионах производящего хозяйства. Часть исследователей считает будинами племена юхновско-верхнеокской культур, меланхленами — племена северо-запада лесостепи (будущая территория северян «Повести временных лет»).[7] Складывается впечатление, что юго-восток Орловской области и прилегающее поречье р. Неручи — р. Труды были контактной, очень редко населенной зоной лесостепных и лесных племен второй половины I тысячелетия до н. э.

Достаточно изученная эпоха РЖВ Орловщины известна в основном по памятникам лесного левобережья Оки и правобережья Зуши. Эпоху РЖВ можно разделить на три пе-

риода: верхнеокский — VII–вв. до н. э., почепский — I—III вв. н. э. и мощинский — IV—VII вв. н. э.

Формирование племен юхновско-верхнеокских культур проходило, вероятно, в междуречье Оки и Десны, ограниченном с севера течением Угры, а с запада — регионом близкой днепро-двинской культуры.

В период современного субатланта, вслед за наступлением лесов на степь, на юг двинулись и балты. Археологически установлено, что в V в. до н. э. юхновские балты занимали правобережье Сейма, оттесняя к югу племена сейминской культуры. Продвигались на юг и верхнеокские балты, осваивая лесное левобережье Оки. Вероятно, самым ранним городищем верхнеокских балтов на территории современной Орловщины было городище Радовище близ одноименной деревни Орловского Полесья. Поселение занимало в древности «остров» — возвышенность в болотистой местности по левобережью Вытебети, в 0,8 км от деревни, на левом берегу ручья (притока Вытебети), осушенного мелиоративными работами в конце XX в., в урочище «Кудеярова гора». Площадка поселения овальная в плане, 88 х 44 м, возвышается над окружающей местностью на 2,5 м. В древности поселение защищалось кольцевым валом и рвом перед ним. Вал разрушен бульдозерными работами, сохранилась лишь его восточная часть, высотой до 1,5 м. Сохранившаяся часть рва говорит о его глубине до 2 м. Культурный слой мощностью до 0,2 — 0,3 м содержит фрагменты лепной тонкостенной керамики верхнеокского типа. Городище обследовалось в 1902 г. В. Р. Апухтиным, датировано в 1973 г. И. К. Фроловым серединой I тысячелетия до н. э.[8]

Следующий памятник на пути продвижения балтов к Оке — городище в д. Городище (ныне окраина пос. Знаменское, райцентра одноименного района). Разрушенное в настоящее время, поселение находилось на левом берегу р. Нугрь, занимая мыс безымянного ручья. Это городище, как и Радовище, относится к «болотному» типу укрепленных поселений.[9] Продвигаясь на юг, верхнеокские балты достигают поречья Оки, по которому сосредоточены основные извест-

ные памятники верхнеокской культуры. Самым южным по Оке верхнеокским памятником является городище Надежда на правом берегу р. Орлик у с. Звягинки Орловского района (илл. 88). Поселение защищено с напольной стороны двумя валами со рвами перед ними. Основной слой поселения датирован Т. Н. Никольской второй половиной I тысячелетия до н. э. Обследованиями Л. Н. Красницкого к востоку за валами городища выявлено селище XV-XVII вв. К этому же периоду относятся три селища у Д. Булгаковы Горки на противоположном левом берегу р. Орлик, открытые в 1990 г. С. Д. Краснощековой. Вероятно, в данный период городище использовалось как убежище окрестного населения в моменты татарских набегов и в период Смутного времени.[10]

По поречью Оки ниже устья р. Кромы, по р. Цон известен ряд памятников, имеющих слои второй половины I тысячелетия до н. э.: два селища у д. Бутово Орловского района, селище у д. Сергиевское и два селища у д. Лебедка Урицкого района, городище у с. Паюсово на р. Моховица (приток Неполоди).[11] На правом притоке Оки р. Оптухе, недалеко от ее впадения в Оку, известно городище у д. Черемисино (Орловский район), упоминаемое в «Писцовых книгах» как Блудово. Городище Черемисино — единственное в области двухваловое городище, где внешний вал выше внутреннего, основного. Наличие двух валов характерно для верхнеокских городищ «неболотного» типа.

Один из культурных слоев этого памятника содержит лепную керамику РЖВ. Ниже по течению Оки слои с находками верхнеокской керамики имеют городище у д. Торкуновка, городище Сторожевое, находящееся в 2 км ниже по течению реки, далее городище у д. Старенково Мценского района. На левом берегу р. Зуши у несуществующей ныне деревни Роженец Мценского района находится городище, имеющее два вала, на расстоянии 40 м друг от друга. Площадка городища 110 х 60 м.[12]

Таким образом, верхнеокские балты в середине второй половины I тысячелетия до н. э., продвигаясь на юг, занимают орловское левобережное течение Оки от устья р. Ор-

лик вниз по течению. Севернее, по течениям Зуши и Оки, выявлены следы контактов балтов со скифами Посеймья: городище-1 у с. Воротынцево Новосильского района, обследованное Т. Н. Никольской в 1955 г. Позднее И. К. Фроловым и Г. К. Патрик выявлен крупный археологический комплекс по правому берегу р. Зуши, простирающийся от с. Воротынцево до д. Мужиково, состоящий из более 10 поселений. Памятники, как правило, многослойны, жизнь на них продолжалась от эпохи РЖВ до XVII в. включительно. По нижнему слою городища Воротынцево — 1Т. Н. Никольская сделала вывод, что это неукрепленное поселение, которое занимали в середине— второй половине I тысячелетия до н. э. племена позднескифской зольничной (сейминской) культуры. В 1959 г. Т. Н. Никольская проводит крупные раскопки многослойного городища у д. Лужки-Пашково Кромского района на правом берегу р. Оки, известного у краеведов как городище «Кураб». Она делает вывод, что один из культурных слоев относится к позднезольничной культуре.[13] На правом берегу Оки, в урочище Курган, у с. Тагино Глазуновского района, находится селище сейминского типа второй половины I тысячелетия до н. э. Вероятно, сейминские племена, вытесненные в середине I тысячелетия до н. э. с правобережья Сейма балтами юхновской культуры, частью ушли на юго-восток в междуречье Оки и Зуши. Если по истокам Оки сейминцы не спустились далее устья р. Кромы (Лужки), ибо путь им преградили верхнеокские городища Надежда, Торкуновка, Сторожевое, Старенково, то вниз по Зуше сейминские племена продвинулись значительно севернее. В начале 1980-х гг. И. К. Фролов открывает комплекс из 10 селищ по мценскому течению Зуши, находящийся на правом ее берегу от д. Студимля до городища Жилино. Все они мысовые, высота над уровнем Зуши до 20 и более метров, размеры в пределах 200 х 100 м. Самый северный комплекс селищ предполагаемого сейминско-верхнеокского симбиоза второй половины I тысячелетия до н. э. открыт И. К. Фроловым в Волховском районе у устья р. Нугрь: шесть селищ у д. Пальчиково иуд. Крутого-

рье.[14] Вполне возможно, что верхнеокские балты, продвигаясь на юг, медленно занимали течения Оки, Зуши и их притоков, ассимилируя племена сейминцев. В регион распространения верхнеокских памятников на территории Орловской области можно включить все поречье Зуши, левобережье Оки с ее поречьем до устья р. Цон.

Второй период раннего железного века — почепский: I—III вв. н. э. Он характеризуется по центру Русской равнины большими изменениями, произошедшими в степной и лесостепной полосах. В Ш-П вв. до н. э. Причерноморские степи занимают пришедшие с востока сарматы (савроматы Геродота), оттеснившие скифов до Крымского полуострова. Заняв степи и лесостепь, сарматы продвигаются на запад в Среднее Поднепровье, занимаемое во II в. до н. э. — II в. н. э. племенами зарубинецкой культуры, этнос которых спорен: одни археологи считают их балтами, другие — протославянами. В III—IV вв. складывается многоэтническая Черняховская культура, в которую вошли племена скифов, сарматов, готов и потомков зарубинецких племен, не покинувших Среднее Поднепровье. Черняховская культура распространяется по южной части Русской равнины. В ее регион включают степное и лесное Приднепровье, Молдавию, большую часть Польши и Румынии. Исследователи не едины во мнении о датировке Черняховской культуры — от II до VII в. н. э. Черняховцы жили в домах типа мазанок и землянок. Характерны большие селища пойменного типа. Среди находок часты привозные вещи из ареала поздней Римской империи — монеты, украшения, стеклянная посуда и т. п. Развито было собственное кузнечное и бронзолитейное ремесло. Основой хозяйства было пашенное земледелие и скотоводство. Черняховцы широко применяли гончарный круг. Черняховская культура прекратила свое существование под ударами гуннов, вторгшихся в степи Северного Причерноморья в 70-е гг. IV в. н. э.

На востоке Черняховские памятники достигают орловского течения Сосны. Это селище Губкино в Малоархангельском районе на левом берегу Сосны, селище у д. Огарково

Колпнянского района, селища у д. Алдобаевка Ливенского района и др., датированные I-V вв. н. э. Памятники начала I тысячелетия н. э. на территории юго-востока Орловской области очень немногочисленны, вероятно, ввиду недостаточной обследованности региона.[15]

На рубеже н. э. часть зарубинецких (позднезарубинецких) племен Среднего Поднепровья под натиском сармат уходит на север. По пути продвижения позднезарубинецкие племена осваивают лесную полосу центра России. В первые века н. э. прекращают существование милоградская, днепро-двинская и юхновская культуры, племена которых частично вытесняются, частично вливаются в состав формирующихся новых культур лесной полосы. Так, по Десне на основе позднезарубинецкой складывается т. н. почепская культура, впитавшая в себя черты как принесенной скифо-сарматской, так и деснинской юхновской культуры. Новые обитатели лесной полосы предпочитают проживать на низинных, пойменных селищах, группирующихся «гнездами — цепочками». Предпочтение к проживанию на низменных селищах говорит как о многочисленности пришельцев, так и о большой роли в их хозяйстве земледелия, вероятно, вышедшего на первое место. Находки больших топоров говорят о подсечно-огневом характере обработки земли. Керамика почепских поселений лепная, при сохранении старых форм более толстостенная, и имеет бугристую поверхность из-за примеси крупного песка в тесте. Появился новый вид лепной керамики — лощеная, поверхность которой перед обжигом уплотнялась, заглаживалась до блеска лощилами.

Часть юхновского населения Подесенья уходит на Верхнюю Оку к родственным племенам верхнеокской культуры. В начале I тысячелетия н. э. почепские племена вслед за уходящими юхновцами по левым притокам Десны проникают на Верхнюю Оку. Замирает жизнь почти на всех верхнеокских городищах Орловщины, процветавших во второй половине I тысячелетия до н. э. Пути продвижения почепских племен прослежены по притокам Десны — Навле и Не-

руссе, по левым притокам Оки ■— Кроме и Цону, а также по самой верхней Оке. В бассейне орловского течения Неруссы на территории Дмитровского района известны 7 поселений со слоями или находками почепской культуры: городище и селища у с. Волконск на р. Малая Локна, два селища у сел Воронино и Алешинка на р. Неруссе, два поселения у д. Дружно и селище Дмитровск рядом с одноименным райцентром. Больше всего поселений со слоями почепской культуры открыто в Шаблыкинском районе по течению р. Навли. Выявлено четыре группы поселений по 3-6 селищ. Расстояние между группами до 5-7 км, между селищами группы — до 1,5 км. Селища располагаются по обоим берегам реки и довольно однотипны. Они занимали возвышенные поймы и речные мысы, высотой 6-10 м. Размеры колеблются в пределах 150 - 200 х 40 - 70 м. Мощность культурного слоя выше 0,5 м, что говорит о достаточно долгом функционировании поселений. Наиболее исследовано И. К. Фроловым селище Железное городище-2, где вскрыто около 500 кв. м. Кроме почепской керамики, здесь выявлены остатки наземных и полуземляночных жилищ каркасно-столбовой конструкции с очагами, глиняной обмазкой полов и стен.[16]

Памятники почепской культуры выявлены и в Сосковском районе на р. Кроме. Здесь, у д. Еньшино, Н. П. Макаров открыл четыре поселения, а у д. Прилепы — еще три селища. По течению рек Цон и Крома почепские племена могли продвинуться до течения Оки. Самое южное почепское поселение в Кромском районе находится у д. Семенково. Ниже по Оке — три селища у д. Гуторово, два селища у д. Хомуты в Орловском районе. В верховьях р. Цон у д. Мешково Урицкого района открыт комплекс из четырех селищ почепской культуры, в Волховском районе — три селища у д. Чегодаево на р. Березуй. Обильно памятниками почепской культуры устье р. Нугрь :Курасово-1, 2, Пальчиково-1, 4, 5, Крутогорье-5.[17]

Если по Десне и Верхнему Днепру почепские племена ассимилировали предыдущее население балтских культур, то по Оке они растворились в среде верхнеокских племен,

войдя в состав новой балтской культуры региона Верхней Оки — мощинской.[18]

В третьем периоде РЖВ (IV-VII вв.) грандиозные события, начавшиеся в степи и лесостепи Северного Причерноморья, перекроили всю историческую карту Европы. Около 370 г. н. э. из-за Волги на запад продвигаются кочевые орды гуннов. Они разбивают сармато — аланов, сокрушают готское государство. Прекращает существование Черняховская культура. Присоединив часть покоренных народов, гунны занимают Подунавье и обрушиваются на распавшуюся Римскую империю. Одновременно с севера на Римскую империю надвигаются германские племена. Начинается Великое переселение народов, в которое в VI-VII вв. включаются праславяне (склавины и анты). Под ударами «варваров» в 476 г. падает Западная Римская империя (Восточную Римскую империю с V в. принято называть Византией). С нашествием гуннов связывают появление в степях Северного Причерноморья тюркоязычных болгар и угров (будущих венгров). В середине VII в. в Северном Причерноморье складывается Хазарский каганат, включивший в себя тюрок, угров, ираноязычных алан и часть ранних восточных славян.[19]

Лесное орловское левобережье Оки и правобережье Зуши в IV—VII вв. входят в регион распространения памятников мощинской культуры, сложившейся на основе племен верхнеокской и почепской культур. Основой хозяйства мощинцев становится пашенное земледелие с широким применением подсечно-огневой системы землеобработки. Скотоводство опирается на разведение крупного рогатого скота и коневодство. Производящие методы окончательно оттесняют на вторые-третьи роли охоту и рыболовство. Значительно развивается ремесло: обработка железа, цветных металлов, косторезное мастерство и др. (илл. 89). В гончарстве сохраняется лепная керамика — толстостенные горшки с бугристой, из-за примеси крупного песка в тесте, поверхностью, а также лощеная керамика. От эпохи мощинской культуры сохранились на Орловщине погребения — курганы по обряду кремации покойных.

Мощинское население проживало, в основном, по течениям рек, не выходя на водоразделы. Часто их поселения занимали «останцы» стоянок и селищ предыдущих эпох. По Оке самым южным поселением с находками в культурных слоях керамики мощинской культуры является городище Лужки Кромского района. Ниже по течению Оки — городище Гать, селище Шепино, селища у д. Ломовец Орловского района, городище Сторожевое, городище Торкуновка, селище Карандаково Мценского района, селище Пальчиково-1 Волховского района. По р. Кроме мощинский нижний слой выявлен в многослойном селище у с. Кирово (пос. Степь) Сосковского района. По р. Цон в Урицком районе мощинский культурный слой выявлен на поселениях Мерцаловка, Гнеушево, Городище. По р. Нугрь — городище Локно Знаменского района, селище Б. Чернь, городище Рожково, городище Кишкино-1 Волховского района (илл. 90). По течению Зуши — археологический комплекс Воротынцево, на притоке Зуши р. Чернь — городище Зайцево, селище Гамаюново. По р. Навле — селища Железное-3 и Северный поселок-2, городище у д. Железное городище и городище Слободка Шаблыкинского района.[20]

Наиболее исследованным памятником мощинской культуры по орловскому течению Оки является городище у д. Торкуновка Мценского района, открытое Л. Н. Красницким. Раскопки пяти сезонов (конца 1980-х — начала 1990-х гг.) выявили многослойность поселения от эпохи бронзового века до VI — VII вв. н. э. Древнее поселение занимало мыс правого берега Оки и глубокого оврага с протекающим ручьем, отделяющим городище от одноименной деревни. Высота над уровнем Оки 25 м, размеры подтреугольной в плане площадки 70 х 60 м. С напольной северо-западной стороны площадка защищена двумя валами, возведенными на расстоянии 20 м. Раскопки выявили, что этот мыс был обитаем с эпохи бронзы, а во второй половине I тысячелетия до н. э. здесь проживало население, близкое к сейминской скифоидной культуре. Об этом говорят находки лепной керамики с грубой поверхностью, украшен-

ной «жемчужинами» и проколами по шейке сосуда. В последние века I тысячелетия до н. э. мыс занимают верхнеокские балты. Как и все верхнеокские городища, Торкуновка запустела на рубеже н. э., в почепский период. В середине I тысячелетия н. э. мыс занимают племена мощинской культуры. Возведя новый частокол по внешнему валу-2, мощинцы устраивают второй вал по периметру раннего вала-1, сместив ров перед ним на 0,5-1 м. Ширина подошвы вала превышает 15 м, высота достигает 2-2,5 м. На валу возводят стенообразные деревянные оборонительные конструкции. Интересно использование приема «коридора смерти»: внешний вал имел проход в межваловое пространство с западной стороны по берегу Оки, внутренний — с восточной, по обрыву оврага. Осаждавшим, чтобы проникнуть на площадку поселения, необходимо было проследовать по контуру внутреннего вала, повернувшись к нему правым боком, не закрытым щитом, который держали в левой руке. Исследования речного склона к Оке выявили многоярусную оборону тыльной части городища. По верхней части площадки проходил частокол из вертикально вкопанных столбов. Ниже по склону к Оке — сооружения из бревен, поставленные в 3 — 4 ряда, горизонтально к осаждавшим. Вероятно, на них были стрелковые площадки лучников и метателей камней. Следы большого пожара и находки трехгранных наконечников стрел говорят, вероятно, о том, что городище было взято штурмом в конце мощинской эпохи. Больше оно не заселялось.[21]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1989. — С. 10.
2. Граков Б. Н. Ранний железный век. — М., МГУ, 1977. — С. 110.
3. Археология СССР. Степи...— М., 1989. — С. 51.
4. Там же. — С. 67.
5. Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. — М. — Л, 1966.
6. Археология Калужской области. — Калуга, 1999. — С. 161.

7. Археология СССР. Степи...— М., 1989. — С. 42-43.
8. Археологическая карта России. Орловская область. — М., 1992, —№ 228.
9. Там же.—№97.
10. Там же. — №№3,6.
11. Там же, — №№ 198-199, 206-207, 221.
12. Тамже. — №№ 23,154-158,165.
13. Никольская Т. Н. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. — М., 1959. — С. 13-18, 83-89.
14. Археологическая карта России. Орловская область. — М., 1992. —№№ 41-45, 56,146-147, 159-164.
15. Тамже. —№№ 113, 127-130,138.
16. Там же. — №№ 78, 80,84-89,238,240,241,244,245,247,248 и др.
17. Тамже, —№№ 20, 21, 119, 120,124, 126.
18. Седов В. В. Славяне в 6 — 13 вв. — Археология СССР. — М., 1982, —С. 41-46.
19. Археология СССР. Степи... — М., 1981. — С. 62-75.
20. Археологическая карта России. Орловская область. — М., 1992. —№№ 7, 11, 24, 27, 37, 38, 40, 99, 143,150,151, 156, 165, 175-180,197, 200, 201, 243, 246, 252, 256.
21. ОКМ. Архив. Отчеты Л. Н. Красницкого о раскопках городища Торкуновка в 1986-1991 гг.

ГЛАВА 4. Эпоха средневековья: VIII—XIII вв.

VIII - СЕРЕДИНА X в.

Вопросы начала славянского периода по региону Верхней Оки крайне дискуссионны. Ранее славянский период Верхней Оки до вхождения ее территории в состав Древнерусского государства —• Киевской Руси — было принято датировать IX — концом X в. Однако последние данные позволяют начинать его датировку гораздо раньше. Связано это с окончанием Великого переселения народов, распадом древнего общеславянского единства, обособлением восточных славян, а также с историческими событиями, проходившими в степной и лесостепной зонах Северного Причер-

номорья и центра Русской равнины. В первой половине I тысячелетия н. э. протославяне — венеды — расселялись по течению рек Эльба, Одер, Висла и их междуречьям. В ходе Великого переселения народов в VI в. ранние славяне занимали значительную часть Центральной и Восточной Европы от Эльбы до Днепра по современным территориям Восточной Германии, Польши, Чехии, Словакии, Австрии, Югославии, западной части Северного Причерноморья, среднего течения Днепра. Исторически известно, что уже в VI в. они делились на две большие общности: склавинов и антов. По свидетельству византийского историка Прокопия Кессарийского, праславяне говорили на одном языке, имели одинаковый быт, обычаи и верования. Датируют праславянский период обычно IV-VI вв., активно привлекая все умножающиеся письменные источники.

Один из самых сложных и спорных периодов древнерусской истории — VIII—IX вв. Связан он с выделением территории древних русов, локализацией Русского каганата, известного по западноевропейским и арабским источникам, решением т. н. «варяжского вопроса». Один из крупнейших в настоящее время специалистов по археологии, истории и культуре славян, балтов и финно-угров академик РАН В. В. Седов, возглавляющий отдел полевых исследований Института археологии, пересмотрел в последние годы многие, в т. ч. свои собственные предположения по данным вопросам. По мнению В. В. Седова, во второй половине VII в. территорию по левобережью Среднего и Верхнего Днепра занимали анты Пеньковской (пражско — Пеньковской) культуры и поздние балты колочинской и других культур. Анты населяли лесостепные земли, балты — территории севернее, в т. ч. поречье Сейма и Подесенье. В конце VII в. происходит очередное переселение славян в левобережье Среднего Поднепровья. Несколько позже *в* данном регионе складывается новая культура — волынцевская, в развитии которой В. В. Седовым выделяются три этапа: ранний — конец VII — начало VIII в., средний — VIII в. и поздний — вторая половина VIII — первая половина IX в. На позднем

этапе происходит трансформация волынцевской культуры в ромейскую.

Основная территория распространения памятников волынцевской культуры — Подесенье с бассейном Сейма, верхние и средние течения левых притоков Днепра — Сулы, Пела, Ворксла. В. В. Седов считает, что носители волынцевской культуры расселяются и по Верхнему Дону, до устья р. Воронеж, где в VIII в. складывается борщевская культура, родственная ромейской. Происходит миграция волынцевских племен на Верхнюю Оку, занятую поздними окскими балтами мощинской культуры. Проникновение волынцевских племен на Оку приходится на ранний период, ибо в VIII—IX вв. здесь широко распространяется курганный обряд погребений, обычный для мощинских племен. В 1X~X вв. курганный обряд распространяется по славянскому Дону и региону ромейской культуры. До этого представители ромейской, волынцевской и борщевской культур хоронили покойных в грунтовых могильниках с кремацией на стороне, а прах помещали в глиняные сосуды.

На верхней Оке с VIII в. складывается новая культура, близкая ромейской и борщевской. Иногда ее называют ромено-борщевской. В. В. Седов считает, что носителями будущей волынцевской культуры, переселившимися в конце VII в. в левобережье Среднего Поднепровья, были племена именьковской культуры Среднего Поволжья. Именьковскую культуру В. В. Седов связывает со славянским этносом. Ее носителями были праславяне, входившие в состав племен Черняховской культуры, образовавшие крупную племенную группировку в лесостепи после гуннского погрома. В конце IV в. довольно многочисленная их часть (уже антов) переместилась в Среднее Поволжье, где и сложилась в VII в. именьковская культура. В конце VII — начале VIII в. потомки антов возвращаются в левобережье Среднего Поднепровья. Часть именьковского населения не покинула Среднее Поволжье. Арабские источники (Ибн Фадлан, начало X в.) выделяют среди народов Волжской Болгарии племена сакалиба (славян), а Волгу называют «Славян-

ской рекой». Привлекая данные исторической лингвистики, В. В. Седов приходит к выводу, что в регионе волынцевской культуры и генетически связанных с ней ромейской, верхнеокской (роменско-борщевской) и борщевской культур появился и широко распространился этноним (племенное наименование) «Рус, Русь», ставший известным через поволжских «сакалиба» в Хазарии и в арабском мире, позже — в Византии и на Западе. Вероятно, на рубеже VIII—IX вв. в лесостепном левобережье Днепра складывается Русский каганат — раннегосударственное образование, правителя которого называли «каганом русов». «Вертинские анналы» сообщают о послах «кагана народа рос», прибывших через Константинополь к императору франков в 839 г.[1] «Повесть временных лет» (ПВЛ), сохраненная древнерусскими летописями, составленная в конце XI в., но использовавшая более ранние летописи, уже не знает ни Русского каганата Среднего Поднепровья, ни племенного имени донских славян. ПВЛ сообщает, что «В год 859 ... хазары брали дань с полян, и с северян [роменская культура], и с вятичей [Верхняя Ока]... по серебряной монете и по белке от дыма [вероятно, дома, большой семьи]».[2] Это регион (с Верхним Доном) Русского каганата, вероятно, распавшегося к 60-м гг. IX в., оставив после себя имя «русь», и иногда употребляемый титул киевских князей — «каган».

К середине IX в. по Верхней Оке и окружающим регионам складываются следующие племенные группировки восточных славян. Регион на юго-западе и западе территории по Десне, Сейму и южнее его занимали племена северян. Верхнее течение Дона до устья р. Воронеж занимали славяне борщевской культуры, отступившие с Дона в X в. под напором печенегов на Верхнюю и Среднюю Оку. По югу и юго-востоку Орловщины проходила граница славянских земель с племенами салтово-маяцкой культуры Хазарского каганата, что делало юго-восток области практически ненаселенным. На севере от Орловщины находилось Волго-Окское междуречье, населенное в основном финно-уграми (меря, мурома и др.). В данный регион продвигались с

запада кривичи, с юго-запада — северяне, с юга по Оке — вятичи. Легкая хазарская дань устраивала вятичей по нескольким причинам:

— она защищала вятичей от набегов с юго-востока племен степи и лесостепи, подчиненных хазарам;
— давала большие льготы при торговле по рекам Дону и Волге. Финансовая мощь Хазарского каганата была основана на транзитной торговле и сборе пошлин с купцов, прибывающих на юг по этим рекам. Можно предполагать, что со своих данников хазары брали меньше пошлин. Вятичи были фактически свободны и автономны при решении политических вопросов. О номинальности подчинения вятичей говорит факт их участия как союзников в походе киевского князя Олега в 907 г. на Царьград (Константинополь).

Не случайно вятичи платили эту дань «по шелягу [серебряная монета] от рала [соха, плуг]» до 964 г., когда сильно ослабевший Хазарский каганат рухнул под ударами знаменитого киевского князя Святослава Игоревича. Святослав первоначально совершил поход на Волжскую Болгарию, возможно, воспользовавшись прямым путем от Днепра на Оку-Волгу по Самодуровскому «узлу». Затем разгромил хазар в полевых сражениях, взял «на щит» их основные города. Затем наступил черед вятичей, которых великий воитель «примучил» в 967 г. и наложил на них дань.’

Известны памятники ранних вятичей VIII-X вв. по орловскому течению Оки.

Принято считать, что вятичи заселяли Верхнюю Оку постепенно от истоков вниз по течению (илл. 91—94). Немногочисленные памятники VIII—X вв. по Орловской области относят к роменской (ромено-борщевской) археологической культуре. Известны они в основном по течению Оки и ее левым притокам, а также по Зуше и по Ливенке (приток Сосны). Самый южный памятник по Оке — нижний слой городища Тагино, напротив одноименного села Глазуновского района. Неоднократно упоминаемое городище Лужки по кромскому течению Оки имеет предпоследний слой VIII-

X вв., как и городище Воротынцево-1 на Зуше. На городище Кромы и примыкающем к нему селище раскопки Т. Н. Никольской выявили находки лепной керамики ромено-борщевской культуры, в сочетании с фрагментами красноглиняных амфор салтово-маяцкого типа, что говорит о торговых контактах с Хазарией. По течению Кромы известно многослойное селище у д. Кирово (Степь) Сосковского района, в культурном слое которого выявлены фрагменты лепной керамики ромено-борщевской культуры. Подобная же лепная толстостенная керамика, украшенная веревочным и зубчатым орнаментом по шейке сосуда, известна по находкам нижних слоев городища в с. Городище (Комаровское) Урицкого района на р. Людской (правый приток Цона), городища Борилово и селища Хотетово по болховскому течению Нугри.[4]

В Ливенском районе в 1995 г. С. Д. Краснощековой открыты три селища VIII—X вв.: Пушкарское-1, 2 на мысе при впадении р. Серболовки в Ливенку и на северо-восточной окраине г. Ливны (Пушкарский тупик), а также селище Вахново на северо-восточной окраине одноименной деревни, между двумя оврагами, на левом берегу р. Мокрец (правый приток Сосны). На памятниках собран обильный подъемный керамический материал.[5]

Наиболее исследовано раскопками Т. Н. Никольской в 1952 г. селище у Д. Лебедка Урицкого района. Было вскрыто 840 кв. м его площади. Селище находится на пойменном всхолмлении левого берега р. Цон, в 0,4 км к востоку от деревни. Высота над поймой до 2-х м, размеры 380 х 60 м. Культурный слой толщиной 0,3-0,6 м содержал, помимо фрагментов лепной посуды ромено-борщевского типа, железные лемехи, серпы, косы, скобели, тесла, ножи, наконечники стрел, ключи, кресала, костяные поделки, глиняные пряслица, рыболовные грузила для сетей, стеклянные бусы и другие предметы. Выявлены четыре подпрямоугольные в плане полуземлянки 3-4 х 4-5 м, остатки сыродутного кузнечного горна. Основная часть находок датирована VIII—X вв. Подобное селище было обследовано в 1938 г. Н. П. Мило-

новым в междуречье Цона и Орлика у Д. Селихово Урицкого района. В этом же междуречье известны и два однослойные городища у д. Колос, датированные VIII—X вв. Городища занимают мысы оврага, по дну которого протекает ручей, ныне превращенный в пруд.[6]

К периоду VIII-X вв. относятся несколько датированных курганов, исследованных раскопками Т. Н. Никольской в 1953 г. Одиночный курган на правом берегу Зуши, в 1 км ниже городища Воротынцево-1, имеет высоту 2 м, диаметр подошвы до 15 м. Выявлены остатки двух кострищ от обряда кремации на месте. Прах покойных был собран в глиняные урны. Сохранились следы оградок вокруг мест кремации и погребальной камеры. По находкам погребения признаны разновременными: раннее — V-VII вв., позднее — VIII-IX вв.[7]

С начала XX в. известен большой курганный могильник на левом берегу Цона, в 0,5 км к северу от селища Лебедка. Высота курганов от 0,7 до 2 м, диаметр от 7 до 11 м. Могильник насчитывал до 40 насыпей. Раскопки этих курганов проводили: в 1907 г. — И. Е. Евсеев, в 1909 г. и в 1920-е гг. — П. С. Ткачевский и К. Я. Виноградов, й 1952—1953 гг. и в 1963 г. — Т. Н. Никольская. Во всех курганах обнаружены остатки кремаций, совершенных на стороне. Прах помещался в глиняные урны, изготовленные от руки. Насыпи содержат от одной до семи урн. Курганы датированы временем от VIII до XI в.[8]

В 1975 г. И. К. Фролов паспортизирует два курганных могильника у с. Столбище Дмитровского района. Столбище-1 насчитывает 22 насыпи высотой от 0,5 до 1,5 м при диаметре 5-11 м. Они расположены в урочище «Пропашки» по левому берегу Неруссы. Насыпи имеют кольцевые ровики у основания. В поврежденном кургане обнаружены обломки лепных толстостенных сосудов, близких ромейской керамике, что позволило датировать могильник концом I тысячелетия н. э.

Вероятно, к этому же периоду относится второй курганный могильник — Столбище-2, расположенный в 1,5 км от

Столбища-1, на берегу пруда «Чернечик». Состоит из двух насыпей, высотой 1 и 1,3 м. Диаметр оснований — 12 и 18 м. Могильник не исследовался раскопками, насыпи повреждены кладоискательскими ямами.[9]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Седов В. В. Древнерусская народность. — М., 1999. — С. 50.
2. ПСРЛ, Т. 1. — Стб. 12,19.
3. ПСРЛ, Т. 1. — Стб. 65, 81-82.
4. Археологическая карта России. Орловская область. — М., 1992. — №№ 76,121, 175,117-118, 197, 201, 28, 62.
5. ОКМ. Архив. Отчеты С. Д. Краснощековой, Л. Н. Красницкого.
6. Археологическая карта России. Орловская область. — М.,1992. — №№ 205, 220, 202.
7. Никольская Т. Н. — МИА, № 72. — С. 52.
8. Тамже. — С. 73.
   Никольская Т. Н. Земля вятичей. — М., 1981. — С. 27.
9. Археологическая карта России. Орловская область. — М.,1992, — №№ 90-91.

ЭПОХА КИЕВСКОЙ РУСИ. КОНЕЦ X - ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIII в.

После гибели в 972 г. знаменитого киевского князя Святослава Игоревича на днепровских порогах от рук печенегов вятичи восстановили независимость. Его сыну, Владимиру I Крестителю, пришлось вновь покорять их в 981 г. Однако в следующем году вятичи «заратились». Владимиру пришлось вновь идти на них походом, после чего в наказание строптивых дань была увеличена вдвое. Интересно, что позже Владимир совершил поход на Волжскую Болгарию. Русское войско шло на ладьях, союзная конница из кочевников — по берегам Волги. Вероятно, Владимир в походах на вятичей и волжских болгар использовал Самодуровский путь.[1]

Еще 100 лет вятичи были внутренне автономны и даже не пропускали через свою территорию княжескую админи-

страцию в города Волго-Окского междуречья. Владимир Мономах подчеркивает, что он первый в юные годы (около 60-70 гг. XI в.) прошел «сквозь вятичей», причем на князя Ходоту упрямых лесовиков ходил «две зимы».[2] Данные эпизоды связывают с былиной об Илье Муромце и Соловье Разбойнике. Орловские краеведы записали легенду, по которой гнездо Соловья Разбойника находилось в районе современного населенного пункта Девять Дубов Хотынецкого района на границе с Брянской областью, где когда-то были знаменитые «Дебрянские леса».

Постепенно пути к вятичам Верхней Оки наладились, и Орловщина окончательно стала частью Черниговского княжества Киевской Руси.

В начале XI в., после вхождения вятичей в состав Киевского государства, происходят заметные изменения границ земли вятичей. Западная и юго-западная границы с северянами по водоразделам Оки — Десны, Оки — Сейма остались неизменными. На севере вятичи продвинулись по Оке до ее среднего течения. На юго-востоке по поречью Сосны проходило, как и раньше, пограничье с населением степи и лесостепи. Значительно изменилось, вероятно, лишь восточное пограничье будущей Орловщины из-за ухода под напором печенегов основной части славянского населения. Донские славяне отошли в основном на север, в Рязанское Поочье, но часть их сместилась в правобережье средней Оки.

Поселения XI—XIII вв. редкими, часто единичными группами продвигаются на юго-восток, до Сосны, преодолевая старую границу по течению рек Неручи и Трудов. Вероятно, за Сосной складывается интересный этнос — «бродники», представленные в основном выходцами из русских земель, уходящими из-под тяжелой княжеской власти. Они сливаются с изгоями степи и лесостепи — остатками печенегов, торков, «диких половцев», которые не вошли в состав крупных половецких объединений.

К первой половине XII в. относятся первые сведения русских летописей об административном делении Черниговского княжества, в которых упоминаются города будущей

Орловщины. Черниговская земля делилась на волости, причем волости были собственно черниговские и особо — новгород-северские, принадлежавшие крупнейшему по значимости «уделу» Черниговского княжества. Среди новгород-северских волостей выделяются две: «Лесная земля» и «Вятичи», имеющие отношение к региону Верхней Оки.

Изучавший данный вопрос А. К. Зайцев определил, что в 1146-1147 гг. в регион волости «Лесная земля» входили города Карачев, Воротынск Старый, Мценск, Спащ, Домагощ, Кромы, Болдыж и некоторые другие. Граница юго-восточной части «Лесной земли», предположительно, проходила по течению Сосны, восточной — по тульскому течению Красивой Мечи. Таким образом, современная территория Орловской области большей частью входила в волость «Лесная земля» Новгород — Северского удела Черниговского княжества Киевской Руси.[3]

С 1950-х гг. основными объектами археологических раскопок на Орловщине становятся городища (до 1930-х гг. курганы). Городищ по области, с учетом протогородищ, известно около 70. Некоторые из них с рубежа XI — XII вв. становятся городами, т. е. начинают упоминаться в летописях и других письменных источниках. Первым упомянутым в письменных источниках поселением на Орловщине считается город Коръдно — «столица» мятежного князя или вождя вятичей. Где было Коръдно, и что оно представляло собой как поселение — тема многолетних споров. Ранее склонялись к мнению, что Коръдно было расположено на левом берегу р. Раковки, где в настоящее время находится д. Корнади Новодеревеньковского района Орловской области. Расположена деревня на высокой излучине реки. Однако поиски Т. Н. Никольской и Л. Н. Красницкого в начале 1980-х гг. не выявили наличия в микрорегионе Корнади следов древнего поселения, укрепленного или неукрепленного.

Первые города на Орловщине упоминаются под 1146—1147 гг. в связи с усобицами князей из родов Ольговичей и Мономаховичей. Это Мценск, Болдыж, Домагощ, Кромы и

Спащ. В 1155 г. отмечены Воротынск и Новосиль.[4] Кромы при впадении Недны в Крому, Мценск при впадении Мцени в Зушу, Новосиль на высокой излучине правого берега Зуши в нескольких километрах выше устья Неручи и сейчас являются городами (Кромы — поселок городского типа). Неоднократно разоренные дотла, восстанавливаемые и перестраиваемые, они утратили статус городов-крепостей лишь в начале XVIII в. О том, что они представляли собой как города — крепости XI-XIII и XIV-XV вв., можно судить лишь умозрительно, ибо исторических описаний не сохранилось.

Одним из типичных городищ ХП-ХШ вв. является на Орловщине городище у д. Городище Волховского района. Оно занимает мыс между двумя оврагами. Подпрямоугольная в плане площадка 80 х 56 м защищена с юга и севера оврагами, с востока — крутым обрывом к Оке, с запада — рвом, глубиной до 2 м. Высота мыса над рекой 19 м. Перед рвом — вал, высотой до 3 м, в середине которого был проход на городище. Культурный слой мощностью до 2 м. Он содержит обильные фрагменты гончарной керамики XII—XVII вв. Среди находок — обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица и другие предметы, свидетельствующие о том, что данное городище — поселение городского типа. За валом городища отмечен неукрепленный окольный город размером 200 х 100 м. Исследованиями А. К. Зайцева городище интерпретируется как остатки детинца древнерусского города Домагощ (1147 г.). На правом, ныне тульском берегу Оки, находится огромный курганный могильник, насчитывавший ранее несколько десятков насыпей. Связь его с Домагощем несомненна.[5]

В левобережье Оки, на р. Неполодь, ниже устья р. Моховицы, находится городище Спасское у одноименного села Орловского района (илл. 95). Городище, округлое в плане, хорошо сохранилось. Диаметр площадки около 40 м. Высота мыса над уровнем реки 25-30 м. Площадка защищена полукольцевым валом, высота которого с напольной восточной стороны достигает 6 м. Перед валом — широкий

ров, глубиной до 3 м. В 1971 г. здесь проводила раскопки Т. Н. Никольская и выявила следы крупного строения — княжеского или боярского терема, а также подземного хода («тайника ») к реке Неполоди. Культурный слой до 0,8 м, содержит фрагменты гончарной керамики XII-XVI вв., обломки стеклянных браслетов, железные наконечники стрел, серпы, замки и ключи, подковки сапог, ножницы, шиферные пряслица, костяные крестики и другие находки, характерные для подобных поселений. К востоку, за валом городища, находится огромное селище — посад, вытянутое по левому берегу Неполоди на расстояние более 1 км. К северу, через современную шоссейную дорогу, находилась другая часть посада, где располагалась ныне не существующая д. Звенигород. К северу от деревни находится и ныне действующее кладбище с разрушенной кирпичной церковью XVIII-XIX вв. Городище у Д. Звенигород и кладбище («погост») известны по Писцовым книгам Московского государства XVI в.

Краеведы предполагают, что это городище — остатки города Звенигорода, существовавшего с XII в., бывшего в XIV-XV вв. центром — «княжеским столом» удела князей Звенигородских, запустевшим после ухода князей Звенигородских «под руку» Москвы. Т. Н. Никольская считала городище Спасское остатками летописного города — замка Спащ, упоминаемого в Ипатьевской летописи под 1147 г.[6]

В вопросе о местонахождении летописного города Воротынска (Старого) полемика не утихает более полувека. Впервые город Воротынск упоминается в 1155 г., когда Святослав Ольгович за «отступление» к Давыдовичам отобрал у своего родственника Карачев и Воротынск. Обычно наименование «Воротынск» связывают с г. Воротынском Калужской области. Но археологические исследования в калужском Воротынске показали отсутствие слоев XII—XIII вв. По мнению И. К. Фролова, Воротынцево в Новосильском районе Орловской области и есть остатки древнего города XII в., который упоминается в Ипатьевской летописи.[7] Размеры площадки городища — 68 х 60 м. Интересно, что в 0,6 км к

северо-западу от городища Воротынцево-1 находится еще одно округлое, небольшое по размерам (40 х 44 м) городище Воротынцево-2.

В последний раз Воротынск (Воротынск Старый) упоминается в летописях в 1480 г. («стояние на Угре»).[8]

Любопытно, что в 6 км выше по течению Зуши, на том же правом берегу, что и Воротынские городища, находится летописный город Новосиль (1155 г.). Наличие двух городов на столь близком расстоянии друг от друга не поддается логике. Наименование «Новосиль» толкуют по-разному: «Новый Силь» или «Ново — Василь» по имени сына Юрия Долгорукого, союзника Святослава Ольговича в борьбе с Ольговичами и Давыдовичами. Если правильно первое предположение, то древнее поселение выше по течению Зуши именовалось «Силь», а на месте современного Новосиля построили новое поселение. Затруднено выявление расцвета и упадка этих двух поселений городского типа. Известно, что Новосильские князья после разгрома Новосиля в 1378 г. Мамаем переносят столицу крупного, т. н. «верховского» Новосильского княжества, в г. Одоев. Но жизнь на Воротынцевском городище не замерла полностью и в какой-то мере функционировала вплоть до первой половины XVII в., о чем говорят находки монет времен Алексея Михайловича на селище вблизи с. Воротынцево.[9]

Самый изученный памятник городского типа на Орловщине — городище Слободка-1 у д. Слободка Шаблыкинского района. Как и Воротынцево, оно имело спутник-сателлит — городище Слободка-2, в 0,4 км к западу от первого городища. Слободка-1 в 1959-1965 гг. обследовалась Т. Н. Никольской. Городище занимает мыс правого берега Навли при устье оврага, возвышается над рекой на 20-26 м. Впервые мыс был заселен в раннеславянскую эпоху, о чем говорит открытие в нижнем слое городища древнейшего могильника VIII в., содержавшего 11 погребений по обряду кремации. Городище имеет округлый в плане «детинец» диаметром 80 м, окруженный полукольцевым валом высотой до 2 м и рвом глубиной до 2 м, а также «окольный город»,

укрепленный валом. Вскрыто более 3600 кв. м площади с мощностью культурного слоя до 1 м. Выявлены остатки строений и многочисленные находки ХП-ХШ вв. Т. Н. Никольская отождествила данное городище с древнерусским городом Болдыжем, упоминаемым в летописях в 1146 — 1147 гг.[10]

Основная часть известных в Орловской области городищ относится к XI-XII вв. Расположены они в поречье левобережья Оки и по Зуше, входя в систему обороны русских земель от набегов со стороны беспокойного «Дикого поля», находившегося за р. Сосной.

Система пограничной службы по территории Орловщины с росписями «сторож», стоянок передовых полков и т. д. известна по письменным источникам второй половины XVI — первой половины XVII в., но еще великий князь Дмитрий Иванович (Донской) высылал «крепкие сторожи» в «поле за Сосну» задолго до Куликовской битвы.

Трудно утверждать, была ли пограничная служба в XI-XIII вв. активной, с выдвижением в поле «богатырских застав», или опиралась на вышеупомянутых «бродников». Вместе с тем наличие городищ по обследованным рекам Орловской области предполагает существование оборонительных линий в XI—XIII вв.

Картографирование укрепленных поселений показывает их направленность против степного юга и особенно юго-востока области по правобережью Сосны и далее. За линию Ока — Зуша передовыми форпостами выдвинуты городища, имеющие слои XI—XIII вв.: Волконск на р. Локна (правый приток Неруссы, Дмитровский район); Городецкое на р. Фошня (левый приток Сосны, Колпнянский район); Ключевка на р. Ливенке (левый приток Сосны, Ливенский район).[11] Основная линия укреплений по р. Оке (от верховьев вниз по течению): Тагино и Богородское (Глазуновский район), Ретяжи и Лужки (Кромской район), Гать, Гонючево (илл. 96), Цветынь, Черемисино (Орловский район), Сторожевое и Старенково (Мценский район), Городище и Крутогорье (Волховский район). По р. Зуше (от устья вверх

по течению): Роженец, Мценск, Михайлов Брод и Зайцево на р. Чернь (правый приток р. Зуши),[12] Жилино (все — Мценский район), Новосиль, Воротынцево-1,2, Мужиково на р. Зуше (Новосильский район).[13]

Вторая, более глубокая линия обороны, вероятно, проходила по поречьям Навли, Вытебети и Нугри. По р. Павле (от границы с Брянской областью вверх по течению): Слободка-1,2, Железное городище и Водоцкое на р. Водоча (левый приток Навли, Шаблыкинский район), Хотимль-Кузменково на истоках р. Вытебети (Хотынецкий район).[14] По р. Нугрь (от истоков вниз по течению): Камынино и Локно (Знаменский район) (илл. 97), Рожково, Борилово, Кишкино, Курасово у устья р. Мошок (Волховский район).

По левым притокам р. Оки намечается несколько дополнительных линий, преграждавших пути с юга на север по междуречью Оки и Нугри.[15] По р. Крома:*Кромы, Кутафино (Кромской район), Малеево (Сосковский район). По р. Цон (вверх по течению): Мерцалово (илл. 98), Гнеушево, Городище (Людское), Борщевка (Урицкий район). По р. Орлик (вверх по течению): Надежда-Звягинки (Орловский район), Титово-Мотыка (Урицкий район). По по'речыо Неполоди (Орловский район): Спасское и Маслбво (р. Неполодь), Паюсово (Кошелево) на р. Моховица, Редькино (р. Густоварь). По р. Каменка: Малая Круглица (Мценский район). По р. Орс: (левый приток р. Нугрь): Жуевка, Лунево (Волховский район).

Возможно, была и передовая линия по левому притоку р. Зуши — р. Нугрь, пересекающей междуречье Оки и Сосны параллельно Оке с юго-запада на северо-восток. Краеведы конца XIX — начала XX в. отмечают городища по р. Неручи: Поздеево, Богородицкое, Никольское, Городище-1,2 (Покровский район), Скворчее (Залегощенский район), но они не обследованы археологами XX в.

Заложенная в XI—XIII в. (или еще ранее), система пограничной и сторожевой службы по региону Верхней Оки легла в основу охраны юго-востока русских земель, функционировавшей до второй половины XVII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ПСРЛ, Т. I, Стб. 82.
2. Владимир Мономах. Поучение //Изборник. — М., 1969. — С. 157-159.
3. Зайцев А. К. Черниговское княжество // Сб. Древнерусские княжества X-ХШ вв. — М.,1975. — С. 98.
4. ПСРЛ,Т. II, Стб. 342.
5. Зайцев А. К. — Черниговское княжество... — С. 100-101.
6. Никольская Т. Н. Земля вятичей. — *М., 1981. — С. 74-76.* Неделин В. М. Орел изначальный. — Орел, 2001. — С. 29.
7. Фролов И. К. Изучение археологической структуры микрорегиона //Сб. Археологические памятники европейской части РСФСР. — М., 1985. — С. 29.
8. ПСРЛ. Вологодско-Пермская летопись. — М. — Л., 1959. — Т. 26.— С. 273.
9. Фролов И. К. — Изучение археологической структуры.... — С. 34-35.
10. Никольская Т. Н. Городище Слободка XII — XIII вв. — М.,1987. — С. 5.
11. Археологическая карта России. Орловская область. — М., 1992, — №№ 84,133.
12. Там же. - №№ 73, 77,121,123, 1, 7, 22, 23,155,156, 32, 41.
13. Там же. — №№ 143, 146,150, 153, 154, 174-176.
14. Там же, — №№ 231, 243, 256, 257, 230.
15. Там же. — №№ 98, 99, 28, 37, 47, 57.

ГЛАВА 5. Эпоха Верховских княжеств и допетровской Руси. XIV-XVII вв.

Нашествием Батыя заканчивается эпоха Киевской Руси. Большая часть русских княжеств, на которые распалось Древнерусское государство, попадает в зависимость от образованного Бату-ханом государства — Золотой Орды, столица которого — Сарай — находилась на Нижней Волге. «Золотоордынское иго» продолжалось до 1480 года. Юго-западные и западные древнерусские земли захватывают

Польша и Великое княжество Литовское, в состав которого в XIV в. входили Киев, Чернигов, Смоленск, Брянск и другие города. Литовское государство наступает и на Московское княжество, которое с XIV в., несмотря на монгольское иго, начинает объединять северо-восточные русские земли.

Черниговское княжество, сохранившее в какой-то степени единство, во второй половине XIII в. распадается на ряд самостоятельных княжеств, которые продолжают дробиться на ряд еще более мелких уделов. Княжества и уделы по верхним течениям Оки и Десны получили названия «верховских». Часть территории современной Орловской области в XIV-XV вв. входила в состав Брянского, Новосильского (Новосильско — Одоевского) и Карачевского княжеств, а также, предположительно, Хотетовского, Волховского, Звенигородского и Елецкого уделов.[1] К правому берегу р. Сосны подступали земли летних кочевий Золотой Орды.

Верховские княжества в своей внешней политике постоянно лавировали между Литвой и Москвой, ища защиты от разорительных набегов татар с юга. Лишь на рубеже XV—XVI вв. современный регион Орловской области окончательно вошел в состав Русского государства, но борьба с набегами «осколков» Золотой Орды продолжалась в крае до завершения строительства Белгородской оборонительной черты в середине — второй половине XVII в., а города Орловщины утратили статус крепостей только на рубеже XVII-XVIII ВВ.

Обследование известных городищ области не выявило ни одного укрепленного поселения, воздвигнутого в эпоху «верховских княжеств» (XIV—XV вв.), хотя есть следы использования более ранних городищ в этот период и в XVI-XVII вв.

В XVI в. возводятся города — крепости: Волхов (1556 г.), Орел (1566 г.), Ливны (1586 г.) и восстанавливаются Кромы (1594 г.).[2] Спор о предшествовавших им древних поселениях (кроме Кром) длится более века. Вероятно, еще ранее были

реконструированы летописные города Новосиль и Мценск. Последующие модернизации и городское строительство привели к тому, что данные памятники ныне относятся к типу «культурных слоев летописных и исторических городов». Лишь Кромы и Новосиль сохранили остатки детинцев. ■’

Известно много селищ эпохи позднего средневековья, в т. ч. однослойных. Но ни одно из них не обследовалось стационарными раскопками, что вынуждает датировать их XIV-XVII вв. Не обследовались археологически также погребения данной эпохи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шехов А. В. Верховские княжества. — Тула, 1993. — Карта. Верхняя Ока в XIII-XVI вв.
2. Неделин В. М. Орел изначальный. — Орел, ***2002. — С.*** 29, 39. Археологическая карта России. Орловская область. — М., 1992. — № 117,143,174.
3. Ковылов С. В. Автореферат диссертации. — Орел, 1996.

ГЛАВА 6. Итоги археологических исследований Орловской области на 01. 01. 2006 г.

Территория нашей страны густо насыщена археологическими памятниками. Не составляет исключения и Орловская область, расположенная на Русской равнине, в центре Европейской части РФ.

Исторически Орловская область входит в Верхнее Поочье, охватывающее земли по Верхней Оке от ее истоков до современной границы Московской области. Древняя история Верхнего Поочья неразрывно связана с прошлым регионов Подесенья на западе, Волго-Окского междуречья на севере, Верхнего Дона на востоке и Посеймья на юге.

Исследование археологического наследия по современной территории Орловской области традиционно начина-

ют с публикации в 1877 г. А. Г. Пупаревым статьи «Древние городища и курганы в Орловской губернии», в которой упоминаются археологические объекты и дается их описание по данному региону. Половина из них, особенно курганы, не сохранились до наших дней, не выявлены или не обследовались археологами XX в.

В 1902 г. А. Н. Шульгин заканчивает составление археологической карты Орловской губернии, являвшейся плодом многолетней работы орловских краеведов. На карте были отмечены более 500 памятников археологии. Исследовательские работы А. Г. Пупарева и А. Н. Шульгина продолжили в начале XX в. В. Р. Апухтин, И. Е. Евсеев и П. С.Ткачевский, с 1950-х гг. — Т. Н. Никольская, И. К. Фролов и другие московские археологи Института археологии АН СССР (РАН) и ГИМа. Начинается деятельность орловских археологов второго поколения — Н. П. Макарова, Л. Н. Красницкого и С. Д. Краснощековой.

В 1992 г. Г. К. Патрик (ИА АН СССР) обобщает сведения по археологическим памятникам Орловской области на начало 80-х годов XX в. в серии «Археологическая карта России. Орловская область». Выпуск содержит сведения о 266 археологических объектах, известных по региону с 1877 г.

В настоящее время, согласно картотекам Орловского краеведческого музея, археологическими источниками древней истории Орловщины являются данные изучения более 400 археологических объектов по территории области, выявленных за последние 130 лет как профессиональными археологами, так и орловскими краеведами разных лет (илл. 99). На 01. 01. 2002 г. 320 памятников взяты на государственную охрану, 17 из них признаны объектами федерального значения. Материалы исследований хранятся в областном краеведческом музее, Ливенском, Мценском, Волховском, Дмитровском (илл. 100) и других районных музеях, в Институте археологии РАН и ГИМе в Москве.

Из обследованных памятников, взятых под охрану, лишь небольшая часть относится к погребениям, остальные — к поселениям и местонахождениям. Не все изученные памят-

ники сохранились до наших дней, также как не все сведения краеведов проверены профессиональными археологическими экспедициями. Список разрушенных памятников и предполагаемых объектов достигает ста единиц учета.

Следует отметить разность уровня археологической изученности районов области. Если по Ливенскому, Шаблыкинскому, Волховскому районам известно по несколько десятков памятников, то по Глазуновскому, Верховскому, Новодеревеньковскому выявлено только по 3-4 археологических объекта. Практически полностью не изучена территория, простирающаяся от истоков Оки на северо-восток по Троснянскому, Свердловскому, Покровскому, Залегощенскому, Краснозоренскому и Корсаковскому районам, т. е. междуречье Неручи — Верхней Зуши и Сосны.

Маршруты археологических изысканий прокладываются, как правило, по течениям рек. Так, по орловскому течению Оки выявлено более 80 археологических объектов, по Навле и Зуше — по 30-40 памятников. Но многие притоки этих рек полностью не обследованы (кроме устьев). Исследованиями С. Д. Краснощековой за последние 10 лет открыто по Лесной и Полевой Ливенкам около 40 памятников, в то время как по орловскому течению самой Сосны и остальным ее притокам известно значительно меньше археологических объектов. Абсолютное большинство известных памятников — остатки древних поселений. Основное внимание археологи уделяли укрепленным поселениям — городищам Орловщины. Из достоверно изученных городищ выделяются культурные слои и остатки летописных и исторических городов, существующих как населенные пункты и в наши дни. Это — Мценск (1146 г.), Кромы (1147 г.), Новосиль (1155 г.), Волхов (1556 г.), Орел (1566 г.) и Ливны (1586 г.).

Исследователи достаточно убедительно связывают четыре крупных городища Орловщины с летописными городами: Домагощь (1147 г.) — городище у с. Городище Волховского района, Болдыж (1146-1147 гг.) — городище у д. Слободка Шаблыкинского района, Спащь (1147 г.) — городище у с. Спасское Орловского района и Воротынск Старый

(1155 г.) —городище уд. Воротынцево Новосильского района.

Возможно, дальнейшее изучение летописных источников позволит установить хотя бы часть древних названий других крупных городищ городского типа с мощными культурными слоями, в настоящее время именующихся: Гать (XI-XIII, XIV-XVII вв.) и Гонючево (XI-XIII, XIV-XVII вв.) Орловского района, Рожково (XI-XIII, XIV-XVII вв.) Волховского района, Волконск (XI-XIII вв.) Дмитровского района, Локно (XI-XIII, XIV-XVII вв.) Знаменского района, Лужки (VIII—X, XI-XIII вв.) Кромского района, Михайлов Брод (XI-XIII вв.) и Старенково (XI—XIII вв.) Мценского района, Мерцалово (XI-XIII вв.) Урицкого района и Хотимль — Кузменково (XI-XIII, XIV-XVII вв.) Хотынецкого района.

Помимо вышеназванных, по области известно свыше 60 укрепленных поселений разных типов и видов, возведенных в период от эпохи раннего железного века до XI-XIII вв. За редким исключением, эти городища использовались и в XIV—XVII вв., что не всегда отмечалось археологами «старой школы» до середины XX в., считавшими верхним пределом деятельности археологии рубеж XIII-XIV в.

Основная часть известных памятников — неукрепленные древние поселения и местонахождения на месте полностью разрушенных или недостаточно обследованных объектов.

Памятники каменного века по региону представлены в основном местонахождениями эпох палеолита и мезолита. Лишь по эпохе неолита известно до 10 однослойных стоянок. Такое же положение просматривается и по эпохе бронзового века.

С эпохи раннего железного века самыми массовыми памятниками становятся селища, особенно в период XIV-XVII вв. Селища по области редко исследовались стационарными раскопками, хотя на основании данных обследования селищ Железное-2 (И. К. Фролов), Кромы и Лебедка (Т. Н. Никольская) сложились наши познания о хозяйственной жизни почепских племен (I—III вв. н. э.) и ранних вятичей (VIII-X вв.) на Орловщине.

В конце XIX — начале XX в. самыми массовыми археологическими объектами по региону были курганы, но в настоящее время из-за распашки, кладоискательства и боевых действий в годы Великой Отечественной войны по области известно менее 20 курганных могильников и одиночных курганов. По итогам раскопок П. М. Еременко, А. Н. Шульгина, В. Р. Апухтина, И. Е. Евсеева, П. С. Ткачевского и Т. Н. Никольской можно предполагать, что курганы на Орловщине возводились в эпоху бронзового века (II тысячелетие до н. э.), мощинский период раннего железного века (IV-VII вв. н. э.) и славянский период (VIII-X и XI—XIII вв.).

Подводя итоги, можно утверждать, что территория современной Орловской области археологически обследована не более чем на 20 % и ждет исследователей своего древнего прошлого. Вероятно, будущим археологам и краеведам пригодится намеченная нами по итогам исследований археологическая периодизация региона с учетом данных по сопредельным областям.

Каменный век

I. Палеолит — древнекаменный век: валдай

1. Ранний палеолит: палеантропы

эпоха мустье: 70-40 тыс. лет до н. э. — ранний валдай

2. Поздний палеолит: неантропы

ранний период: 40-24 тыс. лет до н. э. — средний валдай

средний период: 24-17 тыс. лет до н. э. — поздний валдай

поздний (финальный) период: 16—8 тыс. лет до н. э. — поздний валдай

II. Мезолит — среднекаменный век: голоцен

ранний период: 8 — первая половина 7 тысячелетия до н. э. — бореал

поздний период: вторая половина 7-6 тысячелетие до н. э. — бореал

III. Неолит — новокаменный век: атлант

ранний период: 5 — первая половина 4 тысячелетия до н. э.

развитой период: середина 4-3 тысячелетие до н. э.

пережиточный период: конец 3 — первая половина 2 тысячелетия до н. э.

Эпоха раннего металла

I. Энеолит — меднокаменный век •— атлант: 4 — первая половина 3 тысячелетия до н. э.

II. Бронзовый век — суббореал

ранний период: конец 3 — первая половина 2 тысячелетия до н. э.

поздний период: вторая половина 2 — начало 1 тысячелетия до н. э.

Железный век

Ранний железный век — субатлант

ранний период (верхнеокский): 6-1 вв. до н. э.

средний период (почепский): 1-3 вв. н. э.

поздний период (мощинский): 4—6 вв. н. э.

Эпоха средневековья

ранний период (ранневятичский): 6-10 вв.

средний период (эпоха Киевской Руси): конец 10-13 в.

поздний период (эпоха «Верховских княжеств»): 14-15 вв.

Эпоха допетровской Руси

16-17 вв.

18 Заказ№3877

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Книжные» традиции, возникшие подчас из «рабочих» понятий, введенных в научный оборот, укореняются в нашем сознании, попадающем, таким образом, в плен мифологем, лишенных корней в подлинной исторической почве. Такое случилось и с понятием «Киевская Русь», которое, по существу, столь же исторично, как и понятие «Русь Московская». Если заинтересованный читатель, увлеченный прошлым нашего отечества, заглянет в тексты достоверных исторических источников, свидетельствующих о начальных событиях нашей истории, то он не найдет там ни страны, ни государства, носящего привычное со школьной скамьи понятие «Киевская Русь». А найдет он там страну, народ и государство, называемое коротким, но столь дорогим и близким настоящему русскому человеку словом — Русь, или более развернуто — Русская земля.

«...Ближе к северу обитает некий народ, который греки по внешнему виду называют русиями (т. е. «рыжими»), мы же по местонахождению именуем норманнами», — открыл для себя новый народ любознательный посол германского короля Оттона I, итальянский епископ из Кремоны Лиутпранд, спеша поделиться этим «открытием» со своими соотечественниками — итальянцами, немцами, французами. «Ведь на немецком языке, — продолжал свой рассказ ученый итальянец, — nord означает север, а man — человек; поэтому-то северных людей и можно назвать норманнами. Королем этого народа был некто по имени Ингер (Игорь), который, собрав тысячу и даже более того кораблей, явился к Константинополю...». Так «Русь» со своим древним

предводителем, князем Игорем, появившись у Царьграда в 941 г., «вплыла» в политическую историю Западной и Восточной Европы. Однако столь простой ответ кремонского епископа X в. не может нас удовлетворить.

И вот уже свыше тысячелетия поколение за поколением думающих русских людей волнует эта проблема, хотя еще в начале XII в. автор «Повести временных лет» уверенно заявил, что знает «откуда пошла быть Русская земля и кто начал первее в Киеве княжити». Нет, ответ этот, как и многие за ним последовавшие другие, разнообразные, убедительные и несуразные, породили удивительно глубокую мысль, высказанную В. Ключевским (не цитируя, передам лишь ее суть): «Вопрос о происхождении России является патологией общественного сознания в России». Кто мы, откуда мы взялись, кто наши предки и где наши корни? Сомнений нет в славянских основах Руси и русских (а также украинцев-малороссов, белорусов, которые еще неполных сто лет назад также считали себя русскими). Мы — часть большого славянского мира. Но, к сожалению, кажется, во многом прав оказался Константин Леонтьев, созерцавший мятущийся, разрываемый внутриплеменными раздорами славянский мир, с горечью заключивший: «Славяне есть, славянства — нету». Покажется, может быть, слишком безапелляционным мое заявление, провоцирующее возражения: русские — самые «государственные » из всех славян. Русский человек, порой теряющий уверенность в своей национально-культурной жизни, заискивающий перед будто бы более достойными соседями, благодаря собственной национально-культурной энергии, предприимчивости и вере в некий «мир горний», освоил огромнейшее евразийское пространство «от тайги до британских морей». Откуда это в русской натуре?

Может быть, отсюда, от вскоренившегося с древнейших времен в психоментальное мироощущение русского человека «явления» Русской земли вышло и русское «почвенничество», особое чувство «земли», «Русской земли»? Может быть, потому-то некоторые западные историософы видят отличие русского человека от европейца в особой,

органичной связи «русской души» с русской «почвой», Русской землей? «Русская земля! — обнаруживая тоскующее ощущение почти телесного своего отрыва от материнской сущности, обращается к ней автор «Слова о полку Игореве». — Ты уже за холмом». Может быть, и археологическое исследование Русской земли, а не чтение летописных текстов, вызывает у русского человека тоже особое, отличное от восприятия людей других стран и земель, самочувствие, точнее — «самочувствование»!?

Русь или Древняя Русь для России и ее истории то же, что Древняя Греция для Греции современной. Западная Европа выросла из Римской Империи, а последняя, как и империя Византийская, Арабская (халифат), Османская (наследница Арабской и Византийской) — все сложилось на основе Эллинистической, созданной Александром Македонским. И были эти «империи» — «растекшейся» по Средиземноморью Древней, Античной Грецией. Так и Россия выросла из Древней Руси, поглотив со временем и Монгольскую империю.

Всякий раз, когда мы обращаемся к исследованию и изложению истории нашего края, пользуясь часто эмоционально окрашенным понятием «Орловщина», мы невольно задаемся вопросом: а что это такое в территориальном выражении? Это — не Саксония, Бавария, Франкония, Тюрингия и т. д. для Германии и немцев. Эти топонимы восходят к названиям древних германских племен, некогда расселившихся между Рейной и Эльбой. Это — не Пикардия, Бургундия, Шампань, Гасконь, Нормандия и т. д., также имеющие для французов вполне определенные и сложившиеся этнокультурные границы. Что такое Орловщина? Орловская область сейчас, или Орловская губерния в XVIII — начале XX в., или Орловский уезд XVII в., или часть Северских земель и Северских княжеств — Черниговщины? На эти вопросы мы, к сожалению, пока не можем получить убедительные ответы. Потому порой возникают вызывающие улыбку, местнические споры краеведов о «правах собственности» на память о Тургеневе, Тютчеве, Данилевском, Бул-

гакове, Зайцеве, Грановском, Бунине и других великих земляках. Чьи они: орловские, ливенские, брянские, курские и т. д., если когда-то Севск, Брянск, Елец, Карачев, Трубчевск входили в состав Орловской губернии, а Новосиль, наоборот, — не входил? Как, наконец, определить границы культурного региона, границы нашей «культурно— исторической» собственности?

Может быть, они имеют природно-климатическое происхождение? Может быть, С. С. Соловьев, Н. Данилевский, В. Ключевский, И. Ильин, Н. Бердяев, П. Милюков, М. Любавский, П. Савицкий, Г. Вернадский и др., так или иначе, в тех или иных выражениях утверждавшие, что «Россия — цивилизация речная», уже нашли те основы страны и ее отдельных регионов? Ведь и на самом деле не по сухопутью, сквозь дебри лесные, шли наши предки, а вдоль больших и малых рек российских, заселяя их берега, очищая от леса землю под пашню, осваивая, таким образом, сначала Восточную Европу, затем Урал и Зауралье, оказавшись вдруг на берегу Великого Океана. «Россия — страна колонизуемая», — отметил В. Ключевский. Действительно, может быть, культурно-исторические границы «Орловщины» предопределяются ее расположением на «вершине» Среднерусской возвышенности, с которой «стекают» Десна и Ока с притоками, вливаясь в мощнейшие природные речные системы — Днепровскую и Волго-Окскую, — разделяющие и объединяющие Восточноевропейский мир? Весьма возможно...

Предлагаемая читателю книга представляет серьезную попытку, по меньшей мере, сориентировать на поиски этих критериев в сфере археологических изысканий, в глубинах материальных историко-культурных корней найти основы культурно-исторического единства определенной территории. Эта книга — успешная попытка представить фундаментальные основания для определения культурно-исторического ареала, культурно— исторических границ понятия «Орловщина». Авторы этой, уверен, уникальной по замыслу и исполнению, книги, которая, в чем также не сомнева-

юсь, очень скоро может стать библиографической редкостью, подвели в ней итоги своей долголетней, незаметной для стороннего наблюдателя, самоотверженной, часто разочаровывающей, бесприбыльной работы — научно-археологическим изысканиям на территории Орловщины. Они квалифицированно, плодотворно и научно деликатно исследовали ту самую русскую «почву», основу всех наших основ — Землю Русскую в крае Орловском.

Однако, пользуясь случаем, рискуя нарушить гармонию замысла настоящей книги, хотел бы обратить внимание читателя и задержать его лишь на двух вопросах, выходящих за рамки археологии, но непосредственно и органично связанных с основным объектом археологических исследований. Коснусь лишь некоторых аспектов происхождения вятичей, основополагающего культурного массива Орловщины, и их включения в историю русской государственности.

«Россию» или Русь византийский император Константин VII Багрянородный в 952 г. еще не отождествляет с «подплатежными ей » славянскими племенами, в числе которых он называет «ультинов», «дервлениновъ», «друговитов», «кривитеинов», «лензанинов»и «прочих славян». По единодушному мнению исследователей, «ультины» — это восточнославянское племя уличей. Этноним «дервлениновъ» легко узнаваем: это — древляне. «Друговиты» — это летописные дреговичи, а «кривитеины» — кривичи. Споры у историков вызывает этноним «лензанины» или «лендзяне ». В перечне восточнославянских племен в «Повести временных лет» и других русских летописях этот этноним не встречается. Историческая лингвистика позволяет утверждать, что этот этноним имеет западнославянское, древнепольское происхождение, и в своей корневой основе содержит древнее самоназвание поляков— «ляхов».

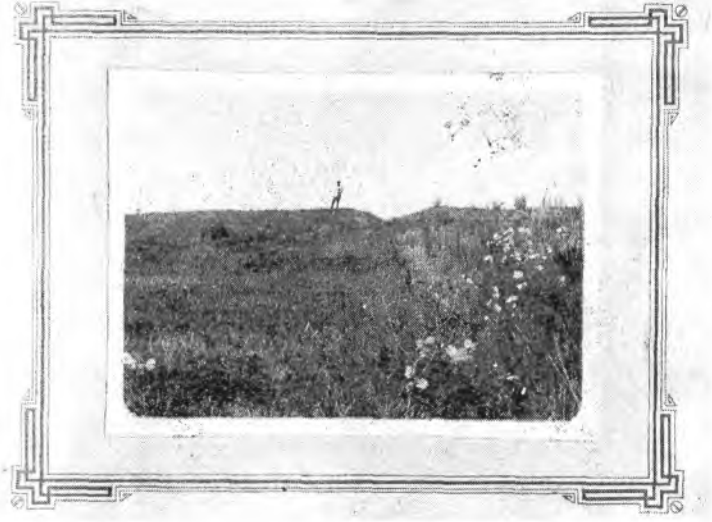
В одном месте Константин Багрянородный помещает «лендзян» вслед за кривичами на пути из Новгорода в Киев. Это дает основание некоторым исследователям

идентифицировать их как радимичей. При этом обращается внимание на летописное предание о едином предке радимичей,вятичей, поляков и чехов (предание о братьях Чехе, Ляхе, Радиме и Вятко). На это обратил внимание Р. Скрынников, который считает, что в середине X в. это племя «лендзян» еще представляло собой целостность, включающую будущие самостоятельные племена полян, радимичей,вятичей.

С. Т. МИНАКОВ
доктор исторических наук,
декан исторического факультета ОРУ

Илл. 1. Неолитический каменный наконечник копья, использовавшийся как амулет в XIVв. Из культурного слоя Новгорода Великого.

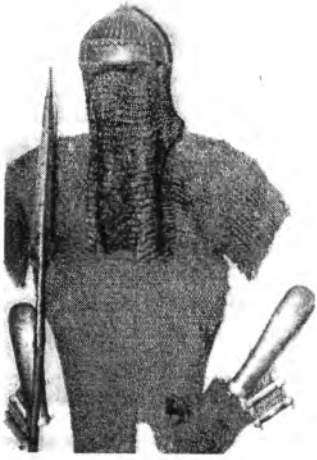
Илл. 2. Граф Алексей Сергеевич Уваров. Середина XIX в.



Илл. 3. Внутренний вид городища у хутора Гать. XI-XIII вв. Фото А. Н. Шульгина. 1897 г.

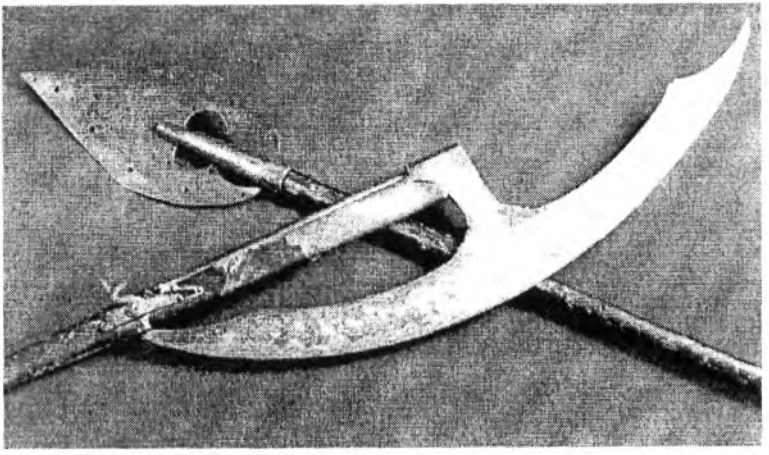
Илл. 4. Александр Николаевич Трубников, орловский губернатор в 1894-1901 гг.

Илл. 6. Археологическая экспозиция Орловского губернского музея. Начало XX в.



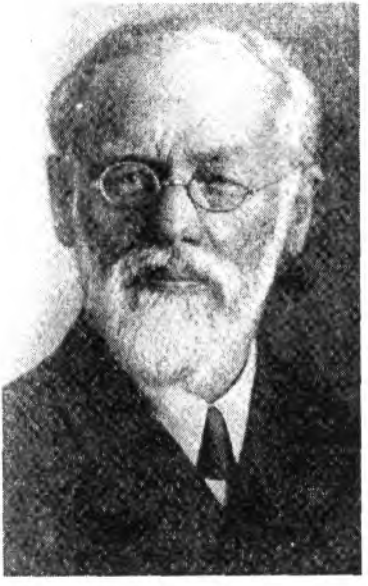
Илл. 6. Оборонительные доспехи русского воина. XVI-XVII вв.

Илл. 7. Греческая амфора из раскопок в Ольвии. Подарена К. В. Ферро Орловскому губернскому музею в 1899 г.



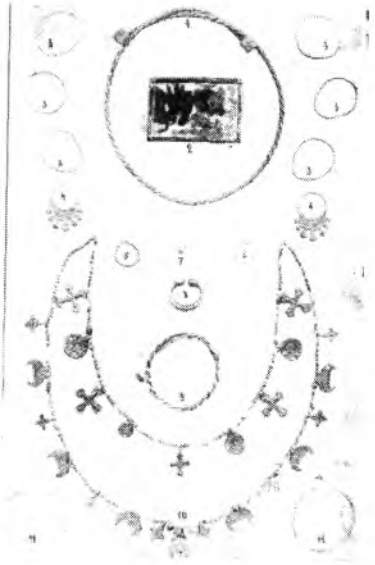
Илл. 8. Русское холодное оружие XVI-XVII вв. (бердыш с пищалью и протазан).

Илл. 9. ***Серебряная фибула скандинавского типа. X в. Найдена близ г. Ельца. 1900 г.***



Илл. 10. Александр Александрович Спицын, русский археолог. Начало XX в.

Илл. 11. Погребение в кургане у д. Каменка Вороновской волости Брянского уезда Орловской губернии. Раскопки С. А. Чуева. 1903 г.



Илл. 12. Находки из кургана у д. Пеклино Брянского уезда Орловской губернии. Раскопки С. А. Чуева. 1901 г.

Илл. 13. Древнерусский город Вщиж. Реконструкция Б. А. Рыбакова.

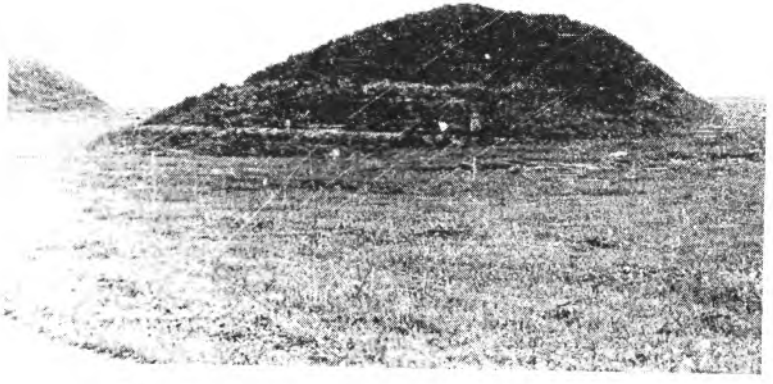
Илл. 14. «Кальница » близ с. Вщиж Брянского уезда Орловское! губернии. «Крестовые!» курган. Фото С.А. Чуева. 1901 г.

Илл. 16. Всеволод Ростиславович Апухтин, орловский краевед и археолог. 1904 г.

Илл. 15. Археологическая карта Орловской губернии. Составлена А. Н. Шульгиным. 1902 г.

Илл. 17. Николай Григорьевич Тетера, орловский краевед. Конец XIX в.

Илл. 18. Карта расселения народов в верховьях Днепра, Оки и Дона. Составлена в начале XX в.



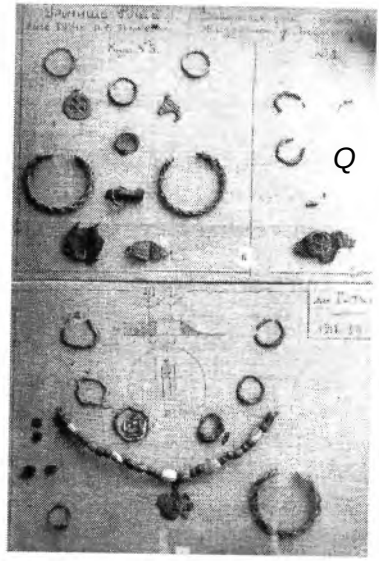
Илл. 19. Курганы у впадения р. Зуши в р. Оку.

Илл. 20. Пётр Сергеевич Ткачевский, орловский краевед, археолог. 1920-е гг.

Илл. 22. Курганный могильник «Игрище» у д. Лебедка Орловского уезда. 1909 г.

Илл. 21. Вид на городище и церковь в с. Городище Волховского уезда. 5 ноября 1909 г.

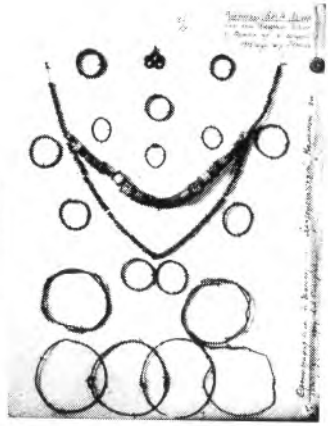
Илл. 23. Урны из курганов в урочище «Игрище » у д. Лебедка Орловского уезда. 1909г.



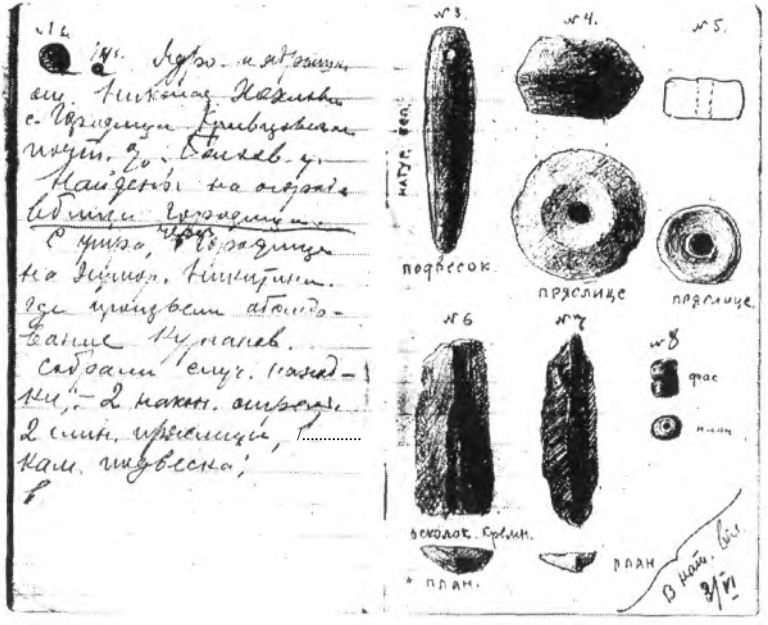
Илл. 23. Курганные древности. Раскопки П. С. Ткачевского. 1911, 1914 гг.

Илл. 24. Лепной глиняный сосуд. Селище Лебедка.

Илл. 26. Экслибрис Вячеслава Михайловича Лосева. 1913 г.



Илл. 27. Материалы из курганов у с. Бацкина Брянского уезда. Раскопки В. М. Лосева. 1913 г.



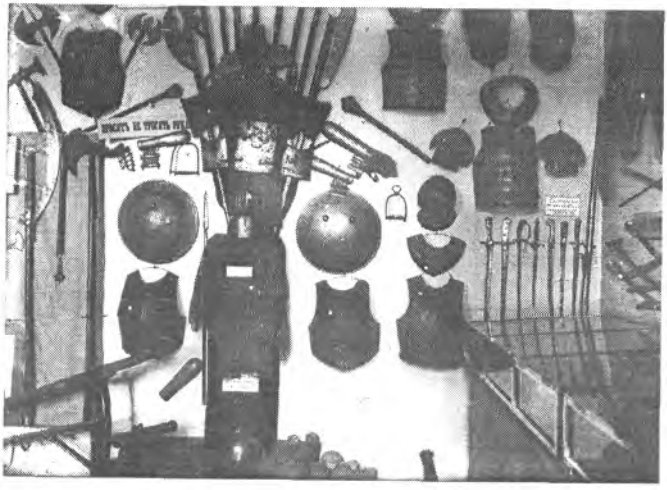
Илл. 28. Страницы из полевого дневника П. С. Ткачевского. 3 июня1925 г.

Илл. 29. Материалы раскопок П. С. Ткачевского. 1926 г.

Илл. 30. П. В. Малашенко, директор естественно-исторического музея. 1920-е гг.

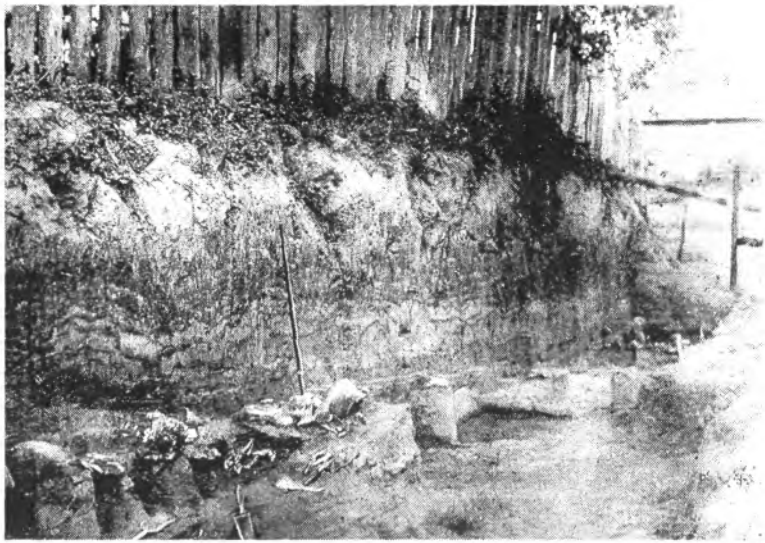
Илл. 31. Рабочая комната и экспозиция отдела археологии краевого Орловского естественно-исторического музея. 1927 г.

Илл. 32.Археологическая экспозиция Орловского историко-художественного музея. 1927 г.

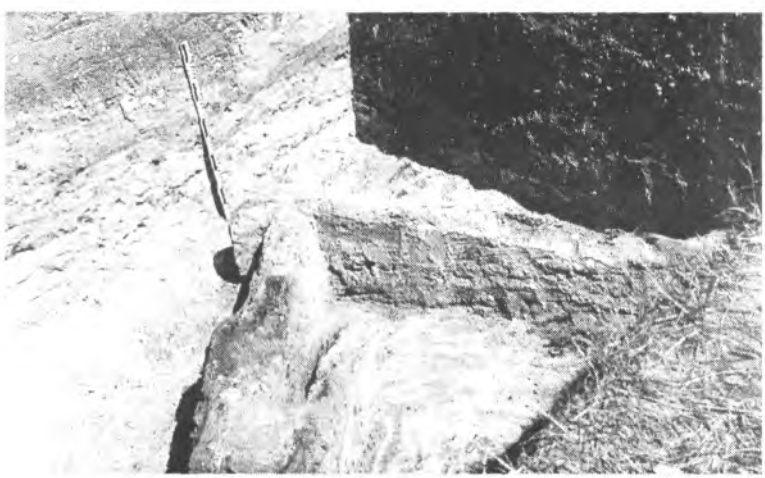


Илл. 33. Экспозиция оружия и предметов оборонительного вооружения Орловского историко-художественного музея. 1928 г.

19 Заказ № 3877



Илл. 34. Палеолитическая стоянка у с. Супонево (ныне Брянская об л.). 1930-е гг.



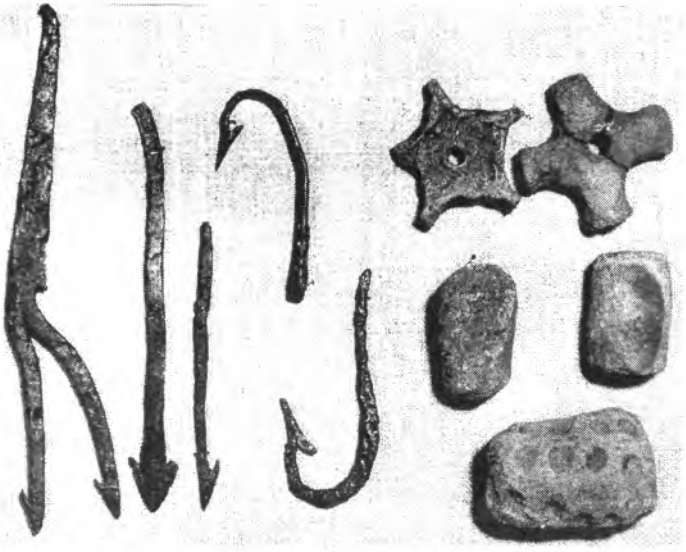
Илл. 33. Палеолитическая стоянка у д. Негатино (ныне Брянская обл.). 1930-е гг.

Илл. 36. Т. Н. Никольская, руководитель Верхнеокской археологической экспедиции ИА АН СССР. 1950-1980-е гг.

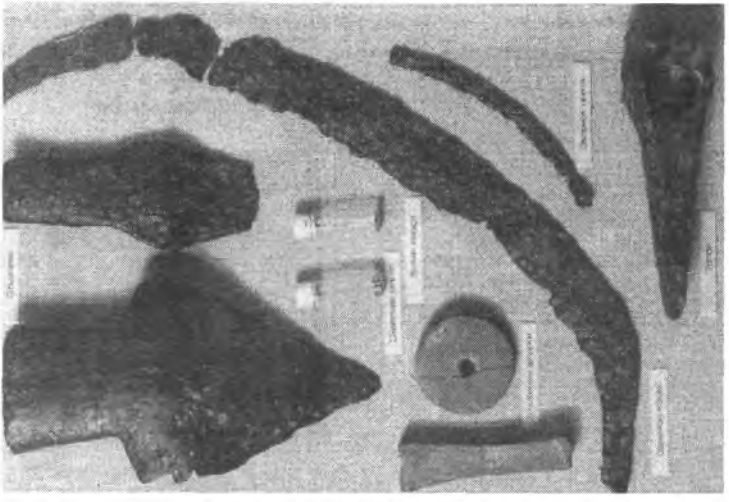
Илл. 38. Урна с остатками трупосожжения. Селище Аебедка. VII I-X вв. Урицкий р-н.

Илл. 39. Урны с остатками трупосожжений из кургана в урочище «Игрище» у д. Лебедка Урицкого р-на.

Илл. 37. Раскопки городища у д. Титово-Мотыка Урицкого р-на. Верхнеокская археологическая экспедиция. 1950-е гг.



Илл. 40. Предметы рыбной ловли: остроги, крючки, глиняные грузила. Вятичи. VIII-X вв. Раскопки Т. Н. Никольской. 1950-1960-е гг. Орловская область.

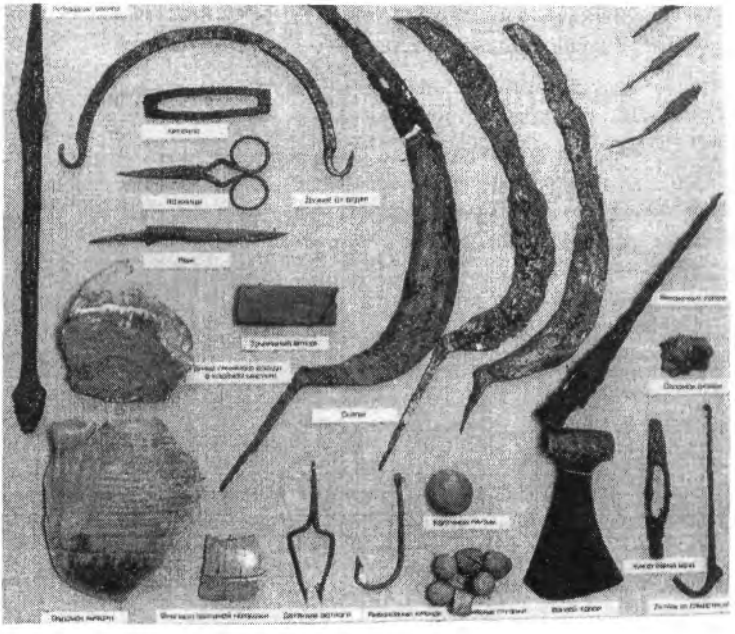


Илл. 41. Орудиятруда. VIII-XIII вв. РаскопкиТ. Н. Никольской. 1950-1960-е гг. Орловская область.

Илл. 42. Древнерусский город у д. Слободка Шаблыкинского р-на Орловской области. XII-начало XIII в. Реконструкция художника Г. В. Борисевича.

Илл. 43. Раскопки городища у д. Слободка Шаблыкинского р-на. Верхнеокская археологическая экспедиция ИА АН СССР. 1959-1966 гг.

Илл. 44. Раскопки городища у д. Слободка Шаблыкинского р-на. 1962 г.



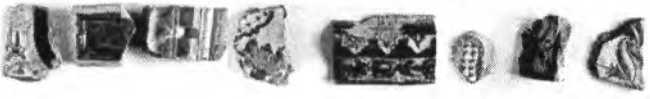
Илл. 45. Предметы быта и оружие, найденные при раскопках древнерусского города у д. Слободка Шаблыкинского р-на.

Илл. 46. А. Н. Красницкий, руководитель Орловского археологического отряда. 1970-1990-е гг.

Илл. 47. Раскопки на территории бывшей Орловской крепости XVI-XVIII вв. 1986 г.

Илл. 48. Кувшин и светильник. XVI–XVII вв. Найдены в г. Орле.

Илл. 49. Фрагмент печного изразца XVI в. Найден при раскопках на территории Орловской крепости. 1988 г.

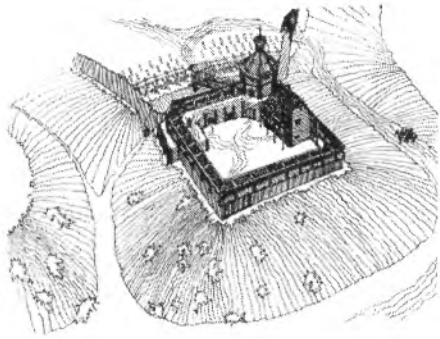


Илл. 50. Изразцы XVII-начала XIX в. Найдены при раскопках Орловской крепости. 1986 г.

Илл.* 51*. Археологическая экспедиция Орловского краеведческого музея. 1990 г.

Илл. 12. В разведке на р. Сосне. Ливенский р-н. Археологическая экспедиция Орловского краеведческого музея. 2002 г.

Илл. 53. С. Д. Краснощекова, руководитель археологической экспедиции Орловского краеведческого музея.



Илл. 55. Городище Ключевка. XII-XIII вв. Художественная реконструкция В. М. Неделина.

Илл. 54. В разведке на р. Тим. Л ивенский р-н. Археологическая экспедиция Орловского краеведческого музея. 2002 г.

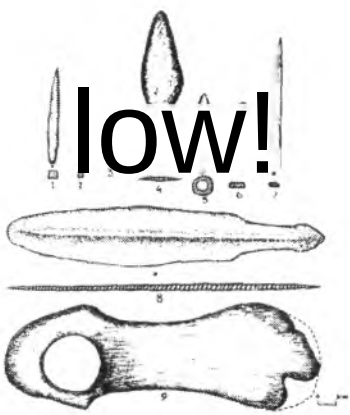
Илл. 56. Городище Ключевка. XII-XIII 66. Ливенский р-н. 2000 г.

Илл. 57. Обгоревшие сосновые оборонительные укрепления вала городища Ключевка. XII—XIII вв. Ливенский р-н. 1990 г.

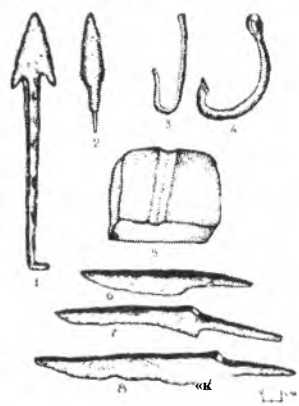
Илл. 58. Раскопки вала городища Ключевка. XII-XIII 66. Ливенский р-н. 1999 г.

Илл. 59. Раскопки вала городища Ключевка. XII-XIII 66. Ливенскийр-н. 1999 г.

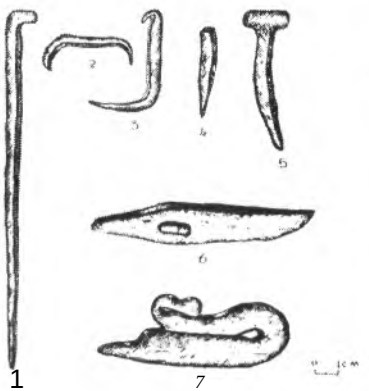
Илл. 60. Раскопки городища Ключевка. XII-XIII вв. Ливенский р-н. 1999 г.



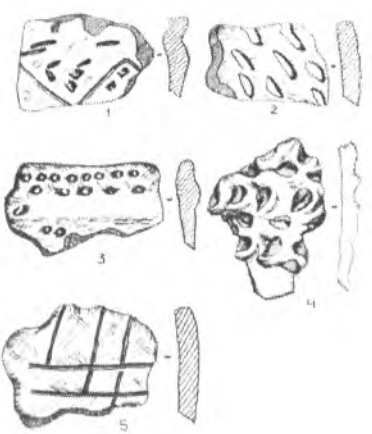
Илл. 61. Бронзовые и костяные изделия эпохи бронзы. 1-2 — бронзовые проколки, 3 —• бронзовое височное кольцо, 4 — бронзовый наконечник стрелы, 5 — ***костяной наконечник стрелы, 6 — костяная декоративная накладка,*** 7 — ***костяная игла, 8 — бронзовый нож, 9 — костяная мотыга.***



Илл. 62. Предметы быта XII-XIII вв. 1 — наконечник дротика, 2 — наконечник стрелы, 3-4 — рыболовные крючки, 5 — точильный брусок, 6-8 — ножи. Селища Ключевка-1, 2. Ливенский р-н.

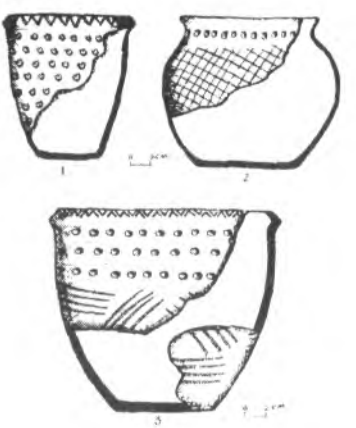


Илл. 63. Предметы кузнечного ремесла ХП-ХШ вв. 1 — костыль, 2 — скоба, 3-3 — гвозди, 6 — молоток, 7 — кресало. Селища Ключевка-1, 2, Ливенский р-н.



Илл. 63. Фрагменты лепной керамики с орнаментом. Конец III-II тысячелетие до н. э. Селище Ключевка-2, Ливенский р-н.

Илл. 64. Руководитель археологической экспедиции С. Д. *Краснощекова с находками. Селище Ключевка-2. 2002 г.*



Илл. 66. Ленная керамика эпохи ранней бронзы. Селище Ключевка-2, Ливенский р-н.

Илл. 67. Лагерь археологической экспедиции Орловского краеведческого музея. Селище Ключевка-2, Ливенский р-н. 1990 г.

Илл. 68. Погребение девочки 6-10 лет. XII в. Селище Ключевка-2, Ливенский р-н. 2001 г.

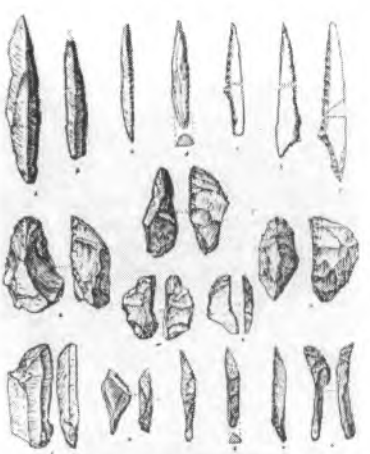
Илл. 69. Раскопки на территории бывшей Ливенской крепости XVI-XVII вв. Археологическая экспедиция Орловского краеведческого музея. 2002 г.

Илл. 70. Фундамент из песчаных блоков от строения конца XVIII- начала XIX в. Раскопки Ливенской крепости. 1999 г.

Илл. 71. Выставка находок с территории Ливенской крепости. Ливенский краеведческий музей. 1999 г.

Илл. 72. Каменная баба. IX-XIII вв. Найдена в нос. Верховье Орловской области. 1984 г.

Илл. 73.1 областная археологическая конференция. Орел, краеведческий музей. 1991 г.



Илл. 74. Кремневые орудия Ореньякской эпохи. Палеолит.

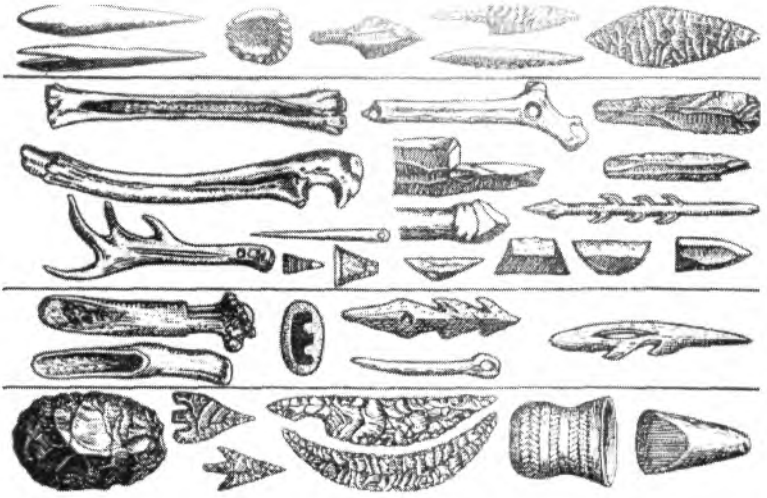
Илл. 75. Захоронение эпохи верхнего палеолита.

Илл. 76. Мамонт.

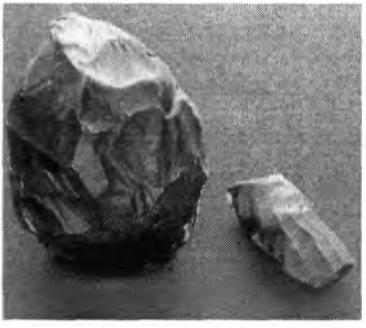
20 Заказ № 3877

Илл. 17. Шерстистый носорог.

Илл. 78. Гигантский олень.



Илл. 79. Орудия труда эпохи неолита.



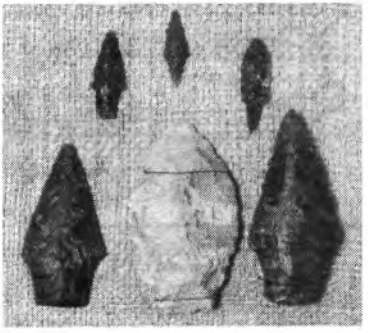
Илл. 80. Кремневые нуклеусы. Неолит. ОКМ.

Илл. 81. Кремневый нуклеус. Неолит. ОКМ.

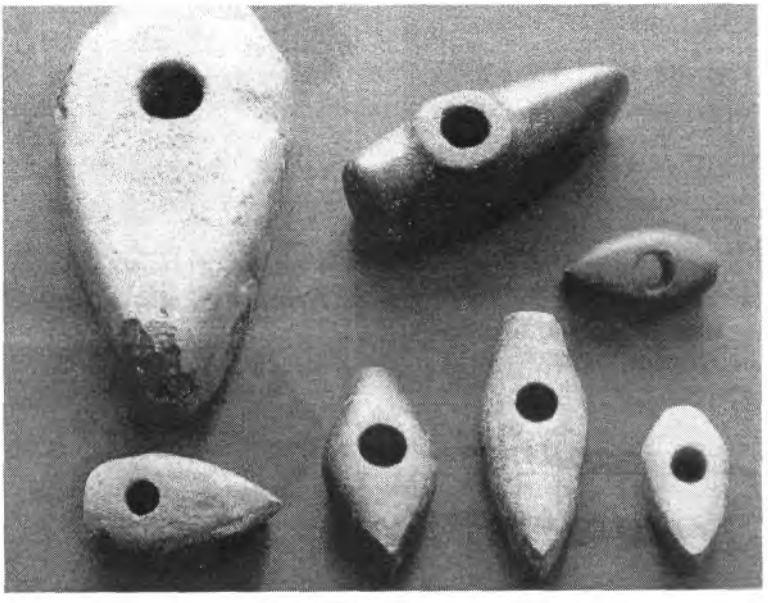
Илл. 82. Костяные гарпуны.

Илл. 83. Кремневый скребок. Неолит. ОКМ.

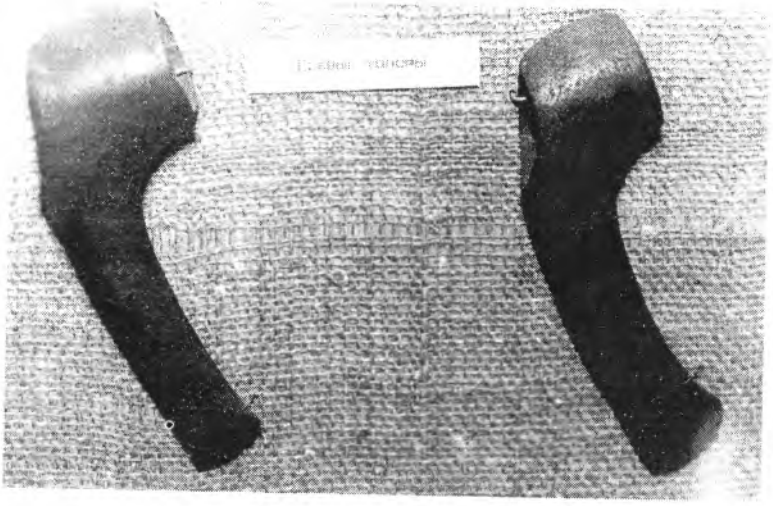
Илл. 84. Кремневые ножи. Неолит. ОКМ.



Илл. 85. Каменные наконечники стрел и копий. Неолит. ОКМ.

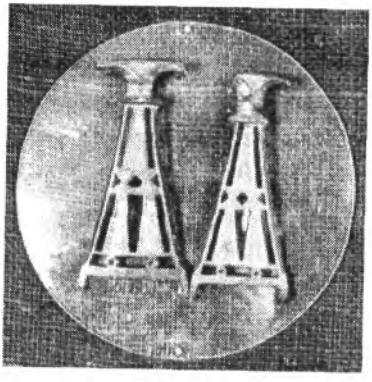


Илл. 86. Каменные топоры. Ш-Н тысячелетия до н. э. ОКМ.



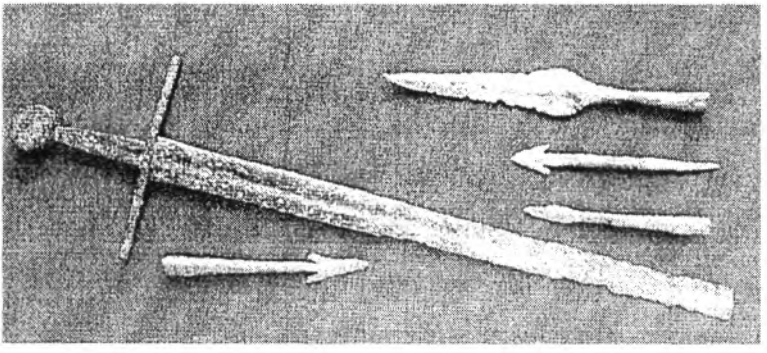
Илл. 87. Бронзовые топоры. II тысячелетие до и. э. ***Найдены в с. Яковлево иуд. Некрасовка Свердловского р-на. 1949 г. ОКМ.***

Илл. 88. План городища Надежда. Орловский р-н.

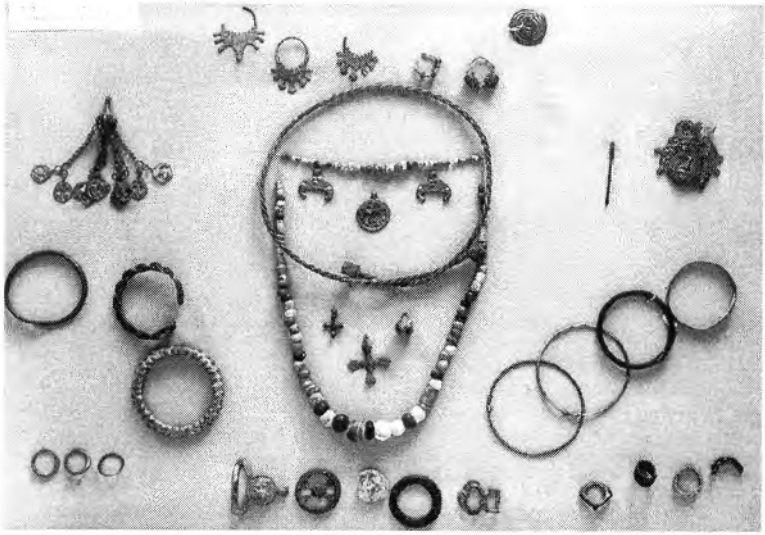


Илл. 89. Фибулы — декоративные нагрудные привески, v-vnee. ОКМ.

Илл. 90. Городище Кишкино-1. Середина I тысячелетия н. э. Волховский р-н.

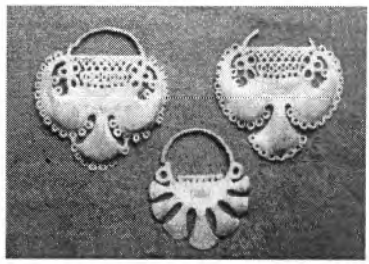


Илл. 91. Русское холодное оружие. XI-XIII вв. ОКМ.



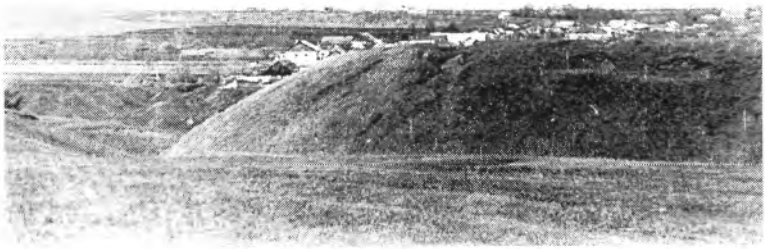
Илл. 92. Украшения славян. VIII- XIII вв. Найдены на территории Орловской губернии в конце XIX-начале XX в. ОКМ.

Илл. 93. Украшения славян.



Илл. 94. Височные кольца славян-вятичей. VIII-X вв. ОКМ.

Илл. 95. Городище Спащь. XII– XIII вв. Орловский р-н.



Илл. 96. Городище Гонючево. XIII- XIV вв. Орловский р-н.

Илл. 97. Городище Локно. XII- XIII вв. Знаменский р-н.

Илл. 98. Городище Мерцалово. XII- XIII вв. Урицкий р-н.

Илл. 99. Карта археологических памятников Орловской области. Автор С. Д. ***Краснощекова.***

Илл. 100. Бронзовая привеска-лошадка. X-XIII вв. Найдена у д. Балдыж Дмитровского р-на. 2004 г. Полностью идентична той, которую в 1902 г. нашел В. Р. Апухтин в кургане близ городища Радовище (ныне Хотынецкий р-н).

МИНИСТЕРСТВО

И МПЕРАТОР СК А ГЮ

ДВОРА

ИМПЕРАТОРСКАЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ

КОМИССІЯ

..23 „ М а я ;?о 2л

№ 144

С.-Петербургъ-

Juiiii ИКПЕРжТОРСИ*ГО 3»«vo Дирти.

Открытый. ЛИСТЫ

130 *сИа* вТо р ОЙ f_CcV

сЗыЛтяр j/ncHtr. .шсмг- г. Слушателю С.Петербург-с.каго Археологиче-акаго Института В. Апухтину

Императорскою Археологическою Л?.н.«?/ссй'к' н-а *iipafo npourfoc'cmfa apxco.iceuzcc/iitx^ pac/ione/n- f't-me z сиги* /.-V 2 ггЛг ял *3е.ti.i>ixz- бахнныхг, cSut.eeih Sc h * ныхъ* u *прикас'ле^ащихъ pa.mn.in- ;pmanoSicHiA.in-* At' *прессах** Волховского.у^зда, Орловской губерний. . .....

/

Ct- *cSa.'amc.ncmbc.in- e'ecmaf'itmt- e^c.ii.iitteetK' :i>i: cm t-it.iu ?кеШъ по прои.'бес'еннынъ packoiiJia.in-, a mafifa, при осоSoii описи /?c k..,vo нахос'с/n-, HauSc.uz-c цкниыс и интересные* m *найденных** *iipoc\iiemof>z-.* ?лл *пред:mafaeh i.-i ихz- на Sfawcctaitiucc cfoct/Заря Stf.wwpa-mopa fios.pnmic.*

Подписалъ:

Sffpcckno'ame.i ь *3t.'innpa i) icpckoil*

xlpxec.ioeuzcdiou e'vc.n.nuoeht Графъ А. Бобринской .

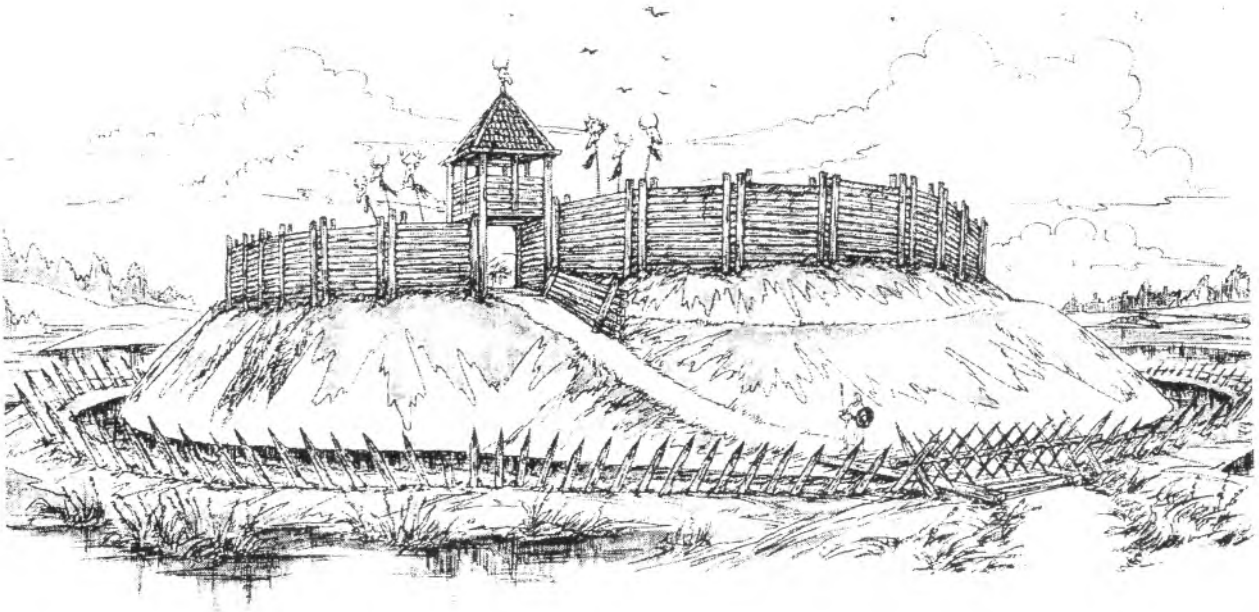
Скрѣпилъ:

Дѣлопроизводитель Ил. Гусловскій

вѣрно:

Листъ этотъ дѣйствителенъ на одинъ годъ и, не минованіи надобности, долженъ быть представленъ обратно въ Экспедицію

Илл. 101.



Илл. 102. Городище Радовище. Вторая половина I тысячелетия до н. э.
Орловская область, Хотынецкий р-н. Художественная реконструкция В. М. Неделина.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКР — Археологическая карта России.
БКМ — Волховский краеведческий музей.
ГАОО — Государственный архив Орловской области.
ГИМ —■ Государственный Исторический музей.
ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
МВД — Министерство внутренних дел.
МИА — Материалы Института археологии.
МИГМ — Музей истории города Мценска.
ОАО — Орловский археологический отряд.
ОКМ — Орловский краеведческий музей.
ОУАК — Орловская ученая архивная комиссия.
ПВЛ — Повесть временных лет.
ПСРЛ •— Полное собрание Русских летописей.
РАН — Российская Академия наук.
ТОУАК •— Труды Орловской ученой архивной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателям. Е. С. Строев..... 3

Введение. В. В. Титова 5

Часть I. Краткое введение в археологию..... 9

Часть II. Географическое положение и природные условия Орловской области 29
Глава 1. Орловский край в XVIII- начале XX в. и Орловская область в границах 1954 г..... 29
Глава 2. Природные условия Орловской области..... 30

Часть III. История археологического изучения территории Орловского края (губерния-область) 36
Глава 1. У истоков орловской археологии..... 36
Глава 2. Систематизация археологических памятников Орловской губернии краеведом А. Г. Пупаревым. 1877 г.....'..... 41
Глава 3. Археологическая деятельность Орловской ученой архивной комиссии в конце XIX в..... 47
Глава 4. Губернский музей при Орловской ученой архивной комиссии..... 65
Глава 5. Археологическая деятельность Орловской ученой архивной комиссии в начале XX в..... 73
Глава 6. Археологическая деятельность Орловского церковного историко-археологического общества в начале XX в..... 104
Глава 7. Археологические исследования в Орловской губернии в 1920-е гг..... 133
Глава 8. Археологическая деятельность Орловского губернского краеведческого общества во второй половине 1920-х гг..... 153

Глава 9. Археологическая деятельность Орловского краеведческого музея в 1930-1940-е гг..... 163
Глава 10. Археологические исследования в Орловской области в 1950-1980-е гг. Верхнеокская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР под руководством Т. Н. Никольской. Орловский археологический отряд под руководством Л. Н. Красницкого..... 175
Глава 11. Археологическая экспедиция Орловского краеведческого музея под руководством С. Д. Краснощековой. Конец XX - начало XXI в..... 187

Часть IV. Археологическое прошлое Орловской области .. 207
Глава 1. Каменный век (Палеолит. Мезолит. Неолит.).... 207
Глава 2. Эпоха раннего металла (Энеолит. Бронзовый век.). 229
Глава 3. Ранний железный век 236
Глава 4. Эпоха средневековья: VIII-XIII вв..... 251
Глава 5. Эпоха верховских княжеств и допетровской Руси. XIV-XVIIbb 266
Глава 6. Итоги археологических исследований Орловской области на 01.01.2006 г..... 268

Заключение. С. Т. Минаков..... 274
Список сокращений 280

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Выпуск пятый

Светлана Дмитриевна Краснощекова
Леопольд Никодимович Красницкий

АРХЕОЛОГИЯ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ответственный за выпуск В. *В. Титова*
Редактор *Л. В. Миндыбаева*
Корректор *Л. В. Миндыбаева*
Фото С. *Д. Краснощековой, Л. Н. Красницкого, Л. М. Тучнина*

Подписано в печать 2006 г. Формат 84x108[1]/зг. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. п. л. 16,8. Тираж 1000 эка. Заказ № 3877.

Издательство «Вешние воды»
Лицензия ИД № 01064 от 25.02.2000 г.
302028, г. Орел, ул. Салтыкова-Щедрина, 1.

Отпечатано в ОАО «Типография «Труд».
302028, Орел, ул. Ленина, 1.